ВЪ ДАЛЕКІЕ КРАЯ.

I.

Когда я началъ было составлять маршрутъ путешествія изъ Петербурга въ страну золота и классическаго „Макара“, гдѣ по дѣламъ мнѣ предстояло прожить довольно продолжительное время, я могъ сообразить свою поѣздку лишь до Урала. Дальше всякія соображенія относительно времени и способовъ передвиженія прекращались и я находился въ такомъ же недоумѣніи, въ какомъ очутился бы, собираясь посѣтить неизвѣданныя мѣста Центральной Африки. Я, правда, зналъ, что по нѣкоторымъ сибирскимъ рѣкамъ, названія которыхъ еще со школьной скамьи неизгладимо врѣзались въ память, ходятъ пароходы, что въ послѣднее время и экспортація преступныхъ элементовъ совершается преимущественно лѣтомъ, чтобы воспользоваться водянымъ путемъ, но когда, откуда и куда ходятъ пароходы, въ какой срокъ совершаютъ рейсы, что стоитъ переѣздъ на нихъ,—вотъ вопросы, въ отвѣтъ на которые всѣ отечественные календари и путеводители позорно молчали, игнорируя сибирское пароходство.

Проникнуты ли наши Бедекеры убѣжденіемъ, что въ отдаленныя мѣста добровольныхъ путешественниковъ ѣздитъ слишкомъ мало и для нихъ не стоитъ давать лишнюю страничку свѣдѣній (для невольныхъ же туристовъ, которыхъ, напротивъ, слишкомъ много, существуютъ казенные путеводители), забываютъ ли они о Сибири по небрежности или просто по россійской халатности,—не знаю. Но дѣло только въ томъ,

что несравненно легче съ какимъ-нибудь иностраннымъ курсбухомъ въ рукахъ составить точный разсчетъ путешествія въ Австралію, Китай, Калифорнію или на мысъ Доброй Надежды, чѣмъ, находясь въ столицѣ имперіи, сообразить способы сообщенія, время и стоимость экскурсіи по ту сторону Уральскаго хребта. Мѣсяцъ, полтора ли изнывать вамъ въ дорогѣ, гдѣ пользоваться водой, гдѣ почтовымъ трактомъ, можно ли на станціяхъ достать какія-нибудь орудія передвиженія, болѣе гарантирующія цѣлость вашихъ внутренностей, чѣмъ перекладныя, — все это было облечено для меня глубочайшею тайной.

Такою же, если еще не большею, романическою тайной окутаны и сибирскіе города съ ихъ 30° морозами и классическими „сибирскими“ пожарами. И если вы, какъ предусмотрительный человѣкъ, пожелали бы узнать, хотя бы въ общихъ чертахъ, чего вамъ ждать отъ того или другого города, есть ли въ немъ, кромѣ присутственныхъ мѣстъ, острога, рынка и клуба, еще и другіе обращики цивилизаціи,—школы, гимназіи, библіотеки,—то вы много потратите времени въ надеждѣ обрѣсти нужныя вамъ свѣдѣнія.

Изъ суворинскаго календаря вы можете лишь узнать число жителей въ любомъ городѣ и, разумѣется, невѣрное, такъ какъ сибирская статистика не только наука, но и дойная корова для собирателей свѣдѣній, какъ и полагается въ доре-форменныхъ палестинахъ. Вдобавокъ, не забудьте, что въ Сибири въ непрерывныхъ „бѣгахъ“ числится обыкновенно до 40,000 человѣкъ (опять-таки по сибирской статистикѣ), и вы поймете, какъ трудно усчитать, въ какихъ городахъ отдыхаютъ отряды этой вѣчно „бѣгающей“ арміи. Мало извлечете вы, заглянувъ для очистки совѣсти и въ учебники географіи. Они напомнятъ вамъ, пожалуй, время вашего дѣтства, возстановятъ неясный образъ Ермака, укажутъ количество церквей, но относительно бытовыхъ подробностей проявятъ ту же скупость, какую проявлялъ и старикъ Ободовскій. Изъ разныхъ сибирскихъ временниковъ и памятныхъ книжекъ, составляемыхъ губернскими статистическими комитетами частью для собственнаго употребленія, частью для надобностей мѣстныхъ казенныхъ учрежденій, можно бы, пожалуй, выудить болѣе подробныя, свѣжія, а иногда и весьма любопытныя свѣдѣнія, но вы ихъ найдете только по пріѣздѣ въ Сибирь, когда они явятся „горчицей послѣ ужина“, а въ Петербургѣ,

увы, вамъ не разыскать этихъ таинственныхъ незнакомцевъ. Затѣмъ, въ ученыхъ путешествіяхъ и изслѣдованіяхъ Сибири, у Кастрена, Паласа, Гумбольдта, Макка, Щапова, Ровинскаго, гг. Ядринцева и Потанина, въ изданіяхъ сибирскаго отдѣла географическаго общества, найдется, безъ сомнѣнія, много любопытнаго, интереснаго и поучительнаго по всѣмъ отраслямъ знанія, но, разумѣется, въ такихъ изслѣдованіяхъ и ученыхъ монографіяхъ не можетъ быть тѣхъ бытовыхъ описаній города и деревни, тѣхъ справочныхъ, такъ сказать, свѣдѣній, которыя именно-то и нужны обыкновенному смертному, чтобы ориентироваться на новомъ мѣстѣ, не рискуя очутиться въ положеніи Робинзона или щедринскаго генерала на необитаемомъ островѣ.

Къ сожалѣнію, у насъ и вообще-то мало популярныхъ толковыхъ описаній путешествій. Что же касается знакомства съ Сибирью, то разныя интересующія васъ бытовыя подробности приходится искать въ статьяхъ, очеркахъ, иногда весьма недурныхъ, разбросанныхъ по разнымъ изданіямъ. Недурна въ этомъ отношеніи книга г. Ядринцева *Сибирь какъ колонія*. Она даетъ если и не полную, то, во всякомъ случаѣ, довольно характерную общую картину сибирской жизни, хотя и смотритъ на Сибирь и сибиряка съ нѣкоторымъ, понятнымъ, впрочемъ, въ авторѣ-сибирякѣ пристрастіемъ, особенно замѣтнымъ, если сопоставить отзывы этой книги съ отзывами, напримѣръ, Щапова и Ровинскаго или Шашкова. Довольно полно отражаетъ эту будничную, такъ сказать, жизнь и сибирская мѣстная печать, исполняя свое многотрудное дѣло не безъ упорной энергіи и съ достоинствомъ, несмотря на всяческія противодѣйствія, хорошо извѣстныя особенно провинціальной печати. Я говорю о *Сибири* и о *Сибирской Газетѣ*, двухъ старыхъ органахъ мѣстной жизни, съумѣвшихъ поддержать значеніе печатнаго слова.

Прочитывая эти маленькіе еженедѣльные листки, вы очень часто встрѣтите въ нихъ любопытный матеріалъ по изслѣдованію народной сибирской жизни и, навѣрное, познакомитесь (до извѣстной, конечно, степени и въ извѣстныхъ, разумѣется, предѣлахъ) со многими особенностями и чудесами дореформенныхъ порядковъ въ „центрахъ“ и въ захолустьяхъ этой классической страны маленькихъ мѣстныхъ сатрапчиковъ въ образѣ разныхъ засѣдателей и прочихъ полицейскихъ цивилизаторовъ, исполняющихъ свою извѣстную провиденціальную

миссію, допотопныхъ ярыжекъ старыхъ судовъ [1]); страны богатыхъ и прогорающихъ золотопромышленниковъ, бандитовъ легальныхъ—разныхъ кулаковъ мѣстнаго произрастанія и бандитовъ нелегальныхъ — рыцарей острога и каторги, бродягъ и всякихъ скитальцевъ изъ пришлаго элемента; страны „жестокихъ“ нравовъ купечества съ выдающимися „сибирскими американцами“, біографіи которыхъ, случается, такъ же темны, какъ темна сибирская тайга и какъ мраченъ первоначальный источникъ богатствъ этихъ „вчерашнихъ“ ямщиковъ, ставшихъ сегодня „уважаемыми“ патриціями, съ мундирами, пріобрѣтенными благотворительными пожертвованіями; страны историческихъ казнокрадовъ и расхитителей на „покоѣ“, червонныхъ тузовъ и валетовъ не „у дѣлъ“ и всякаго рода артистовъ; страны, гдѣ и сибирякъ-обыватель, и русскій поселыцикъ, и наивный бурятъ, и вымирающій остякъ или самоѣдъ болѣе чѣмъ гдѣ-либо чувствуютъ, что до Господа Бога дѣйствительно высоко, а какой-нибудь еле грамотный и вѣчно пьяный волостной писарь дѣйствительно близко.

Но поднте, ищите въ Россіи сибирскія газеты! Да если бы вы и знали объ ихъ существованіи, то кому досугъ и охота рыться въ газетныхъ листкахъ?

Что же касается чисто-справочныхъ свѣдѣній о дорогѣ и о разныхъ мѣстныхъ условіяхъ жизни, то ихъ, какъ я сказалъ, нигдѣ не найти, и вамъ предстоитъ пускаться въ страну (для большинства дѣйствительно невѣдомую), уподобляясь колумбовымъ спутникамъ, если вы, по русскому обыкновенію, за неимѣніемъ печатныхъ путеводителей, не добудете себѣ какого-нибудь „свѣдущаго“ человѣка, который избавилъ бы васъ хотя отъ нѣкоторой тягости недоумѣній, сообщивъ о подробностяхъ путешествія, какъ водится, болѣе или менѣе невѣрныя свѣдѣнія, съ обычною готовностью русскаго человѣка ввести въ заблужденіе ближняго самымъ искреннимъ и добродушнымъ образомъ.

Само собою разумѣется, что я предполагаю возможность любознательности лишь относительно тѣхъ сибирскихъ городовъ, которымъ можно дать такое названіе, хотя бы и съ нѣкоторою натяжкой. Я имѣю, конечно, въ виду пять, шесть губернскихъ центровъ, гдѣ дѣйствительно водится житель и гдѣ возможно предположить способы существованія, хотя бы

[1]) Судебная реформа уже введена, какъ извѣстно.

приблизительныя къ человѣческому, а не разные Нарымы, Сергуты, Канински, Гижиги, Вилюйки, Турухански, Верхоянски (немало еще!), однѣ ужъ географическія широты которыхъ и самыя ихъ названія (не говоря о дурныхъ слухахъ) отбиваютъ всякую любознательность, по крайней мѣрѣ, со стороны человѣка, предпочитающаго культурныя условія жизни первобытной и не влюбленнаго въ тундры и ягоду морошку.

А, между тѣмъ, эти географически-собачьи мѣста и на картахъ, и въ учебникахъ, и въ воображеніи наивныхъ людей фигурируютъ подъ громкимъ названіемъ городовъ и важно значатся въ спискѣ „населенныхъ“ мѣстъ въ имперіи. А въ такихъ „городахъ“, случается, и всего-то „жителя“ сотня-другая, считая въ томъ числѣ и команду казаковъ, и случайнаго гостя, безъ котораго немыслимо, разумѣется, ни одно „собачье мѣсто“. И „житель“, исполняя нехитрыя функціи жизни первобытнаго человѣка, ухитряется даже не всегда находиться въ состояніи запоя, а гость не всегда сойти съ ума отъ тоски и не гибнуть отъ лишеній, какъ бы для доказательства, что изъ всѣхъ земныхъ тварей человѣкъ есть самая терпѣливая и живучая, могущая приспособиться даже къ какому-нибудь Средне-Колымску (припомните: „Яна, Индигирка и Колыма“), въ сравненіи съ которымъ сама знаменитая Пинега, какъ говорятъ, то же, что Парижъ передъ Тотьмой или Боровичами.

„Свѣдущій“ человѣкъ, къ которому я обратился за справками, былъ человѣкъ почтенный, добросовѣстный, считавшій себя знатокомъ края, но, на бѣду мою, коренной сибирякъ, къ тому же, давно оставившій Сибирь, а многіе сибиряки, какъ я не разъ убѣждался горькимъ опытомъ, немножко гасконцы, чуть дѣло идетъ объ ихъ родинѣ. Питая къ ней „родъ недуга“ и отличаясь мѣстнымъ патріотизмомъ въ очень значительной дозѣ, мой сибирякъ былъ нѣсколько расточителенъ на яркія краски, когда живописалъ красоты сибирской природы съ ея тайгами и степями, разсказывалъ про „нетронутость“ сибирскаго жителя (коренного, замѣтьте, жителя; къ пришлымъ, „россійскимъ“, сибирякъ питаетъ недоброжелательство) и съ необыкновенною нѣжностью вспоминалъ о лепешкахъ, шаньгахъ и пирогахъ, о знаменитой сибирской нельмѣ и „стружаниѣ“ (сырая замороженная рыба, которую сибиряки ѣдятъ, настругивая тонкими стружками) съ уксусомъ и лукомъ.

Мрачная, безлюдная и холодная „страна Макара“, какою представлялась она вамъ съ дѣтства, принимала въ этихъ „сибирскихъ“ разсказахъ совсѣмъ иной видъ, — видъ обаятельныхъ, полныхъ прелести палестинъ, не испорченныхъ еще въ концѣ изпанкой цивилизаціи и изобилующихъ всякою снѣдью. Если бы да только „реформы“, которыя сравняли бы Сибирь съ Россіей, а не этотъ классическій „провиденціальный“ цивилизаторъ, не дающій сибиряку вздохнуть, не потребовавши мзды, да не пришлый „варнакъ“, развращающій патріархальнаго мѣстнаго жителя, то хоть бы рай! И сибирскій „кулакъ“, по словамъ „сибирскаго гасконца“, куда мягче русскаго, да и „кулаковъ“-то меньше. О сибирскомъ мужикѣ и говорить нечего, не чета русскому; онъ не такъ забитъ и живетъ куда богаче: земли вдоволь, и знаетъ онъ говядину не по однимъ только великимъ праздникамъ, ну, словомъ, тамъ, въ этихъ привольныхъ мѣстахъ, „вообще“ лучше.

Слушая всѣ эти подчеркиванія хорошихъ сторонъ (дурныя разскащикъ-сибирякъ смягчитъ по мѣрѣ возможности), вы начинаете удивляться собственному невѣжеству. Думали, что Сибирь—Сибирь и есть, а выходитъ если и не совсѣмъ Аркадія (едва ли въ Аркадію ссылали бы преступниковъ), то, все-таки, „весьма и весьма недурно“, какъ выразился, вторя словамъ сибиряка, другой пропагандистъ этого края, знакомый правовѣдъ, одинъ изъ тѣхъ раннихъ и милыхъ молодыхъ людей новѣйшей формаціи, которые, при случаѣ, умѣютъ съ трогательною любезностью увѣрить, что, „собственно говоря“, и на Сахалинѣ „весьма и весьма недурно“.

Молодой человѣкъ, хотя самъ и не бывалъ въ „тѣхъ“ мѣстахъ, но имѣлъ случай по обязанностямъ службы („Ахъ, какая тяжелая служба!“ — по обыкновенію, прибавилъ онъ, скромно опуская глаза) узнать о нихъ основательно и можетъ сказать, что противъ нихъ сложилось совсѣмъ напрасное предубѣжденіе. „Тамъ“ есть мѣста превосходныя, которыя по климату не уступятъ хотя бы Швейцаріи. Возьмите, напримѣръ, Семирѣчье или мѣстности подлѣ Алтая. Хорошо и Забайкалье... Недурна и Томская губернія... Не совсѣмъ скверно и въ Якутской области.

— Знаете ли,—прибавилъ онъ, вдохновляясь собственными словами,—я даже завидую вамъ, что дѣла заставляютъ васъ оставить на нѣкоторое время Петербургъ. Тамъ, вдали отъ

здѣшней сутолоки, на привольи, среди новыхъ людей, въ „ровномъ“ климатѣ, право, лучше! Охота, рыбная ловля какія! И, наконецъ, вамъ волей-неволей придется узнать настоящую жизнь, а не поддѣлку ея, не ту, которую описываютъ намъ, тенденціозно преувеличивая ея дурныя стороны.

И, увлекаясь все болѣе, молодой человѣкъ началъ нахваливать тѣ мѣста даже по-французски и съ такою убѣдительностью, что я освѣдомился: почему онъ самъ не перейдетъ на службу въ „тѣ“ мѣста? Къ сожалѣнію, онъ, вѣдь, не зависитъ отъ себя. Разъ служитъ, надо „тянуть лямку“, гдѣ придется... Онъ, такъ сказать, „рабъ обстоятельствъ“ и, наконецъ, прибавилъ онъ, „здѣсь онъ болѣе полезенъ“.

Въ виду такихъ пріятныхъ сообщеній, я, признаться, позабылъ многое, что читалъ и о чемъ слышалъ, и заранѣе восхищался перспективой приволья, яснаго неба, постояннаго солнца, хотя и при сильныхъ морозахъ зимой, но за то почти нечувствительныхъ при безвѣтріи (все это свѣдущій человѣкъ вамъ обѣщаетъ довольно авторитетно, такъ что вы и не ожидаете, что все это окажется порядочнымъ враньемъ) и необыкновенно дешевой жизни. Когда мой словоохотливый сибирякъ окончилъ описаніе свое „вообще“, я сталъ допрашивать его, разумѣется, детально.

Во-первыхъ: какъ ѣхать, гдѣ сѣсть на пароходъ?

Оказалось, что отъ Екатеринбурга, связаннаго съ Пермью желѣзною дорогой, надо ѣхать до Тюмени на лошадяхъ. Тарантасъ можно найти, проходная дорога—прелесть! Везутъ... но кто не знаетъ, какъ по Сибири возятъ? Эти 300 верстъ будутъ пріятнымъ воспоминаніемъ.

Читатель впослѣдствіи узнаетъ, какое „пріятное“ воспоминаніе оставили эти триста верстъ адской дороги, а пока приходилось только радоваться ожидающей прелести и узнать затѣмъ, что изъ Тюмени вы садитесь на пароходъ и по Тарѣ, Тоболу, Иртышу, Оби и Томи плывете дней десять до Томска. Оттуда опять на лошадяхъ на пріиски, куда мнѣ приходилось ѣхать, оставивъ семью въ Томскѣ.

Къ сожалѣнію, мой живой путеводитель не могъ сообщить, когда ходятъ пароходы и что стоитъ переѣздъ, и посовѣтовалъ справиться объ этомъ въ Нижнемъ. Тамъ, разумѣется, извѣстно. За то очень хвалилъ сибирскіе пароходы, обѣщалъ много красивыхъ видовъ и соблазнялъ знакомствомъ съ пельмой.

— А каковъ, напримѣръ, городъ Томскъ?

— Превосходный. Лучшій городъ Сибири, такъ сказать, сибирская Москва. Вы тамъ найдете всѣ условія цивилизованной и, притомъ, дешевой жизни... Говядина лучшая шесть копѣекъ... Стерлядь, осетрина, нельма дешевы... Дичь ни почемъ... Ягодъ изобиліе.

— А учебныя заведенія?

— Двѣ мужскія гимназіи: классическая и реальная; женская гимназія, нѣсколько школъ... Скоро вотъ университетъ будетъ... Хорошая библіотека и книжный магазинъ... Театръ. Недурныя гостинницы...

— А какъ мнѣ быть съ мебелью? Не везти же ее съ собой... Можно ли тамъ найти какую-нибудь простую мебель?

Въ отвѣтъ презрительная усмѣшка.

— Что угодно найдете...

— Быть можетъ, дорого?

— Всякая есть: и дорогая, и дешевая,—успокоиваетъ васъ свѣдущій человѣкъ.

Но вы сдѣлаете большой промахъ, если повѣрите, такъ какъ убѣдитесь горькимъ опытомъ, что въ „сибирской Москвѣ“ нѣтъ ни одного мебельнаго магазина и вамъ придется ожидать „случая“, чтобы пріобрѣсти хотя письменный столъ или же купить разный хламъ на базарѣ, этомъ главномъ, общеизвѣстномъ мѣстѣ Томска.

Точно такія же утѣшительныя свѣдѣнія вы получаете въ отвѣтъ на вопросъ о квартирѣ. Оказывается, что квартиры очень дешевы.

— Да вотъ я вамъ скажу: за пятнадцать рублей въ мѣсяцъ я нанималъ цѣлый домъ въ шесть комнатъ. Правда, это было десять лѣтъ тому назадъ. Теперь квартиры подороже, но все-таки онѣ дешевы.

Увы, и на этотъ счетъ васъ ждетъ разочарованіе.

Наконецъ, я, какъ человѣкъ, собирающійся въ новыя мѣста не одинъ, а въ пріятной компаніи нѣсколькихъ „прелестныхъ малютокъ“, поинтересовался вопросомъ общественной безопасности, ибо вспомнилъ, что въ газетахъ писали, будто въ Томскѣ грабежи часты, и слышалъ, что вообще тамъ безъ револьвера по вечерамъ выходить на улицу небезопасно.

— Все это преувеличиваютъ! — не безъ сердца возразилъ мой сибирякъ.

— Однако, и г. Ядринцевъ въ своей книгѣ *Сибирь какъ колонія* приводитъ не особенно утѣшительныя свѣдѣнія насчетъ Томска: пятьдесятъ восемь кражъ и убійствъ въ три мѣсяца, по оффиціальнымъ даннымъ.

— Ну, можетъ быть... не спорю... были такіе три мѣсяца, но вообще... ничего нѣтъ особенно страшнаго. Въ маленькихъ городкахъ случается, правда, иногда, что жители находятся какъ бы въ осадѣ отъ варнаковъ. Ну, а въ большихъ городахъ, слава Богу, и полиціи больше, и солдаты есть. Конечно, не безъ того, пошаливаютъ, а вы хорошенько запирайтесь на запоръ по ночамъ, да собакъ хорошихъ заведите, не лишнее, разумѣется, и револьверъ на случай имѣть. Береженаго Богъ бережетъ, такъ оно и безопасно... А чуть ежели что... заберутся къ вамъ, вы — бацъ изъ револьвера... Этихъ мерзавцевъ, варнаковъ, жалѣть нечего! — утѣшалъ сибирякъ.

Но радость моя была омрачена, когда, нѣсколько дней спустя, пришлось случайно встрѣтиться съ другимъ „свѣдущимъ“ человѣкомъ, совершившимъ на своемъ вѣку немало разъѣздовъ по разнымъ окраинамъ Россіи. Начиненный болѣе или менѣе утѣшительными свѣдѣніями, я, подъ впечатлѣніемъ „сибирскихъ“ разсказовъ, началъ было передавать ему свои надежды, но увидалъ на лицѣ его ироническую улыбку. Сперва онъ слушалъ молча, но, наконецъ, не выдержалъ и сталъ разсказывать про Сибирь, гдѣ онъ прослужилъ года три. Онъ былъ не молодъ. Этотъ новый „свѣдущій“ человѣкъ не особенно радостно смотрѣлъ вообще на міръ Божій, а на сибирскій край въ особенности. И, слушая этого, нѣсколько угрюмаго скептика, мнѣ пришлось изъ рая, нарисованнаго милѣйшимъ сибирякомъ и любезнымъ „рабомъ обстоятельствъ“, перенестись, такъ сказать, прямо въ самое жерло ада. Самыя темныя краски, казалось, были недостаточны, чтобы достойно заклеймить эту „подлѣйшую“ трущобу. И природа, и климатъ, и люди, и нравы,—все это въ его разсказахъ получало мрачную окраску. Онъ, впрочемъ, жилъ болѣе въ Восточной Сибири, Томска не знаетъ, проѣзжалъ только, и о немъ не могъ сообщить ничего положительнаго, но, по аналогіи, хорошаго ожидать и отъ него нечего.

— Вы, вѣрно, наслышались отъ сибиряковъ,—продолжалъ онъ.—Это они вамъ такъ расписали... Они, въ большинствѣ случаевъ, отчаянные патріоты своего отечества, „омулевые“,

такъ сказать... Нахваливаютъ свое болото и даже своихъ великихъ людей создаютъ... Самые образцовые между ними (хотя это и большая рѣдкость) не свободны отъ такого китайскаго взгляда на вещи. Вездѣ нынѣче, положимъ, не особенно сладко живется, вездѣ дичь еще порядочная, но такой дикой, такой заскорузлой страны, какъ Сибирь, я не видалъ.

— Однако, вы ужъ черезъ-чуръ мрачными красками разрисовали сибирскую жизнь,—возразилъ я, когда мой свѣдущій человѣкъ въ достаточной степени напугалъ меня.

— Мрачными?.. А вотъ сами увидите, какова эта жизнь для человѣка, не способнаго съ утра и до вечера душить водку. Главное,—продолжалъ онъ,—запасайтесь-ка терпѣніемъ и персидскимъ порошкомъ; это необходимѣйшія вещи и въ дорогѣ, и на мѣстѣ... Да не забудьте купить здѣсь самыя высокія калоши, какія только найдете, а то, еще лучше, закажите, чтобы въ сибирскихъ городахъ ходить по улицамъ... Грязь вездѣ такая, что потонуть можно! — заключилъ свои неутѣшительныя напутствія этотъ бывалый скиталецъ по разнымъ окраинамъ необъятнаго отечества.

Нѣсколько сбитый съ толку такими противорѣчивыми отзывами, я, однако, послѣдовалъ совѣту „свѣдущаго“ человѣка пессимистическаго характера, запасся персидскимъ порошкомъ и высокими калошами, и въ началѣ лѣта мы тронулись изъ Петербурга въ дальніе края.

Терпѣніемъ запасаться не приходилось. Этимъ похвальнымъ качествомъ всякій русскій человѣкъ надѣленъ, слава Богу, въ достаточной мѣрѣ,—въ такой достаточной, что могъ бы, не погрѣшая противъ истины, повторить чичиковскія слова генералу Бетрищеву: „Терпѣніемъ, можно сказать, повитъ и спеленутъ, будучи, такъ сказать, одно олицетворенное терпѣніе, ваше превосходительство!“

II.

По Россіи, какъ извѣстно, рѣдко путешествуютъ, а чаще ѣздятъ, сожалѣя о пароходахъ на желѣзной дорогѣ и о желѣзныхъ дорогахъ на пароходѣ. Нечего и говорить, что эти длинные переѣзды особенно затруднительны, когда приходится ѣхать съ дѣтьми, не разсчитывая на отдѣльныя купе въ

первомъ классѣ. Я этимъ не хочу чернить ни нашихъ желѣзныхъ дорогъ, ни пароходовъ. Кто путешествовалъ по Европѣ, хорошо знаетъ, что наши вагоны гораздо просторнѣе и удобнѣе, напримѣръ, французскихъ, австрійскихъ и итальянскихъ, въ которыхъ буржуазное скаредство отводитъ пассажиру какъ разъ столько мѣста, сколько необходимо человѣку, чтобы онъ, не шевелясь и не протягивая ногъ, могъ не задохнуться отъ тѣсноты.

Но при всѣхъ этихъ неудобствахъ путешествіе по европейскимъ желѣзнымъ дорогамъ не сопряжено съ тѣмъ нервнымъ напряженіемъ, въ какомъ вы постоянно находитесь на нашихъ (особенно путешествуя съ дамами и дѣтьми), если заблаговременно не вступили въ интимное соглашеніе съ оберъ-кондукторомъ насчетъ „мѣстечка“ или не имѣете возможности, въ качествѣ особы, занимать цѣлый вагонъ.

Тамъ, въ Европѣ, вы просто ѣдете, а у насъ вы, такъ сказать, совершаете нѣчто вродѣ военной экспедиціи, сопряженной со всевозможными случайностями и „исторіями“, предвидѣть которыя такъ же трудно, какъ трудно не имѣть ихъ, хотя бы вы и обладали воловьими нервами и русскимъ терпѣніемъ.

Въ какомъ бы классѣ вы ни ѣхали по Европѣ, вы чувствуете себя среди гражданъ, тонко понимающихъ значеніе общественности. Вамъ не придется воевать изъ-за мѣста, такъ какъ каждый понимаетъ, что нельзя человѣку занимать два или три, когда у другого нѣтъ никакого, изъ-за открытыхъ оконъ съ обѣихъ сторонъ, изъ-за куренія въ некурильныхъ вагонахъ и т. п. Все это мелочи, но мелочи, отравляющія путешествіе и характерно отмѣчающія культурную разницу между публикой, особенно по мѣрѣ удаленія изъ Петербурга.

Среди нашей такъ называемой культурной публики, въ вагонахъ перваго и второго классовъ, вы зачастую можете наблюдать и этотъ недостатокъ знанія азбуки общественности: невниманіе къ интересамъ другого, желаніе во что бы то ни стало обойти самыя элементарныя правила общежитія, захватить себѣ два, три мѣста, войти въ пререканія, лгать самымъ наглымъ образомъ, говоря, что мѣста заняты, и еще посмѣиваться, глядя, какъ какой-нибудь пассажиръ или какая-нибудь пассажирка, словно обезумѣвшіе, носятся изъ вагона въ вагонъ, вообще обращаясь къ ближнимъ съ вопро-

сами о свободномъ мѣстѣ, пока, наконецъ, не явится оберъ-кондукторъ и послѣ обычнаго пререканія не водворитъ новаго пришельца на мѣстѣ, рядомъ съ ворчащимъ и негодующимъ сосѣдомъ.

Обычныя вагонныя сцены грубости нравовъ и отсутствія всякаго чувства альтруизма среди большинства культурныхъ путешественниковъ разнообразятся еще зрѣлищемъ неожиданныхъ метаморфозъ, мгновенно превращающихъ, точно на гуттаперчевой куклѣ, выраженія этихъ непреклонныхъ и геморроидальныхъ лицъ петербургскихъ путешествующихъ чиновниковъ или рыхлыхъ, болѣе добродушныхъ физіономій провинціаловъ въ выраженіе трогательнаго собачьяго умиленія и преданности, если вдругъ среди пассажировъ появится въ вагонѣ какая-нибудь извѣстная „особа“ или, среди разговора, обнаружится какъ-нибудь инкогнито какого-нибудь извѣстнаго лица. При такихъ случаяхъ русскій гражданинъ не умѣетъ даже соблюсти постепенности перехода отъ непреклонности къ умиленію и, какъ бы опровергая теорію Дарвина, какъ то мгновенно изъ человѣка превращается въ собаку, да еще виноватую.

Въ вагонахъ третьяго класса, среди сѣраго пассажира, вы чувствуете себя какъ-то нравственно спокойнѣе, но продолжительное путешествіе въ третьемъ классѣ, особенно лѣтомъ, когда вагоны набиты биткомъ, требуетъ нѣкотораго мужества и привычку къ тому специфическому запаху, который жаркою лѣтнею ночью дѣлаетъ пребываніе въ душномъ вагонѣ нѣсколько похожимъ на сидѣнье въ помойной ямѣ. За то тамъ, по крайней мѣрѣ, вамъ не придется воевать изъ-за мѣстъ и ждать какихъ-нибудь исторій съ сосѣдями. Тамъ, напротивъ, чувство общественности инстинктивно развито гораздо болѣе, тамъ всегда готовы потѣсниться, даже слишкомъ потѣсниться, если у васъ фуражка съ кокардой, и боятся какихъ-нибудь исторій съ тою приниженною боязливостью сѣраго человѣка, которая особенно ярко бросается въ глаза въ вагонахъ и на пароходахъ, и чѣмъ дальше отъ столицъ, тѣмъ больше, такъ сказать, нагляднѣе.

Онъ, этотъ „сѣрый“ пассажиръ, точно чувствуетъ себя виноватымъ уже за то, что за свои деньги занимаетъ мѣсто, и рѣдко протестуетъ, если ему прикажутъ „маленько потѣсниться“: вмѣсто лавки, притиснуться какъ-нибудь въ проходѣ или скорчиться на полу, и валяться на палубѣ въ невозмож-

ной тѣснотѣ съ кучей дѣтей, которымъ грозитъ ежеминутная опасность быть придавленными въ ночной темнотѣ.

Этою безотвѣтностью, этимъ умѣньемъ безропотно приспособиться къ такому положенію, которое любому иностранному крестьянину или рабочему показалось бы невозможнымъ нарушеніемъ его права, пользуются, и широко пользуются, на желѣзныхъ дорогахъ и въ особенности на волжскихъ и сибирскихъ пароходахъ. Вагоны и палубы зачастую набиваются живыми людьми словно сельдями въ бочкахъ. Никто не находитъ возмутительной такую эксплуатацію. Никто изъ безчисленнаго штата надзирающихъ не обращаетъ вниманія на такое нарушеніе права, хотя подобное скучиваніе людей и влечетъ за собой нерѣдко болѣзни и смертность (особенно дѣтей), какъ это и случается на сибирскихъ пароходахъ, перевозящихъ переселенцевъ.

Если вы рискнете замѣтить о такомъ отношеніи къ пассажиру, заплатившему деньги, какому-нибудь желѣзно-дорожному или пароходному начальству, то оно, разумѣется, не только не обратитъ вниманія на ваше замѣчаніе, но еще преналвно выпучитъ глаза, спрашивая: „какое вамъ до этого дѣло?“

Такой именно вопросъ и задалъ оберъ-кондукторъ, когда на одной изъ станцій между Петербургомъ и Москвой какой-то господинъ, скромно одѣтый, обратилъ вниманіе оберъ-кондуктора на то, что въ двухъ вагонахъ третьяго класса не хватаетъ людямъ мѣстъ, что пассажиры сидятъ по трое на лавкахъ, а нѣкоторые принуждены стоять, и настойчиво просилъ дать имъ мѣста.

— Да, вѣдь, пассажиры не жалуются.

— Но нельзя же такъ обращаться съ людьми!—настаивалъ пассажиръ.

Слово за слово и началась одна изъ обычныхъ сценъ, окончившаяся, впрочемъ, благодаря настойчивости протестанта и благоразумію травленаго оберъ-кондуктора, тѣмъ, что пустой задній вагонъ былъ открытъ и туда разсадили пассажировъ, не имѣвшихъ мѣстъ, преимущественно крестьянъ, возвращавшихся изъ Петербурга по деревнямъ на полевыя работы.

Что оберъ-кондукторъ наивно удивился вмѣшательству посторонняго человѣка, вступившагося за интересы людей, которые сами не протестовали въ защиту ихъ, въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего удивительнаго, но удивительнѣе было то,

что среди кучки людей (и все изъ чистой публики), слушавшей это объясненіе, никто не поддержалъ протестовавшаго господина, и когда онъ обратился къ стоявшимъ по близости, какъ бы ища поддержки, то каждый отворачивался и уходилъ, выказывая отсутствіе общественнаго чувства тѣми равнодушіемъ и боязливою осторожностью вступиться въ защиту ближняго, которыя такъ часто проявляются при разныхъ публичныхъ случаяхъ насилія и обиды слабаго человѣка, несравненно болѣе возмутительныхъ, чѣмъ только что разсказанный.

Но любопытная черточка, и характерная черточка, присущая, какъ кажется, спеціально славянской натурѣ: многіе изъ этихъ же самыхъ людей, равнодушно отворачивавшихся, когда къ нимъ обращались за поддержкой, по окончаніи этой „исторіи“, возвратившись въ вагонъ, хвалили вступившагося господина, находя образъ дѣйствія его похвальнымъ, громко бранили желѣзно-дорожные порядки и менѣе громко прохаживались насчетъ порядковъ „вообще“. Но случись съ этимъ самымъ господиномъ какая-нибудь непріятность за его „похвальное“ вмѣшательство, можно держать пари сто противъ одного, что ни одинъ изъ этихъ сочувствующихъ не пошевелилъ бы пальцемъ. Въ этомъ, самомъ обыкновенномъ дорожномъ происшествіи, какъ въ малой каплѣ воды, отразились общій характеръ и складъ русскаго культурнаго человѣка, объясняющіе многія явленія современной жизни. И чѣмъ далѣе вы удаляетесь изъ Петербурга, тѣмъ чаще приходится вамъ наблюдать подобныя „исторіи“, встрѣчаясь съ еще большимъ равнодушіемъ и большею боязнью путаться не въ свое „дѣло“, но за то, слушая иногда ламентаціи случайныхъ спутниковъ, несравненно болѣе экспансивныя и менѣе осторожныя, чѣмъ тѣ, которыя приходится слышать среди пассажировъ николаевской дороги, особенно среди петербуржцевъ, привыкшихъ путешествовать съ молчаливою сдержанностью и тою, чисто чиновничьей, брезгливостью въ дорожныхъ знакомствахъ, благодаря которымъ можно сразу отличить кровнаго петербуржца не по одному только безкровному лицу и кургузому пиджаку, обтянутымъ штанамъ и ботикамъ съ китайскими носками.

По мѣрѣ удаленія изъ Петербурга на востокъ увеличиваются въ прямой пропорціи и различныя путевыя неудобства и неожиданныя приключенія, и чувствуется все большая и большая потребность въ терпѣніи и персидскомъ порошкѣ.

Путешествіе принимаетъ все болѣе и болѣе патріархальный характеръ, нѣсколько напоминающій путешествіе по дѣвственнымъ странамъ. Поѣзды двигаются медленнѣе и опаздываютъ чаще; часы отхода и прибытія пароходовъ находятся въ большей связи съ вдохновеніемъ и съ милостью Господней, чѣмъ съ печатнымъ росписаніемъ. Поѣздная прислуга теряетъ свой столичный видъ, казарменную вѣжливость и расторопность, принимая все болѣе и болѣе обликъ „мальчика безъ штановъ“ и обдѣлывая съ меньшей опаской свои маленькіе гешефтики. Пароходные капитаны, въ большинствѣ случаевъ, понадающіе въ моряки по волѣ судебъ и неокончанія нигдѣ курса, имѣютъ видъ добрыхъ малыхъ, старающихся задобрить гостей-пассажировъ (разумѣется, классныхъ).

Приноравливаясь къ мѣстнымъ нравамъ, они всегда готовы „закусить и выпить“ съ тѣмъ или другимъ охотникомъ-пассажиромъ, чтобы скоротать однообразіе плаванія, и не прочь въ часы вдохновенія устроить иногда импровизированную гонку съ какимъ-нибудь пароходомъ другой компаніи, къ ужасу всѣхъ трезвыхъ пассажировъ (ведутъ, собственно говоря, пароходъ лоцманы; на долю капитана выпадаетъ, главнымъ образомъ, представительство и выпивка). Все чаще и чаще мелькаютъ на головахъ чиновничьи фуражки съ кокардой, замѣняя собой шляпы и котелки. Чѣмъ больше вы подвигаетесь, тѣмъ болѣе убѣждаетесь, что гоголевскіе персонажи еще не исчезли, и вамъ предстоитъ видѣть всю ихъ серію; но предпочтительно, однако, объявляются классическіе Держиморды, иногда не стѣсняющіеся даже и въ публикѣ показывать при случаѣ „господамъ земледѣльцамъ“ свои подчасъ страшенныя длани.

Наблюдая въ натурѣ то, о чемъ у васъ давно составилось лишь теоретическое представленіе, вы начинаете сознавать не однимъ только умомъ, но и всѣмъ существомъ своимъ, что этотъ маленькій „исполнитель“, крошечное звено въ общей безконечной цѣпи, съ такимъ пренебреженіемъ третируемый въ столицахъ, гдѣ онъ мелькаетъ изрѣдка въ передникъ въ образѣ скромнѣйшаго, безотвѣтнѣйшаго ничтожества, гдѣ-нибудь въ глухомъ мѣстѣ, дѣйствительно, можетъ иногда играть роль какого-то „фатума“, отъ котораго иной разъ обывателю становится нѣсколько тѣсно жить на Божьемъ свѣтѣ. Побесѣдовавъ съ такимъ джентльменомъ въ до-

рогѣ по душѣ (русскій человѣкъ любитъ подобныя бесѣды за закуской), вы скоро сообразите, что отъ его доброй воли, ума и сообразительности непосредственно иной разъ зависятъ спокойствіе и благополучіе многихъ человѣческихъ жизней, и вамъ станутъ понятны всѣ эти однообразные „обывательскіе“ разсказы и анекдоты, которыми обыкновенно коротаются долгіе дни пароходнаго плаванія, если не составился винтъ.

Въ отвѣтъ на ваше замѣчаніе (если вы сдѣлаете таковое), что законъ, слава Богу, существуетъ не только для столицъ, но и для всей имперіи, и что права жаловаться, по крайней мѣрѣ, не лишенъ никто, вы по большей части сперва услышите веселыя замѣчанія насчетъ „кукушки и ястреба“ и затѣмъ резоны:

— Безспорно, мѣстное начальство смѣнитъ нерадиваго подчиненнаго, если узнаетъ, что онъ не оправдалъ довѣрія, но (безъ этихъ „но“, какъ извѣстно, у насъ не кончается ни одинъ разговоръ)... но, во-первыхъ, „мужикъ“ не всегда рискнетъ жаловаться, во-вторыхъ, предположимъ, что пожаловался и что жалобѣ данъ ходъ—откуда, изъ какой Аркадіи вы найдете другого „исполнителя“, который бы „честно и благородно“ исполнялъ свои начальственныя функціи? Обычный контингентъ,—разсадникъ всѣхъ этихъ „мелкихъ сошекъ“, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ мужику,—представляетъ весьма ограниченный выборъ (особенно въ провинціи), смущающій даже нерѣдко самихъ выбирающихъ. Увы, и они жалуются въ пустое пространство на недостатокъ людей, которые бы умѣли исполнить волю пославшаго съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой и, получая въ годъ 600 рублей, не старались бы проживать втрое.

Эти столь знакомыя и надоѣвшія жалобы на недостатокъ людей увеличиваются къ востоку съ такимъ „crescendo“, что вамъ начинаетъ казаться, что чѣмъ дальше, тѣмъ рѣже будетъ попадаться „человѣкъ“, и, наконецъ, чего добраго, совсѣмъ исчезнетъ изъ обращенія. Всѣ будто сговорились. Вездѣ, начиная со столицъ и кончая захолустьями, теперь ищутъ „человѣка“, ищутъ и, къ удивленію, не всегда находятъ, словно бы и въ самомъ дѣлѣ онъ провалился куда-то въ преисподнюю и не подаетъ голоса, несмотря ни на какіе призывы передовыхъ статей, выкрикивающихъ: „объявись, человѣкъ!“

Было бы несправедливостью утверждать, что словоохотливый обыватель претендуетъ лишь на недостатокъ одного какого-нибудь спеціальнаго „вида“ человѣка. При случаѣ онъ не менѣе коститъ и своего избранника-земца, и городского представителя, причемъ чаще всего жалуется не на учрежденія, не на самый принципъ, а на его примѣненіе. И сейчасъ же, въ подтвержденіе, разскажетъ, какъ такой-то голова въ такомъ-то захолустномъ городѣ „слопалъ“ городскую землю, такой-то членъ „всучилъ“ городу свой развалившійся домъ, тамъ „потревожили“ банкъ и пр., и пр.; — словомъ, повторитъ одну изъ тѣхъ безчисленныхъ исторій, часть которыхъ попадаетъ на газетные столбцы въ краткомъ извлеченіи: „украли“, „разграбили“.

Съ измѣненіемъ долготы измѣняются и типы „купца“, „купеческаго сына“ и героя новѣйшаго времени—кулака, являясь все болѣе и болѣе въ натуральномъ видѣ, безъ того столичнаго соуса, который придаетъ имъ нѣкоторый лоскъ и своеобразную повадку. Вы встрѣтите больше „откровенности“, большую примитивность въ пріемахъ и костюмѣ. И грабятъ, и безобразничаютъ, и пьянствуютъ, такъ сказать, на распашку, еще не просвѣтясь насчетъ „святости“ капиталистическаго строя и не всегда вводя въ обиходъ разговора „жалкихъ“ словъ объ „основахъ“ и т. п., а просто „рвутъ“, гдѣ можно, и дѣлу конецъ. „Пассажиръ“ вообще встрѣчается все болѣе и болѣе невзыскательный, покладистый и любопытный, первымъ дѣломъ освѣдомляющійся: „кто вы такіе будете?“ и разспрашивающій о Петербургѣ съ нѣкоторымъ чувствомъ страха и благоговѣнія, что, однако, не мѣшаетъ питать къ нему и долю недоброжелательства за то, что онъ слишкомъ много сочиняетъ бумагъ, а не знаетъ совсѣмъ провинціи и относится къ ней свысока. И „дама“ попадается не та, какую вы видѣли до Москвы и первое время за Москвой. Общій видъ другой. Лица болѣе рыхлыя, румяныя, сонныя и „уравновѣшенныя“. Знакомый вамъ „нервный“ типъ русской интеллигентной женщины, къ которому привыкъ глазъ въ Петербургѣ, въ дорогѣ попадается все рѣже и рѣже, замѣняясь пестрыми костюмами и разбитными, съ претензіями на свѣтскость, манерами провинціальныхъ „чиновницъ“, цивилизованныхъ купеческихъ дочекъ или ветхозавѣтными платками молчаливыхъ и степенныхъ купчихъ „стараго обычая“, выскочившихъ какъ будто на палубу парохода прямо изъ

пьесъ Островскаго. Дамскія бесѣды все болѣе и болѣе принимаютъ характеръ допроса, сплетни и кулинарныхъ откровеній, такъ что, проведя часъ, другой въ разговорѣ съ одной изъ такихъ дамъ, вы не только будете основательно допрошены о вашихъ родныхъ до четвертаго колѣна, но, въ свою очередь, будете посвящены въ „подноготную“ родного „гнѣзда“ разскащицы и научитесь приготовлять соленья и маринады изъ разныхъ ягодъ, обиліемъ которыхъ въ Сибири васъ утѣшаетъ прекрасный полъ. „Урядникъ“ встрѣчается болѣе чумазый и юркости въ немъ какъ будто меньше, а „полицейскій“ на пристаняхъ и совсѣмъ съ виду Богомъ обиженный. Пассажиръ-мужикъ теряетъ тотъ столичный, ерническій видъ, который замѣтенъ въ возвращающихся домой питерцахъ, и за Москвой „сѣрѣетъ“. Съ Нижняго вы уже встрѣчаетесь съ массой переселенцевъ, направляющихся изъ разныхъ концовъ Россіи на привольныя землей мѣста далекаго края, а изъ Тюмени плывете, имѣя на буксирѣ арестантскую баржу, въ которой скучена партія человѣкъ въ семьсотъ будущихъ невольныхъ жителей отдаленныхъ и не столь отдаленныхъ мѣстъ Сибири, плывущихъ на каторгу, поселеніе или въ административную ссылку.

„Варнакъ“, какъ называютъ ссыльныхъ сибиряки, не оставляетъ уже васъ ни на минуту, какъ только вы перевалили Уралъ. О немъ говорятъ ямщики, его презираютъ и боятся, имъ наполнены уголовныя лѣтописи сибирскихъ газетъ, вы его видите пробирающимся около большого тракта. И вы невольно запасетесь револьверомъ гдѣ-нибудь въ попутномъ городѣ, если только не запаслись имъ раньше. Но только едва ли придется имъ воспользоваться. Не такъ страшенъ „варнакъ“, какъ о немъ говорятъ и какъ впослѣдствіи узнаетъ читатель изъ дальнѣйшихъ очерковъ путешествія.

III.

Болѣе или менѣе основательное знакомство съ пыткой ѣзды по убійственнымъ мостовымъ, нечистоплотностью гостинницъ и желѣзнодорожныхъ станцій, не особенно пріятно ласкающими обоняніе ароматами грязныхъ улицъ (такъ называемый путешественниками-иностранцами „русскій духъ“), и вообще съ тѣми патріархальными картинками нравовъ и порядковъ,

которыя придаютъ извѣстный „couleur local“ отечественной самобытности, начинается уже съ самаго „сердца Россіи“.

Голова ея—Петербургъ—не даромъ „тонкая штучка“ въ глазахъ провинціи. Онъ болѣе ловокъ и хитеръ, къ тому же, и болѣе на виду у Европы, передъ которой, что тамъ ни говори „патріоты своего отечества“, а все же, нѣтъ, нѣтъ, да и станетъ вдругъ совѣстно. И онъ умѣетъ подъ наружнымъ лоскомъ чистоты и порядка скрыть отъ глазъ свои недочеты и санитарныя непристойности и показать товаръ лицомъ, встрѣчая путешественника красивыми вокзалами, Невскимъ проспектомъ и электрическимъ освѣщеніемъ, сравнительно чистыми гостинницами и молодцоватыми блюстителями порядка, такъ что, по сравненію съ другими русскими городами, онъ кажется какъ будто и опрятнымъ.

Матушка Москва откровеннѣе. Она и съ казовыхъ своихъ сторонъ, обыкновенно кидающихся въ глаза пріѣзжему, не блещетъ чистотой, а принимаетъ васъ, такъ сказать, въ халатѣ, словно бы говоря: „Вотъ тутъ я вся. Любите меня такою, какова есть, со всею моею грязью и вонью!“ И первый „вѣстникъ“ цивилизаціи, являющійся встрѣчать русскаго пассажира, уже не „тотъ“, „дрессированный“ и вылощенный, что въ Петербургѣ. И костюмъ на немъ сидитъ какъ-то болѣе по „штатски“, и мундирчикъ грязнѣе, и самъ онъ не имѣетъ петербургской внушительности и проницательности. Онъ добродушнѣе съ виду, проще какъ-то наблюдаетъ за порядкомъ и не такъ назойливо лѣзетъ въ глаза. Извощикамъ, съ жестянками набрасывающимся на пассажировъ, точно стая собакъ, готовая разорвать въ клочки, онъ внушаетъ менѣе страха и обходится пятачкомъ дешевле, хотя и водворяетъ между ними порядокъ тѣми же упрощенными домашними способами, что и петербургскіе его коллеги, т. е. поминаніемъ родственниковъ и, въ случаѣ безуспѣшности этого средства, битьемъ шашками плашмя по всѣмъ частямъ тѣла улепетывающаго извощика, но предпочтительно, однако, по „загривку“.

Эти первыя жанровыя картинки, встрѣчаемыя путешественникомъ, лишь только онъ пріѣдетъ въ русскій городъ, гдѣ водится много извощиковъ, отличаются отъ таковыхъ же въ Петербургѣ, разумѣется, большею нестѣсняемостью и меньшею раздражительностью на нарушителей порядка со стороны его наглядныхъ пропагандистовъ. На петербургскихъ вокза-

лахъ и другихъ мѣстахъ скопленія извощиковъ, „фараонъ“, намѣтивъ черезъ-чуръ строптиваго нарушителя, старается вразумить его безъ большого скандала, не устраивая публичнаго зрѣлища, а по возможности незамѣтно и озираясь по сторонамъ, нѣтъ ли по близости начальства, рекомендующаго вѣжливое обхожденіе, и при этомъ пользуется, натурально, краткостью момента съ возможно большею затратой энергіи внушенія, а въ Москвѣ и далѣе—ругань и „луцовка“ господъ извощиковъ отправляется съ меньшимъ стѣсненіемъ, но за то и съ меньшимъ остервенѣніемъ и какъ бы болѣе для соблюденія служебнаго престижа и порядка „an und für sich“, чтобы въ самомъ дѣлѣ не подумали, что въ провинціи ни за чѣмъ не смотрятъ. За то у московскихъ вокзаловъ вы услышите самый изысканный подборъ и неистощимыя варіаціи крѣпкихъ словъ, а нерѣдко и зрѣлища болѣе продолжительныхъ битвъ. Никто, разумѣется, не удивляется. Всякій привыкъ къ этимъ сценамъ „самоуправленія“ и только наровитъ скорѣе убраться изъ-подъ оглушительнаго града непечатныхъ словъ.

Когда, на другой день послѣ сутокъ отдыха въ „первопрестольной“, экипажъ изъ номеровъ Ечкина, нѣсколько смѣло названный артельщикомъ каретой, подвезъ насъ, послѣ часовой „встряски“ по всей Москвѣ, къ вокзалу нижегородской желѣзной дороги и мы вошли въ вокзалъ, то московское дезабилье выказалось во всей своей непривлекательной наготѣ.

Въ небольшомъ пространствѣ, гдѣ расположены кассы и принимается багажъ, была тѣснота и грязь; стоялъ удушливый, спертый воздухъ. Мужики дожидались, кто сидя на полу, кто тѣснясь у стѣнъ, а цѣлыя кучки и внѣ станціи. Въ пассажирскомъ залѣ, гдѣ дожидался пассажиръ почище, давка была тоже порядочная.

Пассажиры сидѣли чуть ли не одинъ на другомъ. На столахъ—пыль и грязь; скатерти несомнительной нечистоты, прислуга, хотя и во фракахъ, но, въ видахъ эстетическаго чувства, было бы лучше не видать этихъ фраковъ, чтобы не имѣть нагляднаго понятія о количествѣ содержимаго въ нихъ и на нихъ сала.

Оказалось, что этотъ тѣсный вокзалъ вдобавокъ еще ремонтируется (и, по обыкновенію, ремонтируется въ самый разгаръ пассажирскаго движенія), и потому „нѣсколько какъ будто и тѣсновато“, по словамъ сторожа. Такимъ образомъ,

„пассажиру“ остается изнывать въ духотѣ и грязи въ ожиданіи отправленія. И онъ, этотъ собирательный „пассажиръ“, изнываетъ съ тѣмъ мрачнымъ, молчаливымъ видомъ, съ какимъ вообще изнываетъ трезвая русская публика во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ, не претендуя ни на кого, кромѣ лакеевъ, и какъ будто не замѣчая, что съ нимъ, съ пассажиромъ, обходятся совсѣмъ посвински, словно бы привычка къ подобному обхожденію обратилась у него во вторую натуру.

Разумѣется, всѣ эти дорожные безпорядки, вся эта станціонная грязь—мелочи не только въ сравненіи съ вѣчностью, но и въ сравненіи съ другими, менѣе отвлеченными представленіями, но дѣло въ томъ, что подобныя „мелочи“, находящіяся подъ носомъ и на которыя со стороны мало обращаютъ вниманія, нерѣдко отравляютъ не одно только путешествіе, но и жизнь вообще. И отношеніе къ этимъ „мелочамъ“, съ другой стороны, именно оттѣняетъ отличительныя стороны нашего характера и склада. Вѣдь, совокупность всѣхъ этихъ мелочей и составляетъ обычную будничную жизнь русскаго человѣка.

Билеты взяты. Надо сдавать багажъ. Но это, повидимому, пустячное дѣло вовсе не такъ просто, какъ кажется съ перваго взгляда. По крайней мѣрѣ, я стоялъ минутъ съ десять, вообще ожидая очереди, хотя она давно наступила, пока ко мнѣ не подошелъ привезшій насъ артельщикъ изъ номеровъ Ечкина, бойкій, расторопный ярославецъ, не сдѣлалъ мнѣ нѣсколькихъ таинственныхъ знаковъ, подмигивая при этомъ плутоватымъ взглядомъ, и не сообщилъ конфиденціально, что нужно дать на чаекъ одному „человѣчку“. Я, разумѣется, не только обѣщалъ „на чаекъ“, но и поручилъ бойкому артельщику, хорошо знакомому съ мѣстными порядками, дальнѣйшія хлопоты по сдачѣ багажа, (такъ какъ всѣ сторожа уже были обременены подобными же комиссіями), и минуты черезъ двѣ послѣ интимнаго шептанія артельщика съ „человѣчкомъ“ изъ багажнаго отдѣленія вещи мои, давно находившіяся на очереди, — не соблюдаемой, конечно, — были взвѣшены.

— Полностью хотите платить?—опять шепнулъ мой чичероне дѣловымъ тономъ.

— А то какъ же?—удивляюсь я.

— Можно за половину-съ... ежели рублякъ дать. Очень просто-съ... Многіе такъ дѣлаютъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—запротестовалъ я.

Таинственный обмѣнъ взглядовъ. Выкрикивается настоящій вѣсъ и выкрикивающій взглядываетъ на меня, какъ на болвана, зря бросающаго деньги. Я уплачиваю деньги за багажъ, „мзду“ за хлопоты и на чаекъ за то, „что мѣста тяжелыя“, и удаляюсь въ пассажирскій залъ отыскивать своихъ спутниковъ.

Минутъ черезъ пять тотъ же самый артельщикъ подходитъ ко мнѣ и снова таинственно подмигиваетъ, словно бы предлагая принять участіе въ какой-то новой конспираціи.

— Въ чемъ дѣло?

Онъ на ухо шепчетъ насчетъ „мѣстечка“.

— Очень даже много сегодня пассажировъ. Какъ бы не затѣснили! А вы съ дѣтьми!—поясняетъ онъ все тѣмъ же конфиденціальнымъ тономъ.—Надо-съ исхлопотать... Я могу, если угодно.

— Какъ же исхлопотать?

— А какъ другіе, прочіе... Теперь, ежели дать, примѣрно, двугривенный сторожу у дверей, онъ пропуститъ на „плацформу“, а тамъ ужъ надо обладить съ „оберомъ“... На этомъ поѣздѣ „загребистый“ оберъ ѣдетъ.

Такія же интимныя бесѣды идутъ въ залѣ и у другихъ пассажировъ съ носильщиками. Вы видите, какъ тихонько выносятъ они вещи и какъ минутъ за пятнадцать до перваго звонка, когда еще двери на платформу считаются запертыми и публику туда оффиціально не пускаютъ, пассажирскій залъ понемногу пустѣетъ и „пассажиръ“, болѣе знакомый съ мѣстными обычаями, одинъ за другимъ исчезаетъ, пробираясь съ видомъ конспиратора разными окольными путями на платформу, въ сопровожденіи станціоннаго проводника. Иногда проходятъ прямо и въ дверь. Сторожъ, добродушный „мальчикъ безъ штановъ“, лѣтъ подъ шестьдесятъ, оберегающій двери отъ публики, обмѣнявшись таинственнымъ знакомъ съ проводникомъ, какъ-то быстро и ловко пріотворяетъ двери, въ которыя на глазахъ у публики прошмыгиваетъ счастливецъ, и снова такъ же быстро и ловко запираетъ ихъ, утѣшая недовольныхъ изъ публики объясненіемъ, что онъ пропустилъ „генерала“, или завѣряя, что „это нашъ служащій“, и кстати, по русскому обыкновенію, жалуясь на тяжесть своей обязанности сторожить двери, въ которыя всякому лестно шмыгнуть.

Мой опытный чичероне, удивленный отказу слѣдовать за нимъ, все-таки, убѣдилъ меня отдать ему нѣсколько сакъ-вояжей и исчезъ, обѣщая „исхлопотать“ мѣста. Когда раздался первый звонокъ и пассажиры хлынули на платформу, толпясь въ однѣхъ дверяхъ, я пробрался впередъ и, не разсчитывая на успѣхъ ярославца, пошелъ отыскивать мѣста. Увы! Всѣ вагоны второго класса уже были полны если не людьми, то вещами, и напрасно я носился изъ вагона въ вагонъ, отыскивая мѣста. Но благодѣтель-ярославецъ выручилъ. Онъ встрѣтилъ меня, смущеннаго, и, объяснивъ, что давно занялъ мѣста, съ побѣдоноснымъ видомъ провелъ меня въ отдѣльное некурильное отдѣленіе.

— Пожалуйте... какъ разъ шесть мѣстъ... насилу исхлопоталъ... Спасибо оберу. Пустилъ! — докладывалъ онъ все тѣмъ же конфиденціальнымъ шепотомъ.

Тутъ какъ-то кстати появляется и самъ „оберъ“. Онъ совсѣмъ не столичнаго вида: толстенькій, сытый, старенькій „оберъ“, въ потертомъ сюртукѣ и бѣлой фуражкѣ. Онъ привѣтливо улыбается съ видомъ радушнаго хозяина. На кругломъ выбритомъ лицѣ его такъ и сквозятъ добродушіе и плутоватость, того и другого въ достаточномъ количествѣ, когда онъ оглядываетъ меня быстрымъ взглядомъ опытнаго знатока людей и ихъ имущества.

— До Нижняго изволите ѣхать?—освѣдомляется онъ, переглянувшись съ чичероне, словно бы спрашивая: тотъ ли я пассажиръ, о которомъ хлопоталъ ярославецъ?

— До Нижняго.

— Вамъ тутъ будетъ поспокойнѣе съ семействомъ въ некурильномъ... Чуть было и его не заняли, да я не пустилъ!— значительно говоритъ онъ, потупляя малепькіе глазки, вродѣ стараго „юса“ изъ управы благочинія.

И затѣмъ продолжаетъ не безъ соболѣзнованія:

— Жаль, раньше не предупредили, я бы вамъ устроилъ попросторнѣе отдѣленьице. Было одно свободное, да я туда помѣстилъ одного господина съ женой. Имъ и здѣсь бы хорошо. А вотъ рядомъ такъ одна генеральша цѣлое отдѣленіе заняла. Начальникъ станціи посадилъ,—съ неудовольствіемъ прибавляетъ „оберъ“ и уходитъ, не безъ галантности приложивъ два своихъ жирныхъ пальца къ козырьку фуражки.

Мы размѣщаемся и благодаримъ судьбу въ образѣ артельщика и за эти мѣста, а словоохотливый ярославецъ, помогая

запихивать чемоданы, не безъ зависти въ голосѣ продолжаетъ разсказывать о доходахъ „обера“.

— Вы, господинъ, ему больше рубля не давайте, потому у васъ сколько билетовъ, столько и мѣстъ. Правильно, не то что какъ ежели съ двумя билетами, да эдакъ съ дюжину дѣтей ѣдетъ. А сакчикъ куда прикажете? Ему самое лучшее въ ноги-съ!—хлопоталъ нашъ чичероне, обливаясь потомъ.— Теперь вотъ онъ вѣрныхъ полсотни въ одинъ конецъ слизнетъ.

— Какъ такъ?

— Потому здѣсь не порядки-съ, а, можно сказать, много фальши!—возмутился вдругъ ярославецъ, встряхивая головой.—Многіе пассажиры безъ билетовъ ѣздятъ. Два рубля оберу далъ и... очень просто-съ. Недаромъ домикъ купилъ... Пять тысячъ выложилъ. Очень доходная должность!

Наконецъ, мы распихали вещи по мѣстамъ, кое-какъ размѣстились и распрощались съ нашимъ геніемъ-хранителемъ. Вскорѣ поѣздъ двинулся. На первой станціи у открытаго окна нашего вагона очутилась пожилая, претенціозно одѣтая дама—генеральша-помѣщица, ѣдущая на лѣто въ свое имѣніе, какъ поспѣшила она оповѣстить меня, восторгаясь моими дѣтками, посылая имъ воздушные поцѣлуи и стараясь придать своему, заплывшему жиркомъ, лицу то игриво-умильное выраженіе, которымъ обыкновенно стараются (и напрасно) тронуть дѣтей.

Подѣйствовавъ на мои родительскія чувства, генеральша считаетъ себя въ правѣ дать большую волю приливу праздная любопытства, т.-е. спросить: далеко ли я ѣду, куда именно и зачѣмъ ѣду, и принялась жаловаться на этотъ „невозможный курсъ“, помѣшавшій ей ѣхать за границу, прибавляя къ этому, уже по-французски и съ серьезнымъ видомъ, что „вообще нынче какъ-то все идетъ не такъ, какъ бы слѣдовало“. Ея дочь живетъ въ Гіеррѣ. Генеральша провела прошлую зиму у нея въ Гіеррѣ. Какое прелестное мѣсто Гіерръ! И какъ не дорого относительно можно устроиться въ Гіеррѣ! Бывалъ ли я въ Гіеррѣ? Она зимой опять поѣдетъ въ Гіерръ... А мужъ ея служитъ въ Москвѣ, но теперь по дѣламъ службы въ Петербургѣ. Старшій сынъ въ гвардіи, а второй...

Свистокъ мѣшаетъ дальнѣйшей ея болтовнѣ, но на слѣдующей станціи, когда я выхожу покурить, она досказываетъ,

что второй сынъ—товарищъ прокурора и „хорошо идетъ“. но что „бѣдному мальчику“ слишкомъ много работы со всѣми этими... „нынѣшними дѣлами“.

И генеральша вздыхаетъ не то отъ жары, не то отъ сожалѣнія къ „бѣдному мальчику“, не то отъ сокрушенія изъ-за „нынѣшнихъ дѣлъ“ и имѣетъ, повидимому, твердое намѣреніе сдѣлать изъ меня тоже бѣднаго страдальца, который бы выслушивалъ ея болтовню, подавая по временамъ реплики. Но такъ какъ я затѣмъ ловко избѣгаю попадаться ей на глаза. избравъ другое мѣсто для куренія, а наши „прелестныя дѣтки“ тоже остерегаются высовываться изъ окна во время остановокъ на безчисленныхъ маленькихъ станціяхъ и полустанціяхъ, чтобы не видѣть ея умильнаго выраженія и не слышать трогательнаго сюсюканья, то изнывающая отъ жары и скуки генеральша во время остановокъ донимаетъ кондуктора вопросами: когда слѣдующая станція и отчего нѣтъ сельтерской воды?

Наконецъ, и Пѣтушки. Поѣздъ стоитъ двадцать минутъ.

Проголодавшаяся публика бросилась изъ вагоновъ въ буфетъ, наводнила сразу маленькую комнату пассажирскаго зала и набросилась на яства. За небольшимъ столомъ не многіе успѣваютъ занять себѣ мѣсто. Пассажировъ много, а помѣщенія на вокзалахъ нижегородской дороги крошечныя, словно бы строители не разсчитывали на пассажировъ. Мѣстъ не хватаетъ. Тѣснота и шумъ. Всякій наровитъ пробраться къ разставленнымъ по срединѣ стола яствамъ, въ надеждѣ раздобыть себѣ съѣстного, тѣснясь и толкая другъ друга. Лица принимаютъ какія-то злыя выраженія голодныхъ животныхъ. Поваръ въ чистомъ колпакѣ, но грязной курткѣ, едва успѣваетъ отпускать кушанья и рѣзать осетрину, накладывая и пришлепывая куски ея грязными руками, ни мало не стѣсняясь возбудить брезгливость и точно сознавая, что всякія церемоніи излишни. Два лакея, обливаясь потомъ и соусомъ съ тарелокъ и придерживая на ходу куски на тарелкахъ мокрыми пальцами въ нитяныхъ перчаткахъ, мечутся, какъ угорѣлыя кошки, то сюда, то туда, не зная, на чей крикъ броситься, и не имѣя никакой физической возможности удовлетворить требованіямъ всѣхъ сидящихъ за столомъ. Они совсѣмъ ошалѣли, что помогаетъ имъ обсчитывать и дѣлать внезапно такія же невинно-удивленныя лица, какія дѣлаютъ плохія актрисы въ роляхъ ingenue, когда какой-нибудь акку-

ратный пассажиръ, подведя итогъ, находитъ большую разницу. Черезъ пять минутъ всѣ блюда опустошены и повару нечего пришлепывать своими руками. Ни мяса, ни рыбы, ни пирожковъ! Всего было заготовлено, очевидно, мало и все было съѣдено. Шумъ и ругань на лакеевъ увеличиваются. Публика, не удовлетворенная въ своихъ утробныхъ потребностяхъ, на этотъ разъ склонна къ выраженію протеста.

— Это чертъ знаетъ, что такое! Невозможные порядки на этой дорогѣ. Морятъ голодомъ!

Кто-то изъ пассажировъ, побойчѣе и, вѣроятно, поголоднѣе, жалуется начальнику станціи, смиренному и невозмутимому на видъ господину съ благообразнымъ лицомъ, который тихо и какъ-то необыкновенно привѣтливо старается успокоить протестанта и вообще прекратить „непріятность“.

— Буфетчикъ никакъ не разсчитывалъ, что будетъ столько пассажировъ. Обыкновенно въ это время ѣздитъ мало народа и провизію хоть бросай. А время теплое... провизія портится,—говорилъ станціонный дипломатъ, ловко отводя протестанта къ бутербродамъ.

И протестантъ, и другіе неудовлетворенные набрасываются на бутерброды и „душатъ“ водку. Начальникъ станціи тѣмъ временемъ исчезаетъ. Революція подавлена въ самомъ началѣ.

Лоснящееся, озабоченное толстое лицо борова-буфетчика принимаетъ выраженіе скорби. „Ахъ, если бы я зналъ, что столько народу... Ахъ, Господи!.. Я, слава Богу, понимаю и стараюсь заслужить передъ публикой... Одной аренды триста рублей плачу. Мнѣ же выгода!“—говоритъ онъ нѣжнымъ теноркомъ, наливая рюмки и едва успѣвая принимать деньги и сдавать сдачу, несмотря на помощь сухопарой дамы, съ зоркостью ястреба озирающей изъ-за стойки залъ и преимущественно лакеевъ, получающихъ деньги.

Моя генеральша тоже недовольна. Она только что, жадно причмокивая, обсосала крылышко цыпленка и глаза ея еще горѣли плотояднымъ огонькомъ, а тутъ лакей вдругъ докладываетъ, что, кромѣ бульона, ничего больше нѣтъ.

— Какъ нѣтъ?

— Все вышло.

Она свирѣпѣетъ. Замѣтивъ меня, она разражается негодованіемъ на главное общество россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Но я уклоняюсь отъ дальнѣйшихъ изліяній и скрываюсь въ толпѣ. Она уже утихла и идетъ къ вагонамъ въ мирномъ настроеніи.

Только въ курильномъ вагонѣ, куда я пересѣлъ на ночь, еще долго „скрипѣлъ“ какой-то высохшій и вылизанный господинъ въ модномъ дорожномъ костюмѣ, обращаясь къ плотному своему сосѣду. Онъ, вообразите, не могъ добиться осетрины! Отъ осетрины дѣло скоро дошло и до другихъ предметовъ. Сухопарый изливалъ уже желчь вообще на „провинцію“ и ея бездѣятельность. Онъ ѣхалъ изъ Петербурга, этотъ геморроидальный департаментскій страдалецъ, ревизовать что-то и кстати попить кумысъ и все доказывалъ земцу-сосѣду, что провинція не проникласъ идеями Петербурга. Онъ было началъ излагать свои идеи, но излагалъ ихъ съ такою заунывною гладкостью хорошо написаннаго отношенія, что я скоро заснулъ и проснулся, когда поѣздъ подъѣзжалъ къ Нижнему.

IV.

Хотя кондукторъ и объявилъ, что поѣздъ пришелъ въ Нижній, но вы сдѣлаете большую оплошность, если, повѣривъ ему на слово, вообразите, по выходѣ изъ вагона, что въ самомъ дѣлѣ находитесь въ Нижнемъ. До Нижняго еще далеконько. Предстоитъ свершить цѣлое путешествіе: сперва доѣхать до рѣки, переправиться на пароходѣ, снова сѣсть на извощика, подняться версты двѣ въ гору, и только тогда вы будете въ Нижнемъ. Можно, впрочемъ, и избѣжать послѣдней пытки, т.-е. не подниматься по скверной дорогѣ въ городъ, а пріютиться до отхода парохода въ одной изъ гостиницъ, расположенныхъ внизу, подъ горой. Вы не увидите, правда, города, за то пароходныя „конторки“ рукой подать, и, вдобавокъ, изъ оконъ гостиницы можете любоваться дѣйствительно краснвымъ видомъ широкой, разлившейся рѣки,—этой „поилицы и кормилицы“ биржевыхъ тузовъ, коммерсантовъ, пароходчиковъ, грузовщиковъ, промышленниковъ, коммиссіонеровъ,—словомъ, кого хотите, за исключеніемъ лишь тѣхъ, кто далъ ей такое ласковое прозвище въ тѣ давно прошедшія времена, когда еще рѣка дѣйствительно поила и кормила бѣжавшій на Волгу народъ.

Всѣ эти путевыя мытарства, особенно неудобныя, если путешественникъ не догадается оставить тяжелый багажъ на станціи съ тѣмъ, чтобы поручить пріемъ его пароходу, на которомъ придется слѣдовать далѣе, обязательны по случаю

половодья. Рѣка не вошла еще въ свои берега и наплавной мостъ не наведенъ. Нижній, щеголяющій милліонными оборотами своей ярмарки, до сихъ поръ обходится безъ постояннаго моста, хотя и давно говорятъ о немъ, имѣя на совѣсти немало несчастій съ людьми во время переправъ въ бурную погоду, при ледоходѣ весной и въ заморозки.

Разумѣется, не эта причина заставляетъ представителей ярмарочнаго купечества мечтать о постоянномъ мостѣ, а другая, болѣе могущественная и болѣе имъ понятная,—интересы торговли. Подозрѣвать ихъ въ альтруистическихъ заботахъ было бы просто несправедливо. Жизнь людская и вообще-то не особенно цѣнится въ нашемъ отечествѣ, и здѣсь, на Волгѣ, можно наглядно убѣдиться въ этомъ, пройдясь по пристанямъ и наслушавшись общеизвѣстныхъ, давно набившихъ оскомину разсказовъ о томъ, въ какой грубой формѣ, эксплуатируется ближній и, что еще ужаснѣе, не всегда понимающій (рѣдко, по крайней мѣрѣ), какъ онъ жалокъ и безпомощенъ и почему именно безпомощенъ, несмотря на свои классическія добродѣтели: нечеловѣческую выносливость и терпѣніе, граничащее подчасъ съ покорностью животнаго.

Славное майское утро съ теплымъ низовымъ вѣтеркомъ дѣйствуетъ оживляющимъ образомъ послѣ безсонной ночи. Обгоняя пассажировъ-пѣшеходовъ съ котомками за плечами и возы съ кладью, мы проѣзжаемъ среди невзрачныхъ построекъ, мимо запертыхъ лавокъ и амбаровъ мертваго Кунавина и минутъ черезъ двадцать достигаемъ берега, гдѣ стоитъ пароходъ съ паромомъ и толпится народъ.

У крутого, грязнаго спуска къ парому — знакомая, родная картинка: телѣги, возы, люди и лошади смѣшались въ живописномъ безпорядкѣ, напоминающемъ отчасти безпорядокъ военнаго обоза во время паники, при преслѣдованіи непріятеля, и на этомъ небольшомъ пространствѣ, гдѣ несетъ отчаянною вонью не то отъ бочекъ съ соленою рыбой, не то отъ сваленнаго тутъ же навоза, сосредоточивается, главнымъ образомъ, тотъ стонъ ругани, который характеризуетъ оживленіе бойкихъ русскихъ мѣстъ. Ругаютъ другъ друга и по-русски и по-татарски, ругаютъ лошадей, ругаютъ для краснаго словца и среди этой ругани занимаютъ мѣста на паромѣ. Вдругъ движеніе остановилось. Взрывъ привѣтствій по адресу родственниковъ раздался со всѣхъ сторонъ. Въ чемъ дѣло? Оказалось, что упавшій на бокъ возъ загородилъ дорогу.

Пока собираются поднять возъ и, призывая всуе память родителей, разсуждаютъ о причинахъ его паденія, изъ ближняго кабака выбѣгаетъ на мѣсто происшествія худенькій, маленькій, невзрачный блюститель благочинія въ затрапезной униформѣ и съ какимъ-то приливомъ злости, напоминающимъ освирѣпѣвшую собаченку, набрасывается на возчика и начинаетъ его бить среди равнодушныхъ зрителей этого обычнаго дарового спектакля, неизмѣнно дающагося на всемъ протяженіи русскаго царства. Высокій, здоровенный, скуластый татаринъ, который однимъ мановеніемъ своей геркулесовской руки могъ бы отогнать тщедушнаго бутаря, какъ докучливую муху, принимаетъ порцію ударовъ съ наскока и градъ брани, словно заслуженную имъ дань, безъ малѣйшаго протеста и своею покорностью, казалось, только увеличиваетъ приливъ распорядительной злости маленькаго администратора. Ему, очевидно, хочется нанести болѣе чувствительный ударъ и онъ прицѣливается, чтобы, по возможности, повредить обывательскую физіономію и пролить кровь, но въ это время раздается, въ свою очередь, непечатная брань по его адресу со стороны какого-то подъѣхавшаго господина въ фуражкѣ съ кокардой и сцена прекращается. Маленькій полисменъ начинаетъ водворять порядокъ, то-есть безцѣльно суетиться около воза, но, сообразивъ, вѣроятно, что пользы отъ его присутствія нѣтъ никакой, исчезаетъ въ питейномъ домѣ съ тою же внезапностью, съ какой и появился. Атлетъ-татаринъ сконфуженно поднялъ свалившуюся на земь вислоухую свою шапку и, прежде чѣмъ двинуть возъ, хлещетъ по мордѣ свою лошадь при ироническомъ смѣхѣ толпы. Наконецъ, движеніе возобновилось. Паромъ быстро заполняется телѣгами, возами и экипажами.

— Всегда у васъ такъ?—спрашиваю я извощика.

— Еще хуже бываетъ!—отвѣчаетъ возница и не безъ важности прибавляетъ:—„Провинція“! Ну, и народъ тоже... особенно татарва.

Раздается свистокъ съ парохода. Ругань сосредоточивается теперь на паромѣ. У парохода рѣдѣетъ толпа. Другой свистокъ, третій. Пароходъ отваливаетъ и, прибавивъ ходу, съ тихимъ шумомъ колесъ пересѣкаетъ рѣку.

— Каковъ городокъ?! Какова Волга-красавица?—раздается на мостикѣ, въ группѣ пассажировъ, восторженный возгласъ дамскаго ватерпруфа.

И дѣйствительно, расположенный на горѣ, среди купъ молодой яркой зелени, сверкающій на солнцѣ золотистыми маковками своихъ церквей, Нижній съ рѣки живописенъ и кажется чистымъ, красивымъ городкомъ, обѣщая издали, по обыкновенію отечественныхъ мѣстъ, несравненно болѣе того, что даетъ въ дѣйствительности.

И хваленая наша Волга, хотя и не красавица, а не дурна, особенно теперь, въ разливѣ. За то она разочаруетъ ожидавшаго увидѣть бойкую рѣку, оживленную движеніемъ, со снующими пароходами, съ массой каравановъ барокъ. Ничего этого нѣтъ. Рѣка почти пуста и не производитъ впечатлѣнія бойкаго рѣчного тракта. Чтобы видѣть жизнь на рѣкѣ въ полномъ проявленіи, надо, говорятъ, быть здѣсь во время ярмарки или спуститься къ Астрахани. Во время ярмарки быть въ Нижнемъ мнѣ не доводилось, но въ Астрахани я бывалъ. Оживленіе тамъ порядочное, судовъ много, но это оживленіе покажется ничтожнымъ тому, кто видалъ жизнь на бойкихъ европейскихъ рѣкахъ. Я уже не говорю про Темзу, эту царицу рѣкъ по торговому движенію, гдѣ на пространствѣ между Гревзендомъ и Лондономъ пароходъ все время идетъ между двумя рядами тѣсно стоящихъ судовъ всевозможныхъ формъ и конструкцій, среди движущихся на буксирахъ громадныхъ кораблей и маленькихъ пароходовъ, снующихъ, какъ бѣшеные, по всѣмъ направленіямъ, и, наконецъ, вступаетъ въ непроходимый, какъ кажется, лѣсъ мачтъ среди внушительнаго гула напряженной жизни великаго города торговли. И это непрерывающееся движеніе, и этотъ рядъ кораблей безъ конца подавляютъ васъ: чувствуя, съ какимъ колосальнымъ размахомъ идетъ здѣсь жизнь, вы испытываете какой-то страхъ за личность человѣка, поражаясь, въ то же время, величіемъ его коллективнаго труда, и если, глядя на эту картину торговой напряженности, на эти чудовищные доки, рядъ пристаней со всевозможными приспособленіями, на эти массы плывущихъ товаровъ, вспомнить вдругъ о нашихъ бойкихъ мѣстахъ, то они покажутся вамъ жалкою пародіей, какою-то пустынною Сахарой по сравненію съ тѣмъ, что вы видите.

Нашъ пароходъ пристаетъ къ пристани, вѣрнѣе, къ полу, развалившейся баркѣ, обращенной въ пристань. Опять такой же узкій и грязный подъемъ, снова тѣ же сцены толкотни и безпорядка, тотъ же стонъ ругани,—словомъ, все то, что

вы только что видѣли на томъ берегу, съ прибавленіемъ партіи нищихъ, поджидавшихъ сердобольныхъ людей.

Коммерческая гостиница близехонько, тутъ же на берегу. Отправляемся туда. Грязная лѣстница съ претензіями на щеголеватость, спертый воздухъ въ корридорѣ и тотъ же классическій корридорный, съ грязною салфеткой въ рукахъ, который встрѣчалъ и Павла Ивановича Чичикова. За то комнаты получше и почище, есть электрическіе звонки, но воздухъ въ номерахъ, надо полагать, не особенно измѣнился съ тѣхъ поръ. Скорѣе окна настежь. Струи свѣжаго воздуха врываются въ комнаты. Изъ оконъ чудный видъ на Волгу.

Оказывается, что пароходъ въ Пермь отходитъ утромъ, на слѣдующій день, но когда отходятъ пароходы изъ Тюмени, объ этомъ въ гостиницѣ узнать нельзя, росписаній сибирскихъ рейсовъ не имѣется. Надо ѣхать къ пристанямъ, тамъ получить необходимыя свѣдѣнія и кстати запастись билетами на мѣста до Перми.

Пароходныя конторки расположены по берегу, одна за другой, въ недалекомъ разстояніи другъ отъ друга. Подальше отъ другихъ, словно бы избѣгая близкаго сосѣдства, стоитъ конторка пароходства фирмы Курбатова и Игнатова. Ихъ пароходы ходятъ между Нижнимъ и Пермью и ихъ же пароходы плаваютъ по сибирскимъ рѣкамъ между Тюменью и Томскомъ. Кромѣ добровольныхъ туристовъ, названная фирма, по контракту съ правительствомъ, спеціально перевозитъ и невольныхъ путешественниковъ въ далекіе края. Каждый рейсъ, съ открытіемъ навигаціи, курбатовскій пароходъ ведетъ за собой спеціально приспособленную для узниковъ большую арестантскую баржу, обыкновенно биткомъ набитую. Въ ней, выражаясь казеннымъ языкомъ, „слѣдуетъ“ иногда партія человѣкъ въ семьсотъ. Тутъ и будущіе жильцы каторги, и поселенцы, и ссыльные, и арестанты изъ привилегированныхъ, неосторожно попавшіе въ объятія прокуроровъ, героп банковъ, жрецы хищеній и, наконецъ, такъ называемые „политическіе“, ссылаемые и по суду, и административнымъ порядкомъ. Послѣдніе, равно какъ и арестанты изъ привилегированныхъ, отдѣлены отъ другихъ.

Цѣна на курбатовскихъ пароходахъ между Нижнимъ и Пермью значительно ниже цѣнъ на легкихъ пассажирскихъ пароходахъ, совершающихъ свои рейсы безъ плавучаго „мертваго дома“ сзади, но большинство классныхъ пассажи-

ровъ, по крайней мѣрѣ, не имѣющихъ особенной причины быть близко отъ арестантской баржи, предпочитаютъ, разумѣется, легкіе пароходы. Они и ходятъ скорѣй, и не отравляютъ путешествія созерцаніемъ этого мрачнаго спутника и подчасъ тяжелыхъ сценъ. За то при путешествіи по сибирскимъ рѣкамъ выбора нѣтъ. Только курбатовскіе пароходы содержатъ болѣе или менѣе правильное пассажирское сообщеніе по рѣкамъ Западной Сибири, и, слѣдовательно, вамъ обязательно придется плыть цѣлыхъ десять дней неразлучно съ плавучею тюрьмой сзади и видѣть иногда близко невольныхъ путешественниковъ во время остановокъ на нѣкоторыхъ пристаняхъ, когда баржа становится бортъ о бортъ съ пароходомъ.

Объ этомъ, впрочемъ, послѣ, а теперь намъ предстоитъ попасть на „конторку“, противъ которой остановился извощикъ. Это вовсе не легкое дѣло и, чтобы свершить его, необходимо вооружиться немалою рѣшительностью, рискуя при этомъ принять холодную ванну, ради пріятныхъ глазъ гг. Игнатова и Курбатова. Сходня, положенная отъ берега къ конторкѣ (причемъ разстояніе между ними было довольно значительное по случаю половодья), представляла собой весьма двусмысленный и едва ли гдѣ употребляемый, кромѣ отечества и еще болѣе дикихъ странъ, путь сообщенія, особенно для человѣка, не навострившагося ходить по двумъ узкимъ доскамъ, перекинутымъ надъ рѣкой на изрядной высотѣ, безъ какихъ бы то ни было перилъ и вдобавокъ еще при порывистомъ вѣтрѣ, дувшемъ сбоку.

Я остановился въ нерѣшительности, предпочитая вызвать съ конторки саму фирму, въ лицѣ гг. Курбатова и Игнатова, и посмотрѣть, какъ она пойдетъ по воздушнымъ мосткамъ. Увы, голосъ мой былъ такимъ же безнадежно-вопіющимъ, какимъ бываетъ голосъ русскаго обывателя, подвергшагося ночному нападенію въ провинціальномъ городкѣ. Никто не откликался. Ни одинъ изъ представителей фирмы не показывался. Дѣлать было нечего. Сообразивъ, что въ худшемъ случаѣ мнѣ предстоитъ лишь рискъ купанья, я двинулся рѣшительно впередъ по изгибавшимся подъ ногами доскамъ и благополучно добрался до конторки.

Тамъ никого не было, кромѣ сладко спавшаго сторожа.

— Неужели у васъ нѣтъ получше сходни?—спросилъ я этого единственнаго представителя пароходной администраціи,

когда онъ окончательно проснулся и, присѣвъ на лавку, не совсѣмъ ласково взиралъ на виновника своего пробужденія.

— Зачѣмъ нѣтъ? Есть!

— Такъ отчего-жь вы не кладете ее?

— Кладемъ, когда нужно.

— А когда нужно?

— Когда пароходъ отходитъ, тогда и кладемъ!

— А въ остальные дни можно падать въ Волгу?

Этотъ вопросъ приводитъ сторожа въ веселое настроеніе. Онъ усмѣхнулся и, оживляясь, замѣтилъ:

— Мы привычные, а изъ чистой публики рѣдко, рѣдко кто ходитъ сюда. Оно точно, что можно выкупаться (и опять на его добродушномъ лицѣ играетъ улыбка). Доска положена узкая. Долго ли до грѣха? Я докладывалъ Кузьмѣ Митричу, довѣренному. „Ничего,—говоритъ.—Зачѣмъ хорошую сходню портить?“ Да вамъ что требуется?

Я объяснилъ, что требуется, и сторожъ указалъ мнѣ пальцемъ на росписаніе. Оказалось, что тюменскій пароходъ отходитъ въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ.

— Отчего такой поздній часъ отхода?

— А это ужъ не наше дѣло. Такое, значитъ, положеніе.

— И отсюда ваши пароходы уходятъ по ночамъ?

— И отсюда по ночамъ. Сегодня на разсвѣтѣ вотъ побѣжалъ пароходъ съ арестантскою баржей. А вы, видно, на нашемъ пароходѣ хотѣли ѣхать? Такъ раньше недѣли опять не побѣжитъ! Вы лучше на легкомъ. Завтра... И часъ не ночной, настоящій часъ, не то, что у насъ. Всю ночь вотъ не спалъ!

Хотя онъ раньше и объявилъ, что не знаетъ, почему курбатовскіе пароходы отходятъ въ такіе таинственные часы, но, разговорившись, не замедлилъ сообщить свое мнѣніе по этому поводу, а именно, что всему „причина арестантская баржа“. По ночамъ удобнѣе проводить „такого пассажира“, народъ извѣстно какой. Чего его среди бѣла дня всѣмъ показывать? И для вольнаго пассажира меньше безпокойства: онъ и не увидитъ, какъ приведутъ, разсадятъ, замкнутъ голубчика и гайда! Опять же и любопытныхъ нѣтъ. Кому ночью-то охота глазѣть?

— А партія сегодня большущая была. Одинъ генералъ въ ней былъ!—значительно прибавилъ словоохотливый сторожъ.

— Какой генералъ?

— Настоящій, изъ Питера... Запамятовалъ, какъ звать-то его... Въ Сибирь засудили. Сказывали, будто за то, что какую-то банку неправильно ограбилъ. Только, поди, врутъ. Нешто за это генерала пошлютъ въ Сибирь? Вѣрно, за что-нибудь другое.

Я замѣтилъ, что за это иногда посылаютъ.

— Богъ его знаетъ!—недовѣрчиво покачалъ головой сторожъ, закуривая папироску.—Сказывали, важный былъ прежде генералъ... Старый такой, престарѣлый и одѣтъ въ хорошую одежу. Ему и каютку отдѣльную отвели на баржѣ. Сиди, молъ, не тужи... и всякой провизіи и вина съ нимъ взято. Деньги-то, видно, припрятаны. А слѣдомъ за нимъ барышня молодая пріѣхала съ нянькой... Дочь евойная. Такая молоденькая, изъ себя аккуратная, только худа больно. Плачетъ, бѣдная, слезки такъ и текутъ, какъ стала проситься, чтобы пустили съ нимъ на баржѣ... Одначе, не пустили. Такъ это она на пароходъ. Отдѣльную себѣ каюту въ первомъ классѣ взяла съ нянькой. Я вещи ей носилъ. Вещей много, и все фасонистые такіе чемоданчики, да ящички, и пахнутъ духомъ какимъ-то. Только принесъ это я послѣднія вещи, она даетъ мнѣ рубль, а сама такъ и заливается. „Богъ милостивъ, говорю, сударыня, а сокрушаться грѣхъ. Иногда, говорю, и безвинно люди терпятъ!“ Она это взглянула на меня сквозь слезы ласково такъ, кротко, словно малое дитя, а сама вся дрожитъ. „Премного, говоритъ, благодарна за ваши слова,—и ручку протянула, но только не въ примѣръ было бы мнѣ легче, ежели бы папенька безвинно принялъ крестъ!“ Проворковала это она и ничкомъ въ подушку! Только головка вздрагиваетъ. Тутъ нянька махнула сердито рукой на меня, чтобы уходилъ. Потомъ выбѣжала за водой и на ходу говоритъ: „Это ты, сиволапый, барышню такъ разстроилъ!“ А я что? Пожалѣлъ только.

Онъ помолчалъ, сдѣлалъ нѣсколько затяжекъ и прибавилъ:

— Нянька послѣ сказывала, что онѣ съ барышней-то этой издалека пріѣхали. Въ чужой землѣ гдѣ-то были по той причинѣ, что у барышни какая-то болѣзнь въ груди. Такъ, значитъ, пользовалась тепломъ. Она, видишь ли, и не знала, что отецъ-то набѣдокурилъ, скрывали отъ нея, а какъ узнала, запросилась къ отцу. Отецъ не допустилъ сперва, чтобы она ѣхала домой. Такъ она самовольно. Въ Москвѣ отца-то

и встрѣтила. Да. У него и другія дочки есть, но только не такія жалостливыя, какъ эта, меньшинькая. Нянька сказывала, что на рѣдкость барышня. Отца-то свово, небойсь, пожалѣла!—одобрительно заключилъ сторожъ.

— Давно вы здѣсь сторожемъ?

— Я-то? Второе лѣто. Да ну ихъ совсѣмъ... Уйду! — неожиданно проговорилъ онъ съ сердцемъ.—Одна тутъ непріятность.

— Мѣсто худое?

— Мѣсто ничего бы, еслибъ не эти проклятые арестанты. Тутъ, братецъ ты мой, всего насмотришься. Лучше бы и не видать. Особенно когда это бабы да дѣти провожаютъ. Ревъ идетъ. Ну, и ежели опять объ этихъ самыхъ арестантахъ подумать...

Онъ махнулъ рукой и умолкъ.

Я собрался уходить. Добрый человѣкъ предложилъ было проводить меня обратно, но я уже съ меньшимъ страхомъ смотрѣлъ на обратное путешествіе и отправился одинъ, посовѣтовавъ сторожу еще разъ доложить „Кузьмѣ Митричу“, что если онъ прикажетъ положить хорошую сходню, то избавитъ фирму гг. Курбатова и Игнатова отъ многихъ лишнихъ проклятій.

— Имъ что... не имъ ходить. Извѣстно, хозяева! — проговорилъ вслѣдъ сторожъ.

Конторка пермскаго пароходства, къ которой подвезъ меня извощикъ, оказалась легко доступною. Тутъ же стоялъ пароходъ, готовившійся къ рейсу. Его мыли и чистили. Капитанъ, любезно показывавшій мнѣ его, съ гостиподворскою бойкостью, обычной на Волгѣ, выхвалялъ всевозможныя удобства своего парохода и, перечисляя рядъ предстоящихъ наслажденій, старался дать понять, что умѣетъ при случаѣ говорить болѣе или менѣе высокимъ слогомъ.

Мой нѣсколько прозаическій вопросъ относительно персидскаго порошка, казалось, озадачилъ этого щеголяющаго обращеніемъ толстаго, мягкотѣлаго и сіяющаго здоровьемъ молодого человѣка. Онъ только что, между прочимъ, „кстати“ разсказалъ, какіе все хорошіе пассажиры были у него въ послѣднемъ рейсѣ (генералъ, два исправника и нѣсколько богатыхъ купцовъ съ женами) и какъ они всѣ даже жалѣли, что доѣхали до мѣста назначенія, а его вдругъ спрашиваютъ о такомъ низкомъ предметѣ!

Выраженіе презрительнаго изумленія и чего-то юпитерскаго засвѣтилось въ маленькихъ, заплывшихъ глазкахъ капитана, смѣнивъ любезную улыбку, не сходившую до моего злополучнаго вопроса съ его сочныхъ устъ, и, вѣроятно, единственно изъ сиисхожденія къ невѣжеству пассажира, вдобавокъ, пассажира, собирающагося занять шесть мѣстъ, онъ не сразилъ его гордымъ молчаніемъ, а отвѣчалъ не безъ достоинства оскорбленнаго величія, что „неприличный звѣрь“, на котораго я намекаю, *анахронизмъ*, по крайней мѣрѣ, у нихъ на пароходахъ (за пароходы другихъ хозяевъ онъ не отвѣчаетъ), и что пароходная администрація, въ заботахъ о пассажирахъ, не упускаетъ изъ вида никакихъ мелочей и щедро посыпаетъ персидскимъ порошкомъ каюты послѣ каждаго рейса.

— Позволительно думать, вы никогда не изволили свершать *экскурсій* на нашихъ пароходахъ?—заключилъ онъ вопросомъ.

— Не свершалъ.

— Это и видно!— проговорилъ капитанъ, взглядывая на меня съ сожалѣніемъ, какъ на несчастнаго человѣка, до сихъ поръ не испытавшаго такого удовольствія. — За то теперь увидите!—торжественно закончилъ онъ, пропуская меня въ одну изъ семейныхъ каютъ второго класса.

Грязь, которую я увидѣлъ, и вонь, которую обонялъ, повидимому, показались чрезмѣрными даже и почтенному капитану волжскаго парохода и онъ поспѣшилъ замѣтить:

— Каюты еще не совсѣмъ приведены въ порядокъ, и потому не производятъ надлежащаго впечатлѣнія, но къ завтрашнему дню вы ихъ не узнаете, могу васъ увѣрить!

Онъ, конечно, увѣрилъ меня, какъ увѣрилъ бы и васъ, если бы вы спѣшили ѣхать, чтобы попасть къ тюменскому пароходу, и потому я послушно отправился въ агентство брать билеты до Перми.

— Въ которомъ часу отходитъ пароходъ.

— Въ одиннадцать!—отвѣчалъ капитанъ безъ малѣйшей запинки и такъ рѣшительно, что даже агентъ, выдававшій мнѣ билеты, какъ-то стыдливо опустилъ глаза.—Насчетъ отваловъ мы аккуратны-съ, какъ англійскій хронометръ! Другіе пароходы запаздываютъ, но мы не придерживаемся такихъ правилъ!—не безъ игривости прибавилъ капитанъ, придерживающійся, какъ оказалось, дурного правила врать пасса-

жиру по вдохновенію и рѣшительно безъ всякой необходимости.—Ровно въ одиннадцать!—повторилъ капитанъ, раскланиваясь не безъ граціи.

— Быть можетъ, развѣ что задержитъ на полчаска!—проговорилъ мнѣ вслѣдъ стыдливый агентъ.

Ну, разумѣется, „ровно въ одиннадцать“ нашъ пароходъ не только не отправился по назначенію, а его даже и не было у пристани. Онъ ушелъ на тотъ берегъ за пассажирами съ желѣзной дороги, почему-то замѣшкался (хотя поѣздъ приходитъ въ 8 часовъ утра) и еще не возвращался. Пассажиры „этого берега“, собравшіеся на конторкѣ, терпѣливо поджидали парохода; очевидно, болѣе знакомые съ волжскими „нравами“, они считали подобное запаздываніе обычнымъ явленіемъ. Часомъ раньше, часомъ позже.... не все ли равно?

Вмѣсто одиннадцати, пароходъ нашъ, наконецъ, отвалилъ въ исходѣ перваго. Палуба парохода была набита пассажирами, которымъ предоставлялось полное право изображать собой сельдей въ бочонкѣ. Большинство такого „живого груза“ составляли крестьянскія семьи со множествомъ дѣтей. Это все переселенцы, направлявшіеся съ разныхъ безземельныхъ мѣстъ Россіи на „вольныя мѣста“ Сибири, преимущественно въ южные округи Томской губерніи и (незначительная часть) на Амуръ.

Съ этого дня мы уже не переставали видѣть переселенцевъ. Проѣхавши съ ними до Перми, видѣли ихъ цѣлые вагоны по уральской желѣзной дорогѣ, обгоняли ихъ между Екатеринбургомъ и Тюменью, плыли вмѣстѣ девять дней до Томска и на пути обогнали два парохода съ баржами, спеціально нанятыми переселенцами. Это усиливающееся въ послѣдніе годы движеніе въ страну ссылки начинается съ открытія навигаціи и заканчивается осенью. Двигаются партіи до Тюмени предпочтительно водянымъ путемъ [1]).

Труденъ и скорбенъ бываетъ иногда долгій путь этихъ будущихъ колонизаторовъ Сибири, хотя они и пробираются не по какимъ-нибудь лѣснымъ дебрямъ или непроходимымъ пустынямъ, а передвигаются цивилизованнымъ способомъ—на пароходахъ и баржахъ, на глазахъ у публики, иногда даже на

[1]) Изъ 5,589 переселенцевъ, прослѣдовавшихъ съ мая по октябрь настоящаго года черезъ Томскъ, 4,639 человѣкъ прибыли въ Томскъ водою и только 950 человѣкъ сухимъ путемъ.

глазахъ у петербургскихъ сановниковъ, отправляющихся изъ столицы вносить миръ и цивилизацію въ классическую страну пустопорожнихъ мѣстъ, взятки и безнравія. Прежде чѣмъ добраться переселенцамъ до этого самаго „пустопорожняго мѣста“, ради котораго они отправляются въ невѣдомый край, бросая свои насиженныя гнѣзда, имъ предстоитъ перенести немало серьезныхъ невзгодъ и лишеній. Цѣлыя толпы народа по нѣскольку дней стоятъ лагеремъ подъ городами въ ожиданіи парохода, не зная куда двинуться. Тифъ нерѣдко коситъ этихъ людей.

V.

Даже и днемъ, когда человѣкъ относительно легче переноситъ неудобство прессованія, тѣснота помѣщенія палубныхъ пассажировъ бросается въ глаза и могла бы смутить иностранца, не знающаго нашей поговорки, что въ тѣснотѣ люди живутъ. На обоихъ пароходахъ, на которыхъ довелось мнѣ плыть (на пермскомъ и сибирскомъ), на небольшомъ пространствѣ, остающемся свободнымъ между рубкой, вторымъ классомъ, складомъ дровъ, дымовою трубой, машиной и бортами, было скучено множество людей, въ томъ числѣ женщинъ и дѣтей, безъ всякаго соображенія о правѣ пассажира хотя на нѣкоторую свободу движенія (безъ преувеличенія люди сидѣли одинъ на другомъ) и, разумѣется, безъ какихъ бы то ни было приспособленій, намекающихъ на удобства, исключая, впрочемъ, покрышки на кормѣ, защищающей отъ дождя, если только онъ не хлещетъ наискось. Изъ пароходовъ плавающихъ по Волгѣ, только на американскихъ пароходахъ нѣмца Зевеке, да на пароходахъ общества „Кавказъ и Меркурій“ существуютъ приличныя помѣщенія для палубныхъ пассажировъ, въ видѣ удобныхъ крытыхъ наръ для каждаго пассажира. На остальныхъ такимъ пассажирамъ предоставляются лишь узенькія скамейки по бортамъ и проходы на палубѣ. Скамейки обыкновенно занимаются пассажиромъ „почище“, а въ распоряженіи „сѣрыхъ“ остаются проходы, разные закоулки и свободныя пространства подъ скамьями. Затѣмъ, классныхъ пассажировъ берутъ обыкновенно по числу имѣющихся на пароходѣ мѣстъ, а палубныхъ, и особенно переселенцевъ,— „сколько влѣзетъ“, и такъ какъ кулачество пароходчиковъ ничѣмъ не отличается отъ самаго первобытнаго и варварскаго,

то, по ихъ мнѣнію, „влѣзть“ можетъ народу много. По закону, разумѣется, должно быть опредѣлено, сколько можетъ „влѣзать“ на каждый пароходъ для безопасности его плаванія и для удобства пассажировъ, и такой списокъ, за подписью надлежащихъ лицъ, долженъ находиться на каждомъ пароходѣ, но даются ли такія удостовѣренія, я не знаю, а что законъ не соблюдается пароходчиками и что за этимъ никто не смотритъ—это фактъ общеизвѣстный. Берутъ на пароходы гораздо болѣе, чѣмъ „влѣзетъ“.

Ночью палуба такого парохода представляетъ воистину жалкій видъ. Въ повалку, тѣсными рядами, имѣя на рукахъ дѣтей, валяются эти „пассажиры“ нерѣдко хуже собакъ, и страшно проходить въ это время по палубѣ, такъ какъ въ темнотѣ легко наступить на человѣка и отдавить ручонку спящаго ребенка. При ночныхъ остановкахъ для пріема дровъ людямъ, валяющимся на палубѣ, приходится убираться, чтобы не быть раздавленными или ушибленными; днемъ не позволяютъ загромождать проходовъ и заставляютъ убирать подстилки, служащія постелями, проникаясь заботами о „чистотѣ и порядкѣ“, особенно въ томъ случаѣ, когда, на бѣду, въ числѣ пассажировъ находится какая-нибудь „особа“. Въ заботахъ объ удобствахъ особы, пароходная администрація старается „очистить“ возможно большее пространство вокругъ рубки перваго класса, и тогда палубнаго пассажира сбиваютъ совсѣмъ въ невозможную кучу на корму, подальше отъ „большого свѣта“.

Долгій сухопутный путь въ санитарномъ отношеніи оказывается удобнѣе переѣзда на пароходахъ [1]). Особенно терпятъ дѣти и нерѣдко гибнутъ во время пути. Изъ числа нѣсколькихъ подобныхъ фактовъ, оглашенныхъ въ печати, (а сколько не оглашенныхъ?), приведу слѣдующій, бывшій на пароходѣ *Ермакъ*. На этомъ пароходѣ прибыло изъ Тюмени въ Томскъ 37 семействъ переселенцевъ, у которыхъ было 18 дѣтей, больныхъ скарлатиной, и, кромѣ того, въ пути умерло трое дѣтей [2]). На обоихъ пароходахъ, на которыхъ мнѣ пришлось ѣхать, были больныя дѣти въ переселенческихъ семьяхъ, остававшіяся, разумѣется, безъ всякой помощи, пока кто-то

---

[1]) Изъ общаго числа переселенцевъ, прослѣдовавшихъ въ 1885 г. черезъ Томскъ, изъ переселенцевъ, прибывшихъ водой, пользовались врачебною помощью около 13%, а изъ числа прибывшихъ сухимъ путемъ—8%.

[2]) *Памятн. книжка Том. губ. на 1885 г.*, стр. 25.

изъ пассажировъ случайно не узналъ объ этомъ и не обратилъ на нихъ вниманія случившагося на пароходѣ врача. Ходилъ даже слухъ, будто одинъ ребенокъ на сибирскомъ пароходѣ умеръ отъ дифтерита и былъ поспѣшно похороненъ на ближайшей пристани. Пароходная администрація тщательно отрицала этотъ фактъ, чтобы не смущать „чистую“ публику, тѣмъ болѣе, что въ числѣ послѣдней былъ одинъ важный административный „чинъ“, ѣхавшій на службу въ Сибирь съ семействомъ. Вообще говоря, плаваніе въ невозможной тѣснотѣ и особенно при неблагопріятной погодѣ въ осеннее время является отличнымъ средствомъ для развитія заразныхъ болѣзней. Именно эти болѣзни вмѣстѣ съ болѣзнями (желудочно-кишечными) отъ дурного питанія господствуютъ между переселенцами. На такіе факты, разумѣется, никто не обращаетъ вниманія. Да и кому дѣло до переселенцевъ? Господа капитаны, внимательные къ „хорошему“ пассажиру, съ которымъ можно закусить и выпить, и лебезящіе передъ пассажиромъ, котораго, въ качествѣ „чина“, можно трепетать, обращаютъ поль вниманія на остальныхъ и въ особенности на безотвѣтныхъ „сѣрыхъ“, привыкшихъ бояться всякаго начальства. Я, по крайней мѣрѣ, ни разу не видалъ, чтобы кто-нибудь изъ пароходнаго начальства, хотя бы для вида, позаботился взглянуть, какъ размѣщаются на ночь палубные пассажиры, спросить объ ихъ удобствахъ и т. п. Повидимому, подобныя заботы никогда не приходятъ никому въ голову, и когда одинъ нервный господинъ, изъ такъ называемыхъ „безпокойныхъ пассажировъ“ (чѣмъ дальше отъ столицъ, тѣмъ рѣже встрѣчается этотъ типичный русскій „безпокойный пассажиръ“), поднялъ было вопросъ о тѣснотѣ помѣщенія переселенцевъ и возмутился, что съ нихъ берутъ за кипятокъ по 5 к., то сіяющій и щеголеватый нашъ капитанъ даже вытаращилъ свои маленькіе глазки, очевидно, удивленный подобному вмѣшательству не въ свое дѣло и едва ли понимавшій, какъ это тѣснота можетъ безпокоить палубнаго пассажира, да еще сиволапаго.

— Помилуйте! Чѣмъ имъ не хорошо?—воскликнулъ онъ.— На другихъ пароходахъ не такъ тѣснятся, а у насъ довольно даже помѣстительно. У насъ, съ позволенія сказать, на Волгѣ всякія такія „филантропіи“ вовсе неизвѣстны. Никто изъ переселенцевъ не заявляетъ претензіи и вы только себя напрасно безпокоите пылкимъ „воображеніемъ фантазіи“,—ядовито прибавилъ капитанъ.

Замѣтьте, что все это происходитъ на пассажирскихъ пароходахъ (гдѣ капитанъ, все-таки, „почище“), на глазахъ у публики,—правда, публики въ большинствѣ случаевъ равнодушной къ подобнымъ фактамъ и не любящей впутываться въ „исторіи“, но среди которой нѣтъ-нѣтъ да и объявится вдругъ „безпокойный пассажиръ“ съ сильно развитыми альтруистическими наклонностями и подыметъ „исторію“. Что же дѣлается на буксирныхъ пароходахъ и на баржахъ, гдѣ, кромѣ переселенцевъ, никого нѣтъ? Тамъ ужъ вовсе не церемонятся съ людьми и нерѣдко обходятся совсѣмъ варварски. Такъ, напримѣръ, въ 1883 году, въ концѣ іюня мѣсяца, прибыла въ Томскъ на буксированной пароходомъ *Ершъ* баржѣ *Тура* огромная *партія переселенцевъ въ 2,500 человѣкъ, втиснутыхъ въ пространство, на которомъ едва бы могло помѣститься 800 человѣкъ*. Подвергаясь всякаго рода притѣсненіямъ со стороны пароходовладѣльца и, главное, терпя недостатокъ въ продовольствіи, партія эта привезла съ собою 80 дѣтей, больныхъ скарлатиною, корью, дифтеритомъ и кровавымъ поносомъ. На самой баржѣ найдено 5 труповъ и въ первые сутки по прибытіи умерло 9 дѣтей, а, по разсказамъ крестьянъ, во время перехода водой было еще 20 умершихъ. Изнуренные такими лишеніями, люди, очевидно, не могутъ устроить себѣ на зиму сносныя избы, а, скучиваясь въ самыхъ тѣсныхъ помѣщеніяхъ, по нѣсколько семей вмѣстѣ, продолжаютъ бѣдствовать отъ недостатка пищи и отъ морозовъ. Всѣ эти люди составляютъ, такимъ образомъ, самую благопріятную для развитія заразныхъ болѣзней почву [1]).

Плохо приходится переселенцамъ и во время стоянокъ въ Тюмени, въ ожиданіи парохода. Несмотря на важность этого перевалочнаго пункта, тамъ до сихъ поръ не устроено никакихъ приспособленій, хотя въ этомъ городѣ и есть переселенческій чиновникъ. „Со слезами на глазахъ разсказываютъ переселенцы объ ужасахъ ихъ пребыванія въ Тюмени. Недостаточность помѣщенія вызвала страшную скученность. Людей валили, какъ скотъ, въ сараяхъ, въ хлѣвахъ, на открытомъ воздухѣ. О различіи половъ никто и не помышлялъ; о возрастахъ никому не приходила мысль. Въ одномъ сараѣ помѣстили до 3,000 переселенцевъ, между которыми была масса

[1]) *Санитарное состояніе Томской губерніи въ 1883 году* (*Памятн. книжка Томск. губ. на 1885 г.*, стр. 25 и 26).

больныхъ. И въ такой обстановкѣ несчастнымъ приходилось мучиться семнадцать дней, такъ какъ пароходы ихъ не брали. Прождавъ 17 дней и испугавшись поголовной смерти, они возвратили въ пароходную контору обратно билеты и двинулись далѣе на лошадяхъ“ [1]).

Но мытарства переселенцевъ не кончаются и тогда, когда они послѣ всѣхъ испытаній добираются, наконецъ (случается, Христовымъ именемъ), до желанной „самары“, какъ называютъ они Томскую губернію. Новыя и немалыя затрудненія ждутъ ихъ на этой „самарѣ“ и особенно въ Алтайскомъ горномъ округѣ, куда, главнымъ образомъ, и стремятся переселенцы.

VI.

Мнѣ придется коснуться нѣкоторыхъ подробностей земельнаго неустройства старожиловъ Алтайскаго округа, т.-е. бывшихъ горнозаводскихъ крестьянъ и прежде переселившихся на Алтай бѣглыхъ изъ Россіи, чтобы читателю были понятнѣе причины затрудненій, испытываемыхъ на вольныхъ земляхъ переселенцами [2]). Эта безурядица, продолжающаяся до сихъ поръ и сама по себѣ очень характерная, какъ иллюстрація картины безпорядка при обиліи земли, вліяетъ и на положеніе переселенцевъ, и на отношенія старожиловъ къ нимъ,—отношенія, бывающія иногда далеко не мирными. До сихъ поръ тамъ нерѣдки споры изъ-за земельныхъ границъ между новоселами и старожилами и между тѣми и другими и горнымъ вѣдомствомъ. Въ 1881 году изъ-за неправильныхъ требованій лѣсныхъ чиновъ были даже нѣкоторыя волненія среди алтайскихъ крестьянъ.

Начало этой безурядицы идетъ не со вчерашняго дня. Крестьянская реформа отозвалась на Алтаѣ освобожденіемъ горнозаводскихъ крестьянъ отъ обязательнаго труда и устройствомъ крестьянскихъ учрежденій, но положенія о земельномъ устройствѣ крестьянъ и о выкупѣ не примѣнены, въ виду

---

[1]) См. *Сиб. Газету* (№ 36) и *Русск. Вѣд.* (№ 211).

[2]) Мало извѣстныя публикѣ свѣдѣнія о земельномъ неустройствѣ на „благодатномъ“ Алтаѣ извлекаемъ изъ статьи: *Народонаселеніе Томской губерніи въ связи съ крестьянскими переселеніями*, составленной по оффиціальнымъ даннымъ и напечатанной въ *Памятной книжкѣ Томск. губ. на 1884 годъ*, изданной статистическимъ комитетомъ.

того, что большая часть земель, занятыхъ бывшими заводскими крестьянами и разбросанныхъ на громадной площади, не была точно обмежевана. Нѣкоторыя изъ земель подверглись въ 20 годахъ обмежеванію, но столь неудовлетворительному, планы и поясненія на планахъ представляли такое несходство съ натурой, что подобное межеваніе не могло служить основаніемъ для земельнаго устройства бывшихъ горнозаводскихъ крестьянъ.

На основаніи этихъ-то соображеній и было постановлено: „Впредь до приведенія въ извѣстность земель Алтайскаго горнаго округа предоставить крестьянамъ, въ оном поселеннымъ, пользованіе всѣми усадебными, пашенными, сѣнокосными и другими угодьями въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ нынѣ угодья сіи въ ихъ пользованіи состоятъ“, и за такое пользованіе въ доходъ кабинета Его Величества взыскивалось по 6 р. оброку съ каждой ревизской души.

Законъ этотъ сперва не вызывалъ никакихъ недоразумѣній, хотя неравномѣрность земельныхъ надѣловъ существовала и тогда. У однихъ селеній земли въ пользованіи было много, у другихъ мало; въ нѣкоторыхъ селеніяхъ на душу приходилось свыше 500 десятинъ земли, въ другихъ отъ 7 до 14, наконецъ, были и такія, гдѣ надѣлъ колеблется между двумя и семью десятинами, и, такимъ образомъ, 6-ти рублевый оброкъ ложился неравномѣрно. Въ виду возможности пользованія свободною землей на правахъ аренды, подобные порядки не имѣли существеннаго значенія на мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока земли кабинета Его Величества не были открыты (въ 1865 году) для переселенія. Съ тѣхъ поръ границы „условнаго пользованія“ стали мало-по-малу уничтожаться, а, между тѣмъ, никакихъ мѣръ къ болѣе правильному земельному устройству алтайскихъ крестьянъ не предпринималось и земли все еще „не приведены въ извѣстность“. Мало того, законъ, предоставлявшій алтайскимъ крестьянамъ неограниченное пользованіе угодьями въ размѣрахъ, въ какихъ они пользовались при обнародованіи положенія 8 марта 1861 г., былъ нарушенъ возстановленіемъ завѣдомо негодныхъ плановъ 20—30 годовъ, на основаніи которыхъ крестьянъ обязали пользоваться землей. Отсюда земельные споры о границахъ, до сихъ поръ не прекратившіеся и разоряющіе крестьянъ. Еще болѣе тягостными являются стѣсненія тѣхъ же крестьянъ въ пользованіи лѣсомъ. Хотя въ 1881 году и было разъ-

ясно, что крестьяне могутъ пользоваться лѣсомъ въ предѣлахъ своихъ надѣловъ безусловно, а изъ заводскихъ дачъ за пользованіе болѣе цѣннымъ лѣсомъ на собственныя только надобности обязаны отбывать повинности,—опалку заводскихъ дачъ и тушеніе лѣсныхъ пожаровъ,—тѣмъ не менѣе, ни законъ, ни разъясненіе его не исполнялись лѣснымъ вѣдомствомъ; оно запретило крестьянамъ пользоваться лѣсомъ въ предѣлахъ ихъ надѣловъ даже по неудовлетворительнымъ планамъ. Взрощенный и сберегаемый крестьянами лѣсъ вдругъ оказался подъ запрещеніемъ.

„Всѣ порубки въ этихъ лѣсахъ, даже на мелкія хозяйственныя подѣлки, преслѣдовались, лѣсъ конфисковался, налагались тройные штрафы, между тѣмъ, тѣ же рощи, вслѣдствіе личныхъ недоразумѣній между крестьянами и лѣсною стражей, отдавались на срубъ и полнѣйшее истребленіе разнымъ подрядчикамъ заводовъ. Опалка заводскихъ лѣсовъ обращена въ доходную статью низшихъ (?) лѣсныхъ чиновъ, которые, взимая съ крестьянъ, назначаемыхъ на опалку, откупъ отъ этой тяжелой повинности, проводятъ опалку небрежно, не доводя таковую до конца. Всѣмъ этимъ весьма просто объясняется то явленіе, что за время существованія здѣсь лѣсной стражи, въ теченіе 10 лѣтъ, лѣса Алтайскаго округа подвергаются ежегодно сильному истребленію отъ пожаровъ и краю грозитъ полное обезлѣсеніе“.

Факты подобнаго рода, сообщаемые въ оффиціальномъ изданіи (*Пам. книжки на 1884 г.*), показываютъ, какая неурядица существуетъ въ этихъ „свободныхъ земляхъ“.

Всѣ эти неурядицы вмѣстѣ съ разными стѣснительными формальностями по отчисленію и перечисленію затрудняютъ устройство переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ и не даютъ возможности переселенцамъ скоро пріобрѣсти ту обезпеченность, которой они были лишены на родинѣ. „Перечисленія“ продолжаются года. „Мы имѣли случай видѣть людей,—говоритъ г. Ядринцевъ въ своей книгѣ *Сибирь, какъ колонія*,—живущихъ по 12 лѣтъ и болѣе по паспортамъ безъ перечисленія, точно также какъ и людей, лѣтъ по 11 хлопочущихъ о перечисленіи и находящихся въ переходномъ состояніи. Переселенецъ какъ бы не принадлежитъ ни тому, ни другому обществу, но онъ несетъ и податную тяжесть, и повинность на новомъ мѣстѣ, наконецъ, онъ несетъ расходы по перечисленію“. Съ этою долгою, обставленною разными

проволочками процедурой перечисленія получается иногда,—по словамъ того же автора,—„комбинація самаго сложнаго и запутаннаго свойства, которую не можетъ ни разобрать канцелярія, ни распутать сама жизнь“. У г. Ядринцева былъ, напримѣръ, въ рукахъ документъ, въ которомъ „значится перечисленныхъ въ Сибирь 25 душъ крестьянъ; взысканіе на нихъ равняется 2,097 р. 33 к. Изъ этихъ 25 человѣкъ только 8 оказались въ живыхъ, а изъ нихъ только одинъ, имѣющій имущество, которое и подлежало продажѣ“.

Сколько такихъ мытарствующихъ, „не причисленныхъ“ по разнымъ причинамъ переселенцевъ, объ этомъ едва ли имѣются точныя свѣдѣнія. По сдѣланному въ 1880 году учету переселенцевъ въ Томской губерніи,—учету, едва ли точному (статистика исправниковъ—извѣстно какая статистика!), только въ двухъ округахъ названной губерніи (Бійскимъ и Барнаульскомъ) оказалось 3,972 семейства такихъ не причисленныхъ крестьянъ, которыхъ существованіе находится въ полной зависимости отъ снисходительности, разумѣется, не безкорыстной, сельскихъ и административныхъ властей, могущихъ всегда придраться за просрочку паспортовъ или безписьменность. Нечего и прибавлять, какъ отзывается на такихъ переселенцахъ это долгое переходное состояніе.

Что же касается разсказовъ о „быстро развивающихся“, „цвѣтущихъ“ переселенческихъ колоніяхъ, вырастающихъ будто бы со скоростью грибовъ, то всѣ подобные разсказы,—по словамъ мѣстныхъ наблюдателей,—не болѣе, какъ гиперболическія украшенія вродѣ „винограда“ на Амурѣ.

Тѣмъ не менѣе, переселенцы идутъ и все болѣе идутъ на „самару“, и если и не образуютъ цвѣтущихъ колоній, хотя бы похожихъ на нѣмецкія въ Новороссійскомъ краѣ, то, все-таки, въ концѣ-концовъ, устраиваются экономически лучше, чѣмъ дома. По крайней мѣрѣ, благодаря обилію земли, луговъ и лѣсу,—обилію, о которомъ они давно забыли на родинѣ, можно жить безъ нужды, не рискуя шкурой за правильное поступленіе недоимокъ. Это-то сравненіе здѣшняго обилія земли со скудостью ея на родинѣ и вызываетъ нерѣдко восторженные отзывы о жизни на вольныхъ земляхъ, особенно со стороны болѣе раннихъ переселенцевъ. Но въ послѣднее время устройство переселенцевъ въ нашей „Америкѣ“ дѣлается болѣе затруднительнымъ, если они не несутъ съ собой денежнаго запаса, что бываетъ, разумѣется, рѣдко.

Трудности эти, облегчить которыя ничего бы не стоило при нѣкоторомъ, болѣе внимательномъ отношеніи къ переселенческому вопросу со стороны государства, увеличиваются по мѣрѣ большаго притока и обусловливаются, между прочимъ, еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что движеніе направляется преимущественно на Алтай и предпочтительно въ одинъ излюбленный переселенцами Бійскій округъ, гдѣ уже и теперь начинаетъ чувствоваться тѣснота, вслѣдствіе безтолковаго разселенія новоселовъ въ названномъ округѣ. По словамъ одного наблюдателя, посѣтившаго многія алтайскія деревни въ прошломъ году, уже и теперь тамъ слышны жалобы, какъ бы „не сдѣлалось тѣсно, какъ въ Россіи“, и эта-то тѣснота является не рѣдкимъ источникомъ недоразумѣній между старожилами и новоселами [1]).

Прежде, когда переселенія на „самару“ не принимали большихъ размѣровъ, переселенцамъ на Алтай было гораздо легче устроиваться; старожилы охотнѣе принимали ихъ въ свои общества и брали за пріемные приговоры меньшую плату, чѣмъ теперь, когда плата за пріемъ колеблется между 50 и 60 рублями съ переселенческой семьи, не считая другихъ расходовъ, обязательныхъ для новоселовъ [2]). Теперь же нѣкоторыя общества и совсѣмъ отказываютъ въ пріемѣ новоселовъ, разсчитывая, что въ будущемъ самимъ старожиламъ понадобятся свободныя теперь земли. Немалую роль играетъ и неопредѣленность земельнаго устройства алтайскихъ крестьянъ, заставляя ихъ бояться за будущее и косо посматривать на пришельцевъ, занимающихъ земли. Границы участковъ, отводимыхъ вновь образуемымъ селеніямъ переселенцевъ, нерѣдко возбуждаютъ споры и причина ихъ, главнымъ образомъ, кроется въ отсутствіи правильнаго обмежеванія участковъ [3]).

Понятно, что расходы [4]), необходимые для приписки къ какому-нибудь обществу и для обзаведенія, оказываются въ пер-

---

[1]) Нѣкоторыя селенія Бійскаго округа разрослись до огромныхъ размѣровъ, вслѣдствіе прилива переселенцевъ, и земельныя угодья значительно уменьшились въ такихъ селеніяхъ уже и въ настоящее время.

[2]) Въ 1875 г. въ одной деревнѣ Бійскаго округа за пріемный приговоръ брали отъ 10 до 20 руб. съ семьи; въ 1877 г. въ той же деревнѣ брали 35, а въ 1879—до 55 руб.

[3]) Переселенцы, по опыту знающіе бѣды отъ малоземелья, являются, по словамъ наблюдателей, главными подстрекателями въ земельныхъ спорахъ. Они подбиваютъ и старожиловъ требовать точнаго разграниченія по планамъ.

[4]) Около 300 руб. на семью.

вое время подъ силу лишь не многимъ переселенцамъ. Случается, что пріѣзжаютъ на „самару“ и такіе, что имѣютъ даже тысячу рублей про запасъ, но такихъ „тысячниковъ“ капля въ морѣ. Громадное большинство является на мѣсто ни съ чѣмъ или съ самымъ ничтожнымъ запасомъ. Такимъ переселенцамъ, прежде чѣмъ сѣсть на хозяйство, приходится нерѣдко батрачить у мѣстныхъ крестьянъ, причемъ трудъ ихъ оплачивается хлѣбомъ, лѣсомъ на постройку и частью деньгами. Нельзя сказать, судя по разсказамъ наблюдателей, чтобы старожилы по-братски разсчитывались съ „Россіей“. Они не прочь закабалить при случаѣ рабочаго и тогда переселенцу приходится жутко. Имѣющіе какую-нибудь возможность заняться по прибытіи на мѣсто земельнымъ трудомъ сразу же принимаются за дѣло, не стѣсняясь захватывать свободныя земли, принадлежащія старожиламъ, что вызываетъ со стороны послѣднихъ жалобы. Въ свою очередь, и старожилы тѣснятъ новоселовъ. Пустятъ сперва переселенцевъ къ себѣ, продадутъ имъ дома, увѣряя, что обзаведшійся домомъ легче получитъ пріемный приговоръ, и затѣмъ отказываютъ въ пріемѣ и выживаютъ новоселовъ. Дѣло доходитъ до серьезныхъ столкновеній. Переселенцы, разсчитывавшіе на „перечисленіе“ и затратившіе на покупку домовъ послѣднія деньги, добровольно не уходятъ, несмотря на приговоры о выдвореніи. Въ одной изъ волостей, гдѣ старожилы сперва было позволили поселиться новоселамъ, но, увидавъ значительный ихъ наплывъ, испугались „тѣсноты“, былъ постановленъ приговоръ просить исправника объ удаленіи новоселовъ „въ виду упадка сельскаго благосостоянія“, и исправникъ предписалъ волостному старшинѣ „не допускать заниматься хлѣбопашествомъ всѣхъ не причисленныхъ переселенцевъ и, назначивъ имъ сроки для пріисканія другого мѣста жительства, выдворить“.

Были случаи, когда обострившіяся отношенія доходили до того, что старожилы, желая выжить новоселовъ, ломали у послѣднихъ печи и сносили дома. Вообще отношенія между тѣми и другими ухудшаются по мѣрѣ наплыва переселенцевъ, и именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, какъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Бійскаго округа, является страхъ за недостатокъ земли въ будущемъ, — страхъ, вызванный въ старожилахъ разсказами же новоселовъ о тѣснотѣ въ Россіи, и о высокой арендной цѣнѣ на землю. Мѣстный наблюдатель, быв-

шій въ селѣ, гдѣ происходило столкновеніе старожиловъ съ новоселами, и посѣтившій нѣсколько алтайскихъ деревень, разсказывалъ, что изъ бесѣдъ со стариками и изъ опросовъ многихъ переселенцевъ онъ вывелъ заключеніе, что вообще старожилы не прочь эксплуатировать и тѣснить переселенцевъ. Жалобы другъ на друга—обыкновенная вещь. Старожилы говорятъ, что „россійскіе“ обманно водворяются въ деревняхъ, самовольно выпахиваютъ лучшія мѣста, занимаютъ угодья, пользуются лѣсомъ и т. п., а переселенцы, въ свою очередь, утверждаютъ, что они выпахиваютъ „вольныя“ земли, втунѣ лежащія, что лѣсъ Божій, что его, слава Богу, много, не то, что въ Россіи, и жалуются на старожиловъ, что тѣ ихъ „не признаютъ“: обѣщали принять въ общество, пили водку на ихъ счетъ, продали за высокую цѣну дома, а теперь гонятъ.

Основываться сразу на новыхъ участкахъ и, такимъ образомъ, избѣжать расходовъ по пріемнымъ приговорамъ и столкновеній съ старожилами не всегда возможно для обнищавшихъ въ дорогѣ переселенцевъ, особенно такихъ, которые переселяются малыми партіями и идутъ по зову родственниковъ или земляковъ въ опредѣленныя селенія. Да и вообще-то русскій человѣкъ любитъ жаться къ людямъ. Переселяющіеся большими партіями, въ нѣсколько десятковъ семействъ, нерѣдко прямо съ дороги садятся на участки, занятые ходоками, и опять-таки вслѣдствіе неимѣнія средствъ не скоро еще входятъ въ силу. Тотъ же самый изслѣдователь, со словъ котораго я уже привелъ нѣкоторые факты, разсказывалъ, что онъ видѣлъ новые поселки, гдѣ переселенцы уже поселились три года. Въ одномъ изъ такихъ поселковъ люди все еще жили въ землянкахъ, полныхъ сырости. Зайдя въ одну изъ такихъ землянокъ, онъ нашелъ больную бабу и дѣтей въ рубищахъ. Изъ разсказовъ нѣсколькихъ домохозяевъ видно было, что они не особенно довольны „самарой“; жаловались, что не могутъ никакъ сбиться съ постройкой и наладить хозяйство; жаловались, что земля не важная, что лѣсъ и вода далеко; вообще положеніе этихъ піонеровъ производило тяжелое впечатлѣніе.

Ко всѣмъ этимъ неурядицамъ слѣдуетъ еще прибавить и жалобы на то, что вновь назначенные въ Алтайскомъ горномъ округѣ для заселенія участки не особенно удобны для земледѣлія. Расположенные въ горахъ и пригодные для ско-

товодства, они пугаютъ обитателей равнинъ, и переселенцы избѣгаютъ этихъ мѣстъ, предпочитая устроиваться на болѣе ровныхъ мѣстахъ, хотя бы и при относительной тѣснотѣ. Объ отводѣ „вольныхъ земель“ на Амурѣ и около Владивостока идутъ отъ возвращающихся переселенцевъ еще болѣе безотрадные слухи; мѣста, указываемыя чиновниками, завѣдующими переселенческимъ дѣломъ, оказываются никуда негодными, и нерѣдко амурскіе переселенцы, послѣ долгихъ мытарствъ, возвращаются въ конецъ обнищавшими назадъ, горько сѣтуя, что ихъ обманули землями, и жалуясь на равнодушіе амурскихъ переселенческихъ агентовъ.

VII.

Даже и изъ этихъ неполныхъ и отрывочныхъ замѣчаній не трудно вывести заключеніе о безотрадномъ положеніи переселенческаго дѣла въ настоящемъ его видѣ. Между тѣмъ, дѣло это, помимо простой человѣческой справедливости, требуетъ самаго серьезнаго вниманія. Вѣдь, бѣгутъ отъ вопіющей нужды, вслѣдствіе малоземелья, тысячи человѣкъ, бѣжало бы и больше, если бы были средства для дороги. Необходима серьезная помощь со стороны государства, не желающаго плодить нищету и разводить разныя „дѣла“, доставляя безцѣльныя занятія производителямъ этихъ „дѣлъ“, наполняя тюрьмы за воровство и прибѣгая къ традиціонной поркѣ для полученія недоимокъ, получить которыя, очевидно, невозможно. Необходимо болѣе правильное и, главное, болѣе просвѣщенное урегулированіе крестьянскихъ переселеній, причемъ выборъ людей, посылаемыхъ для наблюденія за ними, долженъ быть очень тщателенъ. Вѣдь, отъ этихъ людей зависитъ нерѣдко буквально участь людей! Боже сохрани, разумѣется, чтобы переселенческое дѣло попало въ руки чиновниковъ, то-есть, чтобы разселенія происходили по ихъ указанію. Прежніе опыты принудительной колонизаціи (особенно при заселеніи Амура), кажется, убѣдили, къ какимъ нелѣпостямъ и бѣдамъ ведетъ подобная колонизація. Надо, конечно, предоставить полную свободу самимъ переселенцамъ селиться, гдѣ они хотятъ, выбирать мѣста, какія они знаютъ (лучше самихъ заинтересованныхъ никто не распорядится), но необходимо заранѣе давать вѣрныя свѣдѣнія о свободныхъ

земляхъ, объ условіяхъ пользованія ими и т. п. и сообщать ихъ въ земства. Вообще не мѣшало бы желающимъ переселиться дать возможность хотя нѣсколько познакомиться съ тѣмъ, что ожидаетъ ихъ впереди: со стоимостью пути, съ расходами по перечисленію,—словомъ, съ тѣми нехитрыми свѣдѣніями, знаніе которыхъ значительно облегчитъ движеніе переселенцевъ. Въ то же время, необходимо устроить на всѣхъ важныхъ пунктахъ переселенческія станціи, гдѣ бы переселенцы могли найти хотя какой-нибудь призоръ и, что главнѣе всего, серьезно помочь нуждающимся переселенцамъ при уходѣ изъ дома и при устройствѣ на новыхъ мѣстахъ. Такая помощь, хотя бы въ видѣ займа, съ раскладкою на нѣсколько лѣтъ, конечно, не ляжетъ бременемъ на государство, если бы даже и потребовала значительныхъ суммъ, такъ какъ подобный расходъ дѣйствительно производительный. Если бы для нашихъ переселенцевъ, гонимыхъ нуждой во всѣхъ ея видахъ, была сдѣлана хотя десятая доля того, что дѣлало правительство для нѣмецкихъ колонистовъ при заселеніи нашихъ южныхъ окраинъ, то не было бы этихъ раздирающихъ душу картинъ, которыя можно видѣть на пристаняхъ, въ городахъ, по сибирскимъ дорогамъ, и не было бы всѣхъ тѣхъ затрудненій, которыя испытываютъ переселенцы при устройствѣ.

То, что сдѣлано въ послѣднее время для облегченія переселенцевъ, представляется робкою попыткой, имѣющей характеръ филантропической мѣры, причемъ эта филантропія проявляется въ очень умѣренныхъ дозахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, черезъ которыя направляется переселенческое движеніе, есть чиновники, на обязанности которыхъ лежитъ учетъ переселенцевъ, содѣйствіе имъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказаніе денежной помощи, но деньги, отпускаемыя на этотъ предметъ, такъ ничтожны, что помощь эта или, вѣрнѣе, милостыня (въ большинствѣ случаевъ заимообразная), оказываемая самой вопіющей переселенческой нищетѣ, конечно, не приноситъ переселенцамъ существенной пользы.

Я не знаю, какова дѣятельность, напримѣръ, тюменской переселенческой станціи, гдѣ находится чиновникъ, наблюдающій за переселеніемъ,—знаю только, что до настоящаго времени въ этомъ весьма сложномъ перевалочномъ пунктѣ переселенческаго движенія не устроено даже какого-нибудь барака, и въ этомъ городѣ возможны были возмутительныя

сцены безпризорности людей, подобныя сценамъ, описаннымъ выше; но дѣятельность томской переселенческой станціи, гдѣ съ лѣта 1884 года находится чиновникъ, командированный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ для завѣдыванія переселенческимъ дѣломъ, заключается въ слѣдующемъ. Съ лѣта 1885 года, вблизи пароходной пристани, въ пяти верстахъ отъ города, устроены два барака съ большимъ огороженнымъ пространствомъ для размѣщенія телѣгъ и лошадей. Бараки, правда, небольшіе и при скопленіи большихъ партій далеко не вмѣщающіе всѣхъ пристающихъ, но переселенцы, разумѣется, рады и такому сюрпризу, находя пристанище и избавляясь отъ платы за квартиры въ городѣ, гдѣ имъ приходится останавливаться, иногда на цѣлую недѣлю, для закупки лошадей и телѣгъ, чтобы слѣдовать далѣе. При баракахъ въ теченіе всего лѣта находились докторъ и фельдшеръ, осматривавшіе каждую партію по ихъ прибытіи и подававшіе заболѣвшимъ медицинскую помощь [1]). Больные, преимущественно дѣти, помѣщаются вмѣстѣ съ здоровыми, но для заразныхъ больныхъ при баракахъ есть отдѣльное помѣщеніе на 18 человѣкъ. Затѣмъ, денежныя пособія, выданныя изъ суммъ, находившихся въ распоряженіи завѣдывающаго переселенческимъ дѣломъ чиновника, представляются въ такомъ микроскопическомъ размѣрѣ.

Изъ числа 5,589 человѣкъ переселенцевъ [2]) (въ томъ числѣ

---

[1]) По словамъ врача, пользовавшаго переселенцевъ, большая часть взрослыхъ больныхъ страдала болѣзнями отъ дурного питанія. Серьезное лѣченіе больныхъ, разумѣется, было невозможно; переселенцы торопились ѣхать и даже тяжко больные не оставались, не желая отбиваться отъ партій.

[2]) Приводимъ любопытную и характерную таблицу, показывающую, изъ какихъ губерній шли переселенцы въ нынѣшнемъ году.

1)	Изъ	Тамбовской . . .	1303	человѣка	и	11	ходоковъ	отъ	65 семей.
2)	„	Курской.	956	„		20	„	„	67 „
3)	„	Вятской.	566	„		38	„	„	55 „
4)	„	Пермской	551	„		38	„	„	124 „
5)	„	Орловской. . . .	413	„		13	„	„	17 „
6)	„	Обл. В. Донскаго.	296	„		—	„	„	— „
7)	„	Пензенской . . .	173	„		3	„	„	3 „
8)	„	Черниговской . . .	169	„		8	„	„	10 „
9)	„	Томской.	123	„		2	„	„	2 „
10)	„	Воронежской. . .	107	„		2	„	„	2 „
11)	„	Тобольской . . .	93	„		—	„	„	— „
12)	„	Рязанской	90	„		5	„	„	5 „
13)	„	Самарской. . . .	87	„		2	„	„	7 „
14)	„	Полтавской . . .	79	„		3	„	„	8 „
15)	„	Вологодской. . .	66	„		2	„	„	2 „

149 ходоковъ), составляющихъ 992 семьи, получили пособіе: заимообразно 111 семей—1,280 рублей и безвозвратно 72 семьи—280 руб., а всего 183 семьи получили 1,560 руб., что среднимъ числомъ составитъ 8 руб. 53 коп. на семью.

О дѣятельности лицъ, завѣдующихъ переселенческимъ дѣломъ въ Сибири на мѣстахъ разселенія, точныхъ свѣдѣній я не имѣю. Знаю только, что при горномъ управленіи Алтайскаго округа находится отдѣльное управленіе земельною частью съ нѣсколькими чиновниками. Сколько слышно, дѣятельность ихъ во многомъ парализуется горнымъ управленіемъ, и хаотическое состояніе „временнаго“ земельнаго устройства на Алтаѣ, разумѣется, не можетъ быть поставлено имъ на счетъ. Но „тѣснота“, напримѣръ, въ Бійскомъ округѣ, происходящія вслѣдствіе того столкновенія старожиловъ съ новоселами и, наконецъ, не всегда удачный выборъ участковъ, предназначенныхъ къ заселенію,—все это прямо касается ихъ. Насколько свѣдущи гг. чиновники въ сельскомъ хозяйствѣ и насколько знакомы съ мѣстными условіями того края, въ которомъ они должны „содѣйствовать“ переселенцамъ, сказать не могу, но, судя по свѣдѣніямъ о „мѣстныхъ условіяхъ“, сообщаемымъ ими въ имѣющемся у меня въ рукахъ напечатанномъ *Спискѣ вновь образованнымъ селеніямъ и свободнымъ участкамъ, предназначеннымъ къ заселенію въ горномъ Алтайскомъ округѣ*,—спискѣ, подписанномъ г. начальникомъ округа, компетентность составителей *Списка* въ сельско-хозяйственныхъ описаніяхъ очень слаба. *Описанія* участковъ не даютъ

16)	Изъ Казанской. . . .	63	человѣка и	1	ходокъ	отъ	1	семьи.
17)	„ Радомской. . . .	58	„	—	„	„		„
18)	„ Нижегородской. .	36	„	—	„	„	—	„
19)	„ Уфимской	28	„		„	„	—	„
20)	„ Костромской. . .	27	„	—	„	„	—	„
21)	„ Калужской. . . .	25	„	—	„	„	—	„
22)	„ Екатеринославской	24	„	—	„	„	—	„
23)	„ Владимірской. . .	24	„	—	„	„	—	„
24)	„ Харьковской. . .	18	„	—	„	„	—	„
25)	„ Тульской . .	15	„	1	„	„	3	„
26)	„ Смоленской . . .	11	„	—	„	„	—	„
27)	„ Астраханской . .	10	„	—	„	„	—	„
28)	„ Кѣлецкой	10	„	—	„	„	—	„
29)	„ Ковенской. . . .	7	„	—	„	„	—	„
30)	„ Енисейской . . .	5	„	—	„	„	—	„
31)	„ Симбирской . . .	3	„	—	„	„	—	„
32)	„ Оренбургской. . .	2	„	—	„	„	—	„
33)	„ Тверской	2	„	—	„	„	—	„

Итого 5,440 человѣкъ и 149 ходоковъ отъ 871 семьи.

даже и приблизительнаго представленія о томъ, что найдетъ переселенецъ, лаконичны до смѣшного и сильно отзываются канцелярскою отпиской [1]).

Эта язва „канцелярщины“, безъ толку причиняющая людямъ немало страданій, особенно, какъ слышно, свирѣпствуетъ на Амурѣ. На „неудовлетворительность“ тамошнихъ переселенческихъ порядковъ жалуются возвращающіеся переселенцы и указываетъ мѣстная печать. По признанію одного лица, близко стоявшаго къ амурскому переселенческому управленію, существующему, кстати замѣтить, уже нѣсколько лѣтъ, „во все время существованія управленія въ его составѣ *не было ни одного лица, знакомаго съ агрономіей*, такъ что вся дѣятельность управленія сводилась къ канцелярской перепискѣ и ко всякаго рода „бумажной дѣятельности“ [1]).

Но какъ ни затрудняютъ переселенцевъ лица, обязанныя имъ содѣйствовать, какимъ испытаніямъ ни подвергаются переселенцы въ пути и какихъ только мытарствъ ни предстоитъ имъ на новыхъ земляхъ, но дома такъ сильно „утѣсненіе“, что партія за партіей идутъ въ далекія страны, идутъ, часто Христовымъ именемъ, эти искатели новаго счастія, старающіеся разрѣшить трудную проблему: гдѣ же, наконецъ, хорошо жить русскому человѣку?

---

[1]) Списываю для образца нѣкоторыя изъ этихъ *описаній*, очевидно, назначенныхъ для руководства переселенцевъ, во всей ихъ прелестной неприкосновенности. Эти „описанія“ помѣщены противъ названія каждаго участка, въ графѣ, подъ такой рубрикой: „Направленіе отъ г. Барнаула до поименованныхъ участковъ и селеній и *мѣстныя условія*“ (при этомъ въ *Спискѣ* не упомянуто количество земли, а помѣщено только число „душъ“, которымъ можно поселиться).

„Названія:

„1) Деревня Вознесенская.—*Мѣстность ровная, степная.*

„2) Деревня Дубровина.—*Мѣстность ровная, степная.*

„3) Деревня Березовка.—*Мѣсто каменистое, гористое, для хлѣбопашества имѣются черноземныя мѣста.*

„4) Малышевъ-Логъ.—*Мѣстность ровная, степная, сосновый лѣсъ въ 1 верстѣ. Церковь въ 50 верстахъ.*

„5) Участокъ по р. Средней Терсти.—О „мѣстныхъ условіяхъ“ ни слова.

„6) Деревня Воскресенская.—*Мѣсто холмистое.*

„7) Участокъ по рѣчкамъ Ничерепу, Карагумышу и Березовой.—*Лѣсъ мѣшанный въ 3 верстахъ; мѣстность ровная*“.

И все въ такомъ же лаконическомъ родѣ. Видно, гг. чиновникамъ, кромѣ „ровнаго мѣста“, нечѣмъ подѣлиться. Положимъ, ходоки лично осматриваютъ земли, но еслибъ описанія составлялись болѣе толково, ходокамъ, разумѣется, пришлось бы странствовать въ поискахъ за подходящими участками гораздо менѣе, и переселенческія партіи, прибывающія безъ ходоковъ, могли бы лучше ориентироваться при меньшей повѣствовательной скупости „описаній“.

[1]) Газета *Владивостокъ*, № 22. См. замѣтку г. Гребенщикова.

Переселенцы, ѣхавшіе съ нами до Перми, шли изъ разныхъ мѣстъ. Были тутъ и тамбовцы (ихъ больше другихъ), и воронежцы, и куряне, были и вятскіе, двѣ семьи тронулись съ тихаго Дона. На вопросы о причинахъ переселенія—одни и тѣ же стереотипные отвѣты: малоземелье, высокая арендная плата, невозможность справиться съ „поданями". Вятчане шли изъ-за лѣсу, „лѣсомъ утѣсняли". Съ Дона шли не казаки, а приписные,—тѣснили землей и, кромѣ того, соблазнило письмо сродственниковъ: разбогатѣли на „самарѣ" и зовутъ. Большинство переселенцевъ шло на „самару" и немногіе на Амуръ. Народъ все крѣпкій, здоровый, еще не утомленный долгимъ путемъ. Мужчины хотя и выражали сожалѣніе, что пришлось покинуть дѣдовскія могилки (особенно старики жаловались), но вообще относились къ будущему съ надеждой, „только бы добраться до самары", но бабы, по обыкновенію, сомнѣвались, и мнѣ случалось слышать—особенно часто на сибирскомъ пароходѣ—какъ бабы при всякомъ случаѣ путевыхъ затрудненій упрекали мужиковъ. „То ли еще будетъ!"—жалобно вздыхали многія изъ нихъ, подбавляя яду горечи въ сердца мужчинъ, и безъ того сумрачныхъ, если путевые расходы оказывались болѣе предположенныхъ. Вообще, женскій элементъ, сколько я замѣтилъ, съ большимъ недовѣріемъ взиралъ на будущее, рисуя его въ мрачномъ видѣ, и съ большимъ сокрушеніемъ вспоминалъ объ оставленныхъ гнѣздахъ, стараясь, въ противуположность мужикамъ, представить прошлое житье дома въ болѣе розовыхъ краскахъ. Особенно безотрадно вздыхали старухи, не смѣя, однако, очень жаловаться въ присутствіи большаковъ.

Во время пути на пароходѣ изъ Тюмени до Томска мнѣ пришлось быть даже свидѣтелемъ, какъ изъ-за одной бабы чуть было не произошелъ въ одной семьѣ настоящій семейный бунтъ. Семья эта состояла изъ отца съ женой и двухъ сыновей съ женами-молодухами. Направлялись они изъ Мглинскаго уѣзда, Черниг. губ., подъ Бійскъ (куда именно—и сами точно не знали) по вызову земляковъ, переселившихся на „самару" три года тому назадъ. Глава семьи, серьезный, сосредоточенный мужикъ, стѣснявшійся въ дорожныхъ расходахъ и харчившійся крайне скупо, въ разговорѣ какъ-то обронилъ, что запаса у нихъ мало, развѣ что добраться до мѣста, и спрашивалъ: „поможетъ ли казна?" Я замѣтилъ, что при словахъ старика младшая его невѣстка, молодая, пригожая,

бойкая баба, ядовито усмѣхнулась и незамѣтно подтолкнула локтемъ мужа, смирнаго на видъ молодого мужика, съ добрыми большими глазами, однако, ничего не сказала и продолжала слушать вмѣстѣ съ другими главу семьи. Спустя нѣсколько времени, подойдя къ этой семьѣ въ отсутствіе старика, я было спросилъ старшаго сына, доволенъ ли онъ переселеніемъ, какъ вдругъ молодая бабенка заговорила. Она подсмѣивалась надъ дураками, которыхъ „сбиваютъ старики", и съ какою-то порывистостью доказывала, что лучше вернуться, пока еще не поздно. „И безъ того натерпѣлись дорогой, а что еще будетъ—про то Господь знаетъ..." Слова ея, повидимому, находили полное одобреніе въ женскихъ членахъ семьи. Старуха одобрительно покачивала головой, по временамъ пугливо озираясь, старшая невѣстка поддакивала, а оба брата молчали, причемъ старшій взглядывалъ съ такимъ видомъ, словно бы просилъ снисхожденія за глупую бабу.

Молодая баба говорила съ торопливою страстностью долго сдерживаемаго негодованія и во время рѣчи то и дѣло вскидывала на мужа вызывающій взглядъ, какъ будто ожидая отъ него одобренія и поддержки. Ея красивое лицо оживилось; въ темныхъ глазахъ искрился недобрый огонекъ. Но мужъ молчалъ. Видимо смущенный ея рѣчами, онъ все безпокойно поглядывалъ на стоявшую впереди, у дымовой трубы, кучку мужиковъ, среди которой былъ отецъ.

— Ну, будетъ, будетъ тебѣ!—вдругъ мягко остановилъ онъ жену, указывая глазами на подходившаго главу семьи.

Молодуха взглянула на мужа взглядомъ, полнымъ презрѣнія, какъ-то брезгливо повела плечами, однако, тотчасъ же смолкла.

Я отошелъ въ сторону, не переставая наблюдать за этою семьей. Я видѣлъ, какимъ строгимъ, пытливымъ взоромъ обвелъ старикъ младшую невѣстку и сыновей. Молча усѣлся онъ на мѣсто и, нѣсколько спустя, сообщилъ, обращаясь къ старшему сыну, что сибирскій мужикъ сейчасъ разсказывалъ, будто въ Томскомъ навѣрное отъ казны даютъ пособіе.

— Сказывали люди, бытто и въ Тюмени даютъ, а ничего не дали!—вдругъ проговорила насмѣшливымъ тономъ неугомонная баба.

Я ждалъ, что будетъ сцена, что патріархъ немедленно оборветъ эту протестантку. Но старикъ только повелъ на нее глазами и, будто не обращая никакого вниманія на ея слова, продолжалъ:

— И хвалитъ же мѣста! Благодать, говоритъ, Господня, а не мѣста, на самарѣ! Не то, что у насъ.

Всѣ слушали патріарха молча. Старикъ, видно, ждалъ, что хоть старшій сынъ обмолвится сочувственнымъ словомъ, но и онъ не промолвилъ въ отвѣтъ ни звука. Ясно было, что все семейство шло на „самару“ лишь по волѣ большака. Еще суровѣе и подозрительнѣе взглянулъ старикъ на невѣстку и замолчалъ.

Ночью, осторожно проходя среди тѣсныхъ рядовъ спящихъ переселенцевъ, я совершенно неожиданно увидалъ эту самую бабу съ мужемъ, далеко отъ мѣста, занимаемаго ихъ семьей. Оба они стояли у входнаго люка въ каюту второго класса и вели какую-то таинственную бесѣду. Говорила, впрочемъ, больше она. Среди ночной тишины, прерываемой мирнымъ стукомъ пароходной машины, доносился ея тихій голосъ. То нѣжныя до ласки, то гнѣвныя до угрозы ноты низкимъ шепотомъ разносились въ воздухѣ. Временами она возвышала голосъ, и обидная, ѣдкая насмѣшка надъ тряпичностью мужа вылетала изъ ея груди. Изъ обрывковъ долетавшаго разговора я понялъ, что баба уговаривала мужа немедленно вернуться въ Россію, съ ближайшей пристани. Она убѣждала, грозила. Можно потребовать свою часть у „стараго дьявола“. И вслѣдъ за этимъ послышался мягкій, нѣжный шепотъ. Ласковыми словами манила она мужа домой. До моего слуха долетѣли какія-то увѣренія „любить похорошему“.

Вѣроятно, „заговорщики“ замѣтили меня. Разговоръ внезапно оборвался. Обѣ фигуры оставили укромное мѣсто. Захваченныя на открытой части палубы полосой блѣднаго свѣта луны, они, словно тѣни, скрылись въ темнотѣ, за трубой, и я спустился въ каюту.

На утро, проходя мимо черниговцевъ, я понялъ, что въ этой семьѣ произошла крупная семейная ссора. Старуха, старшая невѣстка и оба сына сидѣли смущенные, покорно притихшіе, словно только что наказанныя и чувствующія свою вину дѣти. За то на лицахъ старика и молодухи еще не скрылись слѣды сильной душевной бури. Старикъ былъ сосредоточенно мраченъ и гнѣвенъ, а энергичное лицо молодой женщины дышало вызовомъ и затаенною злобой существа, покореннаго, но не побѣжденнаго грубою силой. Глаза ея были красны отъ слезъ, но вздрагивающія тонкія губы, попрежнему, складывались въ язвительную усмѣшку. Видно

было, что эта баба не изъ покорныхъ, чувствуетъ свою силу и еще задастъ немало задачъ этой семьѣ.

Среди сосѣдей-переселенцевъ шли разговоры о бывшемъ рано утромъ скандалѣ. „Старикъ поучилъ и сыновей, и невѣстку. И по дѣломъ. Вздумали бунтовать. Дѣлиться вдругъ на дорогѣ захотѣли—одинъ срамъ. И все изъ-за этой шельмы-бабы...“

— Мало еще онъ ее, безстыжую, уму-разуму училъ!—задорно разсказывалъ смиренный такой на видъ, мозглявый мужичонка.—Я бы ее, шельму, не такъ выучилъ... Я бы въ кису ей наклалъ, подлой... Не бунтуй...

— О-о-охъ, Господи Іисусе!—вздохнула старушонка.—Виданное ли это дѣло бабѣ да бунтовать?

— То-то и есть. До мѣста не дошли, а она... эко дѣло выдумала... ворочаться назадъ. И мужиковъ молодыхъ смутьянила!..

Переселенцы, бывшіе съ нами на волжскомъ пароходѣ, имѣли самыя смутныя представленія объобѣтованной „самарѣ“. Никто и не подозрѣвалъ о предстоящихъ затрудненіяхъ и мытарствахъ на новыхъ мѣстахъ. У всѣхъ на языкѣ была надежда на вольную землю и на Господа Бога. „Господь не оставитъ!“ Многіе не знали, далеко ли еще ѣхать и гдѣ придется поселиться. О существованіи переселенческихъ чиновниковъ никто не слыхалъ, о переселенческой станціи въ Томскѣ—тоже. О пособіи отъ казны между переселенцами ходилъ смутный говоръ. Нѣкоторые говорили, что, „слышно, даютъ“ желающимъ, и даже цифра опредѣлялась,—отъ двухъ до пяти рублей,—но гдѣ именно получаются деньги и куда обратиться за ними, никто не зналъ.

Возвращавшійся въ Сибирь, послѣ полуторагодовой побывки на родинѣ, смышленый, бывалый бѣлоруссъ, мужикъ лѣтъ подъ пятьдесятъ, съ умнымъ, добрымъ лицомъ, державшій себя съ чувствомъ собственнаго достоинства и съ тою независимостью, которая составляетъ отличительную черту сибирскаго мужика, не знавшаго крѣпостнаго права, сомнѣвался насчетъ выдачи пособія. По его мнѣнію, едва ли казна станетъ выдавать, а если и въ самомъ дѣлѣ выдаетъ, то „чиновники“ попридержатъ. Вообще о сибирскихъ чиновникахъ онъ былъ крайне невысокаго мнѣнія и не безъ юмора разсказывалъ разныя исторіи спеціально сибирскаго характера собравшемуся вокругъ него кружку переселенцевъ.

Этотъ бѣлоруссъ прожилъ лѣтъ двадцать въ Сибири, въ Тобольской губерніи. Онъ изъ поселенцевъ, но недавно получилъ право выѣзда въ Россію. Ѣздилъ онъ на родину вмѣстѣ съ женой, чтобы привести къ себѣ старушку-мать. Заработавъ на возвратный путь, онъ возвращался теперь снова въ Тобольскую губернію, гдѣ живетъ въ деревнѣ среди коренныхъ сибиряковъ. Жить въ Сибири, по его словамъ, можно, насчетъ земли и лѣса вольно, но за то тѣснитъ начальство. „Ты съ нимъ держи ухо востро—всѣ деньги вымотаетъ, если есть!“ И коренной сибирякъ, по его словамъ, не долюбливаетъ пришлаго, особенно поселенца. „Народъ, прямо сказать, грубый! Ну, да и то сказать, и между россейскими не мало разныхъ „жигановъ“ да „баклановъ“... Сибирякъ и боится!“—прибавилъ бѣлоруссъ.

Жадно ловятъ каждое слово о „самарѣ“ переселенцы. И когда, въ первый же вечеръ нашего плаванія, одинъ чахоточный студентъ-сибирякъ, ѣхавшій изъ Москвы лѣчиться на кумысъ, сталъ разсказывать сосѣду своему на палубѣ, переселенцу на Алтай, о тамошнихъ мѣстныхъ условіяхъ, то не прошло и пяти минутъ, какъ вокругъ него собралась толпа, слушавшая въ благоговѣйномъ вниманіи интересную рѣчь студента. Онъ самъ бывалъ на Алтаѣ и вообще интересовался переселенческимъ дѣломъ. Отъ него ѣхавшіе съ нами переселенцы впервые узнали о существованіи переселенческихъ чиновниковъ, о пристанищѣ въ Томскѣ, о выдачѣ пособій, о стоимости дальнѣйшей дороги, о томъ, какъ перечисляться, короче говоря, благодаря студенту, они совершенно *случайно* получили тѣ простыя, но важныя для нихъ свѣдѣнія, которыя хотя нѣсколько облегчатъ безцѣльныя мытарства многихъ десятковъ людей.

Долго не расходились слушатели. Одни смѣнялись другими. Больному, блѣдному, исхудалому разскащику приходилось нѣсколько разъ повторять одно и то же и отвѣчать на разные вопросы. Но онъ, казалось, не зналъ усталости и съ готовностью дѣлился тѣмъ, что зналъ. Уже поздно вечеромъ разошлась послѣдняя аудиторія, поблагодаривъ разскащика съ трогательною простотой и преувеличенною признательностью людей, не привыкшихъ пользоваться подобнымъ вниманіемъ со стороны „господъ“. И надо было видѣть, какъ жалѣли многіе, узнавъ на слѣдующее утро, что этого „добраго господина“ уже нѣтъ на пароходѣ. Онъ вышелъ въ Казани.

VIII.

Проплыть по нашимъ рѣкамъ недѣльку, другую и не пощупать бока другого парохода, не напороться „по нечаянности“ на встрѣчную баржу, не застрять гдѣ-нибудь на шесть, а то и на цѣлыхъ двѣнадцать часовъ по случаю „маленькаго поврежденія“ въ машинѣ,—однимъ словомъ, обойтись безъ приключеній—такая же диковина, какъ испытать ихъ, свершая въ наши дни даже океанскія плаванія.

„Почему?“—спроситъ, быть можетъ, мало путешествовавшій читатель.

Да, главнымъ образомъ, потому, что у насъ именно не вмѣшиваются тамъ, гдѣ слѣдовало бы вмѣшиваться, а, напротивъ, зачастую стараются регулировать то, что не поддается регулированію. Среди нашихъ рѣчныхъ капитановъ вы можете встрѣтить представителей всевозможныхъ профессій, чиновника, юриста, гусара, купца, дьячка [1]) и крайне рѣдко—человѣка, знакомаго съ ремесломъ и умѣющаго найтись въ исключительныхъ обстоятельствахъ, всегда возможныхъ хотя бы и въ плаваніи по рѣкамъ.

Эта безшабашная отвага русскаго человѣка браться, съ легкимъ сердцемъ, за дѣло, о которомъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія, — явленіе слишкомъ извѣстное и часто встрѣчающееся во всѣхъ сферахъ отечественной дѣятельности. Не даромъ же у насъ пошла нынче въ ходъ теорія „здраваго смысла“,—теорія, старающаяся подорвать значеніе спеціальнаго образованія, и если насъ не удивляетъ, что иногда по волѣ Провидѣнія (или ближайшаго начальства) лихой кавалеристъ, вмѣсто того, чтобы культивировать жеребцовъ, культивируетъ юношество, педагогъ улучшаетъ конскую породу, мореплаватель свирѣпствуетъ на сухомъ пути, а какой-нибудь штыкъ-юнкеръ, не изучившій никакого права, кромѣ права давать въ зубы, засѣдаетъ подчасъ въ судѣ,—то отчего же, скажите на милость, дьячку или лабазнику не водить пароходовъ?

На этотъ разъ приключеніе не заставило себя долго ждать.

---

[1]) Въ газетахъ, помнится, сообщали фактъ гибели одного волжскаго парохода, которымъ командовалъ отставной церковнослужитель.

Часа черезъ четыре, по выходѣ изъ Нижняго, среди бѣла дня, на широкомъ и свободномъ отъ мелей плесѣ, гдѣ мѣста было достаточно для прохода десятка пароходовъ въ рядъ и гдѣ, казалось, немыслимо было и подумать о возможности какого-нибудь приключенія,—шедшій не вдалекѣ отъ насъ вверхъ пароходъ ухитрился-таки устроить намъ непріятность именно въ то время, когда ея совсѣмъ не ожидали.

Пьяны ли были на сосѣднемъ пароходѣ, шедшемъ параллельно съ нами, капитанъ и лоцманы, нарочно ли было устроено столкновеніе (говорятъ, это бываетъ)—Богъ вѣсть, но только дѣло въ томъ, что нашъ „Спутникъ“ безъ всякой основательной причины вдругъ сталъ уклоняться отъ своего курса, подаваясь влѣво. Молодой помощникъ капитана, стоявшій на площадкѣ нашего парохода, слишкомъ долго недоумѣвалъ непонятнымъ маневрамъ сосѣда и когда, наконецъ, сообразилъ, что при подобномъ измѣненіи курса столкновеніе неминуемо и приказалъ лоцманамъ взять влѣво, уже было поздно. Носъ сосѣда былъ въ нѣсколькихъ аршинахъ отъ борта нашего парохода и приближался къ намъ. Испуганные пассажиры, бывшіе на кормѣ, не дожидаясь распоряженія растерявшагося помощника (капитанъ спалъ, чтобы бодрствовать ночью), бросились на другую сторону, и вслѣдъ за тѣмъ, среди внезапно наступившей на обоихъ пароходахъ тишины, раздался трескъ удара.

По счастью, на таранившемъ насъ пароходѣ догадались застопорить машину (въ противномъ случаѣ, при ударѣ съ разбѣга, сосѣдъ легко бы могъ прорѣзать намъ бокъ и пустить насъ ко дну), и ударъ, полученный нами, былъ довольно слабый. Вслѣдъ за тѣмъ пароходы разошлись, размѣнявшись, въ лицѣ своихъ представителей, привѣтствіями безъ всякаго соображенія, что на палубѣ находились дамы.

Все дѣло ограничилось поломкой нѣсколькихъ досокъ борта, да испугомъ пассажировъ, особенно тѣхъ, которые во время этого импровизированнаго абордажа находились въ кормовыхъ каютахъ. Внезапно раздавшійся ударъ, сопровождавшійся трескомъ выбитыхъ стеколъ, произвелъ настоящую панику между женщинами и дѣтьми.

Но среди большинства пассажировъ это неожиданное приключеніе не произвело никакой сенсаціи. Пассажиры большею частью были люди мѣстные, хорошо знакомые съ волжскими порядками.

— Это еще слава Богу! Не такіе, можно сказать, карамболи бываютъ!—замѣтилъ пожилой купецъ изъ Елабуги.— А вотъ, прошлымъ лѣтомъ, спускался я внизъ, такъ насъ Господь только спасъ. Чуть было вовсе не утонули.

И онъ разсказалъ подробно „случай“ ночного столкновенія двухъ пароходовъ. Вслѣдъ за нимъ и другіе пассажиры припомнили подходящіе случаи. Оказалось, что почти у каждаго было на памяти болѣе или менѣе подобное приключеніе, когда только „Богъ спасъ“, но при этомъ разскащики рѣдко винили капитановъ, а въ видѣ успокоивающей сентенціи прибавляли, что безъ этого нельзя. Вода—не суша. Въ дорогѣ будь ко всему готовъ.

Тѣмъ временемъ помощникъ капитана, взволнованный происшествіемъ, бывшимъ во время его вахты, соорудивъ актъ, обходилъ пассажировъ съ просьбой подписаться въ качествѣ свидѣтелей. Въ этомъ актѣ, разумѣется, сосѣдъ оказывался виноватымъ, а поведеніе помощника рисовалось въ самомъ лучшемъ видѣ. Онъ не могъ предотвратить столкновенія и оказалъ чудеса энергіи и распорядительности.

Никто и не подумалъ войти въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, насколько былъ виноватъ и нашъ помощникъ, не сообразившій тотчасъ же послѣдствій маневра сосѣда, что сообразилъ бы человѣкъ мало-мальски знакомый съ дѣломъ, и всѣ охотно подписывали актъ, свидѣтельствуя невинность помощника. Онъ такъ трогательно просилъ о подписи, что подмахнули актъ и такіе пассажиры, которые не были очевидцами происшествія, а лжесвидѣтельствовали, такъ сказать, по добродушію, чтобы не обидѣть отказомъ просящаго человѣка.

Этотъ актъ, значительно успокоившій помощника, былъ переданъ въ ближайшемъ городѣ для представленія въ полицейское управленіе.

Когда я полюбопытствовалъ узнать, какое послѣдуетъ движеніе этому „дѣлу“, капитанъ только махнулъ рукой и засмѣялся. Такихъ „дѣлъ“, по его словамъ, на Волгѣ многое множество, тянутся они по долгу и рѣдко доходятъ до суда, оканчиваясь большею частью добровольными соглашеніями. Составляются же эти акты большею частью для очистки себя передъ хозяевами пароходовъ, чтобы не подвергнуться вычету изъ жалованія за поломки или не быть уволеннымъ со службы.

— Хозяева у насъ—купцы, народъ, знаете ли, прижимистый и необразованный... Войдетъ ему въ голову, онъ и сгонитъ съ мѣста... Надо умѣть съ ними ладить... Другой разъ и безъ всякаго резона штрафъ наложитъ.

Вѣроятно, въ силу этой безобразной нелѣпицы отношеній, характеризующей отечественные нравы, и на сосѣднемъ пароходѣ составили актъ, обвиняющій въ столкновеніи нашъ пароходъ. Такимъ образомъ кончаются всевозможныя приключенія и за нихъ рѣдко когда привлекаются къ отвѣтственности капитаны и помощники. Развѣ ужь когда случится происшествіе слишкомъ кричащее.

Если вѣрить тому, что пишутъ въ послѣднее время о провинціи нѣкоторыя изъ нашихъ газетъ, то чѣмъ болѣе отъ столицъ, чѣмъ далѣе отъ центровъ умственной жизни, тѣмъ обыватель бодрѣе, веселѣе, менѣе подверженъ вліянію „либеральнаго миража“ и за послѣдніе годы совсѣмъ, такъ сказать, „ожилъ“: глядитъ впередъ „безъ страха и боязни“ и только ждетъ не дождется, когда, наконецъ, будетъ упраздненъ „ненавистный“ для него гласный судъ съ присяжными, уничтожено земство и взамѣнъ этого будутъ возстановлены дореформенные порядки съ предоставленіемъ дворянству первенствующей роли. Судя по этой „схемѣ блаженства“, настоящая Аркадія, гдѣ люди не живутъ, а, можно сказать, наслаждаются,—Сибирь. Власть тамъ сильная и грозная, не стѣсняемая препонами, исправникъ въ какомъ-нибудь захолустьѣ въ своемъ родѣ Гарунъ-аль-Рашидъ, могущій при желаніи безпрепятственно водворить миръ и благосостояніе, земства нѣтъ, суда присяжныхъ нѣтъ, мировыхъ судей нѣтъ, журналовъ нѣтъ, общественнаго мнѣнія нѣтъ,—чего еще, кажется, желать для людского счастья по доктринѣ нѣкоторыхъ публицистовъ?

Увы! на „провинцію“ клевещутъ. Она далеко не такъ бодра и весела, какъ о ней разсказываютъ, судя, по крайней мѣрѣ, по тѣмъ представителямъ „провинціи“, съ которыми мнѣ приходилось бесѣдовать. Хотя спеціально разговоровъ о внутренней политикѣ на пароходѣ и не вели (слава Богу, не малолѣтки), каждый говорилъ о своихъ мѣстныхъ дѣлахъ и дѣлишкахъ, но въ этихъ толкахъ не проскальзывало ни малѣйшаго желанія одобрить идеалъ аракчеевскаго общежитія.

Новые суды считали счастьемъ, земскія учрежденія, при всѣхъ недостаткахъ, все же лучше старыхъ порядковъ и, вспоминая эти старые порядки, вовсе не желали возвращенія ихъ... Словомъ, сибирской Аркадіи не завидовали, а спутники на сибирскомъ пароходѣ не только не хвалились Аркадіей, а пугали разсказами о тѣхъ ужасахъ, которые творятся въ странѣ, представляющей собой до нѣкоторой степени приближеніе къ идеалу современныхъ аракчеевцевъ.

И бодрости, и веселья что-то не примѣтилъ я, хотя представителей „провинціи“ было не мало въ числѣ нашихъ спутниковъ.

Въ бесѣдахъ проскальзывала нотка недовольства. Правда, часто недовольство это формулировалось въ крайне примитивной формѣ („жить стало хуже“), но смѣю увѣрить читателя, что изъ этихъ бесѣдъ никакъ нельзя было вывести заключенія, что жить стало хуже оттого, что земство и суды „вносятъ развратъ“.

— И проходимецъ какой-то пошелъ у насъ нынѣче въ ходъ, батюшка! — разсказывалъ одинъ старикъ, мировой судья.—И ходитъ-то онъ гоголемъ... Прежде еще стыдился немного... Бывало, всѣ въ клубѣ знали, что цѣна этому проходимцу—грошъ и что за два двугривенныхъ онъ родителей слопаетъ, а нынѣче, смотришь, онъ еще ораторствуетъ, при случаѣ, на счетъ всякихъ основъ... о благородствѣ чувствъ распинается... Да вотъ, недалеко ходить за примѣрами... Былъ у насъ въ уѣздѣ одинъ такой человѣкъ... За воровство, за доносы и всякія беззаконія былъ онъ выгнанъ изъ службы и жилъ себѣ, притаившись, какъ паршивая собака... Мы, провинціалы, не брезгливый народъ, а и то брезгали этимъ субъектомъ... Онъ даже въ обществѣ не смѣлъ показываться... А теперь,—какъ бы вы думали?—проповѣдуетъ „сильную власть“ въ качествѣ станового... Сколько накостей понадѣлалъ въ уѣздѣ — просто бѣда! Чуть что, сейчасъ въ государственной измѣнѣ обвинитъ... Поди, доказывай, что вретъ.

— Тоже и у насъ попадаются-таки человѣчки,—сказалъ въ свою очередь купецъ изъ Елабуги.

— Ну, и у насъ на этотъ счетъ нельзя пожаловаться!—замѣтилъ екатеринбургскій обыватель.

И пошли все тѣ же, давно набившіе оскомину, разсказы о разныхъ, болѣе или менѣе возмутительныхъ случаяхъ наси-

лія, вымогательства, халатности, причемъ все это разсказывалось, въ большинствѣ случаевъ, съ тою примѣсью спеціально-русскаго добродушія, которое считается одною изъ нашихъ добродѣтелей. На первомъ планѣ стояла, такъ сказать, фабула. Разскащика не столько возмущало, что человѣкъ безъ всякой нужды тѣснитъ другого, сколько интересовалъ самый процессъ прижимки. И если при этомъ „герой“ пакости отличается смѣлостью и находчивостью, то въ разсказахъ даже проскакивала нотка нѣкотораго восхищенія, какъ это онъ ловко утѣснилъ одного, ограбилъ другого, провелъ третьяго... Въ такихъ пріятныхъ воспоминаніяхъ коротали пассажиры второго класса свое время. Винта, къ удивленію, не было.

А пароходъ шелъ, да шелъ. На другой день мы уже вошли въ Каму съ ея обрывистыми берегами. На Камѣ плаваніе представляло менѣе шансовъ для приключенія. Пароходы и барки встрѣчались рѣже и, слѣдовательно, оставались только мели; но, по случаю половодья, и эта опасность не представлялась возможною. Пассажировъ все прибавлялось, преимущественно палубныхъ пассажировъ, хотя и безъ того палуба была набита биткомъ. Интересно было наблюдать, какъ пароходное начальство торгуется съ пассажирами. На одной изъ пристаней стояла артель. Это были вятскіе мужики, сплавившіе гонки сверху и возвращающіеся теперь назадъ. Одинъ изъ нихъ выступилъ впередъ и спросилъ о цѣнѣ.

— Три рубля съ человѣка,—отвѣтилъ съ искусственною небрежностью помощникъ капитана, нарочно дѣлая видъ, что нисколько не интересуется этими пассажирами и искоса поглядывая на артель въ 20 человѣкъ.

— По рублику съ человѣка взяли бы, ваша милость!

Помощникъ капитана презрительно фыркаетъ и нарочно даетъ первый свистокъ, думая, вѣроятно, этимъ маневромъ подѣйствовать на мужиковъ. Въ артели происходитъ совѣщаніе.

— Рубль съ четвертакомъ возьмешь?

Помощникъ капитана не отвѣчаетъ и черезъ минуту даетъ второй свистокъ.

Въ артели легкое волненіе. Снова совѣщаются.

— Такъ и быть, по полтора дадимъ.

— И по два съ полтиной дадите,—замѣчаетъ съ усмѣшкой помощникъ капитана и прибавляетъ:—вы, ребята, смотрите скорѣй, сейчасъ отвалъ, васъ ждать не будемъ.

И съ этими словами онъ снова подходитъ къ свистку, бросая, однако, зоркій взглядъ на мужиковъ.

Снова совѣщаніе. Повидимому, тамъ рѣшено не отступать.

— Больше не дадимъ,—замѣчаетъ артель.—Дождемся другого парохода.

Раздается третій свистокъ. Артель отходитъ въ сторону.

— Ну, ужъ Богъ съ вами, ступай брать билеты.

Артель идетъ на пароходъ, который еще стоитъ на пристани минутъ 10 послѣ третьяго свистка. Эти свистки были не болѣе, какъ маневръ, часто практикуемый на волжскихъ пароходахъ.

Приключеній больше никакихъ не было, если не считать за приключенія двѣ-три остановки по случаю поломки машины и долгую остановку на одной изъ пристаней, вслѣдствіе полученной телеграммы перевести буфетъ съ нашего парохода на встрѣчный пароходъ того же хозяина, а буфетъ съ того же парохода—на нашъ. Благодаря такому распоряженію, два парохода совершенно напрасно простояли у пристани три часа, пока происходила переноска буфета, и въ этотъ вечерній часъ, когда обыкновенно всѣ пьютъ чай, нельзя было добиться кипятку и чего-нибудь съѣдобнаго.

На четвертый день пароходъ пришелъ въ Пермь, вмѣсто ранняго утра, въ первомъ часу дня, но это, впрочемъ, не смутило пассажировъ, слѣдующихъ далѣе, такъ какъ пассажирскій поѣздъ изъ Перми выходитъ по вечерамъ. Оставаться же цѣлый день въ этой бывшей столицѣ золотопромышленниковъ, горныхъ инженеровъ дореформеннаго времени, гдѣ прежде было сосредоточено управленіе заводами и гдѣ теперь царствуетъ мерзость запустѣнія, съ пустыми барскими хоромами, въ видѣ памятниковъ прежняго величія, не было никакой нужды.

Заглянувъ въ этотъ мертвый городъ и не встрѣтивъ въ немъ въ пятомъ часу дня буквально ни души, мы вернулись на вокзалъ и въ семь часовъ вечера поѣздъ отошелъ въ Екатеринбургъ. Изъ оконъ вагоновъ мы видѣли далекую синеву Уральскихъ горъ, передъ нами мелькали знаменитые когда-то заводы, гремѣвшіе въ старое время баснословными пирами и баснословными беззаконіями управителей, и незамѣтно перевалили хребетъ, очутившись географически въ Азіи. Я говорю „географически“ потому, что близость Азіи и азіатскихъ нравовъ начала сказываться гораздо раньше географической границы.

Къ вечеру мы были въ Екатеринбургѣ. Тутъ уже прекращаются всякія цивилизованные пути сообщенія, и намъ предстояло сдѣлать триста верстъ по знаменитому, такъ называемому пермскому тракту.

IX.

Эту „прелестную“, по словамъ петербургскихъ сибиряковъ, дорогу забыть невозможно. Казалось, что трудно себѣ представить худшія дороги на свѣтѣ, но болѣе насъ опытные путешественники разсказывали потомъ, что есть дороги и хуже пермскаго тракта; это — такъ называемый иркутскій трактъ между Томскомъ и Иркутскомъ.

Изъ Екатеринбурга мы выѣхали цѣлою компаніей. Къ намъ присоединился еще одинъ спутникъ, ѣхавшій съ своимъ многочисленнымъ семействомъ изъ Петербурга на Амуръ. Съ нимъ мы познакомились еще на пароходѣ.

Это былъ крайне милый и обязательный человѣкъ, оказавшій намъ не мало услугъ въ путешествіи и познакомившій насъ заранѣе со многими особенностями сибирской жизни. Хотя самъ онъ былъ сибирякъ, но не изъ тѣхъ, которые во что бы то ни стало нахваливаютъ свое болото. Онъ проучительствовалъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, бросивши любимое имъ дѣло по причинамъ, отъ него не зависящимъ, и ѣхалъ теперь въ качествѣ техника въ амурскую тайгу на пріискъ. Ѣхалъ онъ скрѣпя сердце и только потому, что надѣялся, что на пріискѣ, куда онъ былъ приглашенъ, управляющій относительно порядочный человѣкъ и, слѣдовательно, ему не придется быть свидѣтелемъ тѣхъ классическихъ безобразій, которыя вообще творятся на пріискахъ. А что тамъ творится, про то онъ зналъ, такъ какъ раньше имѣлъ случай служить на одномъ изъ пріисковъ. Творится, въ самомъ дѣлѣ, нѣчто невѣроятное: эксплуатація людей доходитъ до послѣдняго предѣла. Управители,—въ большинствѣ изъ прикащиковъ, люди безъ всякаго образованія, — безконтрольные вершители судьбы человѣческой. Грабежъ феноменальный. Произволъ возмутительный. Личность человѣка такъ же мало цѣнится, какъ въ какомъ-нибудь негритянскомъ государствѣ. Неудивительно, что и пріисковые рабочіе, на половину изъ бѣглыхъ или безпаспортные, пользуются отчаянною репутаціей по всей Сибири и развращаютъ ближайшія къ пріискамъ

селенія. По словамъ знающихъ это дѣло людей, въ такихъ селеніяхъ трудно встрѣтить дѣвочку тринадцати лѣтъ уже не развращенною...

Правительственный контроль и полицейская власть на пріискахъ представляются горными исправниками. Жалованья они получаютъ рублей четыреста въ годъ и съ пріисковъ *маленькое* дополненіе въ видѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ. Понятно, что эти господа, набранные съ борка да съ сосенки, часто люди едва грамотные, съ нравственностью болѣе чѣмъ сомнительною, держатъ всегда сторону хозяевъ и въ случаѣ какихъ-нибудь недоразумѣній между рабочими и пріисковою администраціей рѣшаютъ ихъ обычнымъ сибирскимъ средствомъ—нещадною поркой...

— Есть такіе горные исправники, что по нѣскольку лѣтъ сами находятся подъ слѣдствіемъ,—разсказывалъ мнѣ, между прочимъ, мой спутникъ сибирякъ. — Я зналъ одного такого. Благодаря его истязаніямъ, двое рабочихъ умерли... Кажется, онъ и до сихъ поръ благополучно исправникомъ... Денегъ у него много... Слѣдствіе можно тянуть безъ конца... Это въ Сибири — обыкновенная исторія. А жаловаться некому... Да и къ кому пойдетъ жаловаться какой-нибудь бродяга?

Нашъ спутникъ еще въ Екатеринбургѣ училъ насъ, какъ надо прессоваться въ тарантасахъ, которые мы достали въ конторѣ г. Михайлова, заплативъ по двѣнадцати рублей за проѣздъ.

Въ 1 часу дня нашъ караванъ двинулся. Съ первой же станціи пошла убійственная дорога: или выбоина, или непролазная грязь въ видѣ мѣсива, по которому лошади ступали шагомъ, и наши колымаги ныряли словно въ волнахъ. Въ тарантасахъ ночью температура была африканская, а въ телѣгахъ холодъ убійственный. Гдѣ было лучше — въ тарантасахъ или телѣгахъ—рѣшить трудно. Въ тарантасахъ — были цѣлы бока, а у насъ хотя бока были избиты, но мы, по крайней мѣрѣ, знали, гдѣ мы и что мы, и въ бесѣдѣ съ ямщиками коротали время дороги.

Теперь, въ виду скораго окончанія желѣзной дороги отъ Екатеринбурга до Тюмени, трактъ закрывается и, разумѣется, содержится еще хуже прежняго. И станціи, и лошади, и экипажи—безобразны. Есть, конечно, нѣсколько хорошихъ лошадей для проѣздовъ „особъ“; но къ услугамъ обыкновенныхъ проѣзжающихъ лошади скверныя. Разгонъ на этомъ трактѣ огромный.

Ужъ я не знаю, къ счастію или къ несчастію, но намъ на станціяхъ давали, вмѣсто лошадей, отчаянныхъ клячъ, которыя покорно выносятъ удары кнута, пускаясь въ отвагѣ отчаянія вскачь, и если ихъ не хлещутъ, то плетутся шажкомъ, опустивъ свои головы. И гнать-то ихъ было совѣстно, тѣмъ болѣе, что по этой адской дорогѣ мало-мальски скорая ѣзда заставляла со страхомъ смотрѣть на тарантасъ и опасаться, доѣдутъ ли они, или не доѣдутъ; ну, и за внутренности было страшно. И мы плелись все время шагомъ.

И ямщики намъ попадались все какіе-то убогіе—то слишкомъ ветхіе, то, напротивъ, совсѣмъ ребята. На одной изъ станцій намъ даже предложили въ ямщики къ переднему Ноеву ковчегу, гдѣ помѣщалось семейство сибиряка, мальченку лѣтъ десяти, который утѣшалъ испугавшихся былодамъ Ноева ковчега, что ему не впервой возить. Намъ давали клячъ и малолѣтокъ вмѣсто ямщиковъ потому, что впереди насъ ѣхалъ генералъ-губернаторъ и для него, разумѣется, были оставлены самыя лучшія лошади и самыя представительные ямщики.

Уже на второй день нашего путешествія намъ стали попадаться на встрѣчу одинокіе путники, пробиравшіеся по зеленѣющему лѣсу съ котомками на плечахъ.

— Ишь, по кормовыя пошелъ,—замѣтилъ старикъ ямщикъ, указывая кнутомъ въ сторону.

Я не понималъ, что онъ хотѣлъ сказать, и спросилъ объясненія. Оказалось, что такъ подсмѣиваются надъ бѣглыми, намекая этимъ, что они будутъ пойманы и снова возвратятся въ Сибирь, но уже по этапу, получая кормовыя деньги.

— А много здѣсь ходитъ бѣглыхъ?

— Цѣлыми косяками иной разъ ходятъ, да только ловятъ ихъ часто, — отвѣчалъ ямщикъ. — Какъ весна, смотришь, и выходитъ онъ, какъ звѣрь, изъ норы. По веснѣ каждую тварь къ волѣ тянетъ...

Погода стояла дождливая и холодная. Май мѣсяцъ глядѣлъ сентябремъ. Мы ѣхали день и ночь, боясь опоздать къ тюменскому пароходу и напуганные разсказами о томъ, что по дорогамъ пошаливаютъ, и поэтому по ночамъ старались не спать.

Наступила вторая ночь—темная, дождливая сибирская ночь. Тихо плелись мы по грязи, среди гудящаго лѣса. И ямщики, и сѣдоки въ тарантасахъ дремали. Лошади лѣниво, еле-еле

ступали по вязкой грязи. На встрѣчу изрѣдка попадались длинные обозы. Это везли кяхтинскій чай къ нижегородской ярмаркѣ. Наконецъ, занялась заря и мракъ ночи разсѣялся. Мы начали дремать.

Вдругъ наша тройка пугливо шарахнулась въ сторону и ямщикъ остановилъ лошадей, крикнувъ переднимъ ямщикамъ остановиться.

Мы вышли изъ телѣги и со спутникомъ подошли къ ямщикамъ.

У самаго края дороги лежала фигура человѣка, покрытаго зипуномъ.

Ямщики молча потрогивали его кнутовищами и тихо покачивали головами.

— Должно мертвый!—проговорилъ одинъ изъ нихъ.

Никто не рѣшался удостовѣриться въ этомъ. Всѣ какъ-то брезгливо сторонились отъ лежавшаго человѣка.

Мы со спутникомъ отдернули зипунъ и при слабомъ свѣтѣ разсвѣта увидали безжизненное лицо стараго мертвеца. У виска, около шапки, видна была запекшаяся кровь. Тѣло его хотя и было холодно, но еще не окостенѣло. По всему видно, что смерть произошла недавно. Мы снова накрыли его и молча разошлись.

— Смотри, на станціи не болтай,—проговорилъ одинъ изъ ямщиковъ, обращаясь къ другимъ.

Кто былъ этотъ старикъ, брошенный у дороги — бродяга ли, мирный ли крестьянинъ, убитый кѣмъ-нибудь, кто знаетъ?

— Должно быть, жиганъ, — сказалъ намъ ямщикъ, садясь на облучекъ,—вѣрно обозники прикончили.

Могло и это быть. Подобные случаи не рѣдкость по сибирскимъ дорогамъ. Между бродягами и обозниками давно уже идетъ война не на животъ, а на смерть. Эти рыцари большихъ сибирскихъ дорогъ, собравшись шайкой, выѣзжаютъ на трактъ и сторожатъ обозы съ товарами. Ночью, когда возчики спятъ, они набрасываютъ нѣчто вродѣ мексиканскихъ лассо, съ крючьями на концахъ, на лошадей и отбиваютъ обозы съ товарами.

Такія же точно лассо употребляются и въ городахъ съ цѣлью грабежа. Даже въ такомъ относительно большомъ городѣ, какъ Томскъ, такіе факты не рѣдкость. Грабители выѣзжаютъ въ кошевѣ и, завидя гдѣ-нибудь въ глухой улицѣ путника, набрасываютъ на него арканъ, тащатъ его за со-

бой за городъ и тамъ грабятъ. Хроники сибирскихъ газетъ полны описаніемъ такихъ происшествій, остающихся въ массѣ случаевъ не раскрытыми. Одно время въ Томскѣ была настоящая паника. По вечерамъ не выходили изъ квартиръ и даже днемъ не выходили безъ револьверовъ. Въ одну недѣлю были раскуплены всѣ револьверы въ лавкахъ.

„Караулъ, грабятъ!“ — такъ начиналась передовая статья одной мѣстной газеты, и въ хроникѣ того же нумера сообщался рядъ происшествій за недѣлю, напоминающихъ нѣсколько о жизни въ американскихъ преріяхъ въ куперовскія времена [1]).

Я слышалъ цѣлыя легенды про засѣдателей, прикрывающихъ убійцъ, про частныхъ приставовъ, устраивающихъ, въ негласной компаніи съ ворами, грабежи лавокъ и домовъ, про исправниковъ, которымъ осторожные фальшивые монетчики сбывали фальшивыя деньги. Ворованныя вещи часто являются во владѣніи охранителей безопасности и при слѣдствіяхъ они же помогаютъ попавшимся давать показанія. Бродяги, скопляющіеся въ городахъ, являются одною изъ доходныхъ статей, пополняя цифру крошечнаго жалованья, получаемаго полицейскими агентами въ Сибири. Начальство прикажетъ устроить облаву,—бродяги своевременно предупреждены и въ руки полиціи попадаютъ все люди съ паспортами, которые, просидѣвъ ночь въ каталажкѣ и заплативъ по рублю, выпускаются.

На сибирскихъ „вечерахъ“, между винтомъ и закуской, разговоры всегда ведутся на эту благодарную тему, и разсказы неистощимые.

— Обокрали меня года четыре тому назадъ,—разсказывалъ одинъ томскій обыватель, — и въ числѣ украденныхъ вещей были отличные стѣнные часы. Прошелъ годъ, о вещахъ не было ни слуху, ни духу. Вдругъ вижу: подъѣзжаютъ къ моему дому полицейскій чинъ съ какимъ-то субъектомъ. Впускаю, спрашиваю, что угодно. Оказывается, что полицейскій чинъ пріѣхалъ предложить мнѣ нѣкоторую сдѣлку — возвратить мои часы, украденные привезеннымъ имъ съ собою субъектомъ, а я за это долженъ помочь ему въ одномъ дѣлѣ, бывшемъ у него въ думѣ. Я отказался отъ этой чести и даже

---

[1]) Объ этихъ удобствахъ сибирской жизни говорилось въ *Очеркахъ русской жизни. (Р. М.*, кн. IX).

отъ часовъ, по полицейскій, все-таки, великодушно возвратилъ мнѣ часы.

— Пропало у насъ въ конторѣ ружье, — началъ, въ свою очередь, инженеръ.

— И ружье это оказалось потомъ въ полиціи, — перебили его.

И все въ такомъ родѣ...

Вотъ она какова, эта дореформенная Аркадія!

Высшіе представители администраціи безсильны прекратить подобное положеніе дѣлъ, даже при добромъ желаніи. На мѣсто выгнаннаго Иванова является такой же Петровъ. И этотъ Ивановъ, уволенный изъ одной губерніи, ѣдетъ въ другую и тамъ получаетъ мѣсто, тѣмъ болѣе, что мѣста могутъ быть прямо куплены при посредствѣ такого же Иванова или Петрова, сидящаго въ канцеляріи.

Все это, разумѣется, извѣстно и высшей администраціи изъ отчетовъ, представляемыхъ мѣстными губернаторами. Отчеты эти рисуютъ нерѣдко мрачную картину—положеніе Сибири... И сибиряки ждутъ не дождутся реформъ, которыя бы сравняли далекую окраину съ остальными русскими губерніями.

X.

Вотъ она, наконецъ, и граница Сибири. Два столба, одинъ каменный, другой деревянный, съ гербомъ Тобольской губерніи, указываютъ въѣздъ въ страну, „гдѣ мракъ и холодъ круглый годъ“. Надписи на столбѣ подчасъ трогательныя, но не имѣютъ, однако, безотрадности надписи надъ Дантовымъ адомъ: „оставь надежды навсегда“. Напротивъ, юморъ русскаго народа выразился и въ этихъ, иногда своеобразныхъ, надписяхъ: „Поминай, какъ звали“. „Кланяйся въ Нерчинскѣ товарищамъ“. „Ищи вѣтра въ полѣ“. „До свиданія, Сибирь-матушка!“ и тому подоб. Есть и нацарапанныя стихотворныя произведенія, и въ нихъ юмористика преобладаетъ надъ лиризмомъ.

Солнце ласково грѣетъ сверху, освѣщая зеленѣющіе, по бокамъ дороги, густые, болотистые лѣса. Дорога дѣлается еще убійственнѣе, лошади ступаютъ буквально шагомъ, съ трудомъ вывозя тарантасы и телѣги изъ непролазной грязи. Къ 11 часамъ утра мы добрались до села Успенскаго, пред-

послѣдней станціи передъ Тюменью, села замѣчательнаго тѣмъ, что почти все населеніе занимается кустарнымъ производствомъ такъ называемыхъ тюменскихъ ковровъ. Ковры эти весьма недурны и дешевы, только краски и узоры ихъ весьма безвкусны. Они распространены по всей Сибири и значительная часть ихъ идетъ въ Петербургъ и Москву.

Видъ этого большого сибирскаго села невольно поражаетъ человѣка, привыкшаго видѣть убогія, черныя русскія деревни. Постройка грубая, аляповатая, но прочная. На лицахъ мужиковъ нѣтъ той забитости, которую вы встрѣтите въ Россіи; видно, что матеріальное благостояніе ихъ лучше.

До Тюмени оставалось тридцать верстъ, которыя мы проѣхали въ шесть часовъ. Усталые, разбитые, грязные, увидали мы, наконецъ, Тюмень, первый сибирскій городъ, разбросанный по оврагамъ, мрачный, грязный, съ огромнымъ бѣлымъ каменнымъ зданіемъ на въѣздѣ. Нужно ли прибавлять, что это былъ острогъ?

Въ гостинницѣ мы нѣсколько пришли въ себя послѣ путешествія.

Пообѣдавъ, я отправился поскорѣе на пристань брать билеты и безъ труда получилъ для себя каюту II класса. Какъ характеристику нравовъ, отмѣчу слѣдующую черточку. Когда я бралъ билетъ на пароходной конторкѣ, молодой конторщикъ обратился ко мнѣ съ обычнымъ сибирскимъ вопросомъ: „чьи вы будете и куда изволите ѣхать?“ Съ тѣхъ поръ это сибирское „чьи вы будете“ ужъ не оставитъ васъ нигдѣ, куда бы вы ни зашли: въ лавку ли, заговорили ли съ пассажиромъ, послѣ первыхъ словъ вамъ непремѣнно зададутъ этотъ вопросъ.

На пароходѣ уже толпились переселенцы. Пароходъ производилъ впечатлѣніе весьма удовлетворительное, каюты были чисты и цѣна за девять дней пути относительно недорога (за мѣсто II класса 14 руб., а за семейную каюту — по числу мѣстъ—по 16 руб. за мѣсто).

Хотя Тюмень—одинъ изъ очень старыхъ сибирскихъ городовъ (основанъ въ 1586 г.), жителей въ немъ, по суворинскому календарю, считается около 16 тысячъ челов. и, какъ перевалочный пунктъ, онъ имѣетъ извѣстное значеніе, тѣмъ не менѣе, никакой привлекательности не представляетъ. Деревянные низенькіе дома, широкіе пустыри, грязныя и безлюдныя улицы. Тюмень—главный пунктъ разсылки арестан-

товъ по дальнѣйшимъ мѣстамъ. Здѣсь находится главная экспедиція о ссыльныхъ. Здѣсь, въ Тюмени, всѣ уголовные арестанты распредѣляются по всѣмъ мѣстамъ Сибири и отправляются партіями. Наплывъ арестантовъ бываетъ такъ великъ, что буквально и острогъ, и пересыльная тюрьма переполнены. Вслѣдствіе такой скученности тифъ и другія болѣзни, разумѣется, косятъ людей.

Не одна, впрочемъ, Тюмень отличается такими тюрьмами. По словамъ оффиціальныхъ отчетовъ и разсказовъ знающихъ дѣло людей, тюрьмы въ Сибири и этапы представляютъ собою нѣчто невообразимое. Трудно изобразить словами весь ужасъ положенія людей, скученныхъ въ небольшихъ пространствахъ огромными массами. Въ Томскѣ, напримѣръ, дѣло доходило до того, что тифозныхъ больныхъ, за недостаткомъ мѣста, клали цѣлыми рядами на полу и смертность доходила до поражающей цифры. Что же касается этаповъ, то они буквально представляютъ собой клоповники, и еще недавно высшее мѣстное начальство предписывало циркуляромъ обратить вниманіе на содержаніе ихъ въ исправномъ видѣ.

Но циркуляры—циркулярами, а жизнь—жизнью, и побывавшіе на этапахъ разсказываютъ про нихъ просто невѣроятныя вещи. Въ крошечномъ помѣщеніи скучиваются въ-повалку мужчины, женщины и дѣти и ихъ на ночь запираютъ. Что происходитъ тамъ, объ этомъ лучше не разсказывать.

Пароходъ отправлялся въ два часа ночи. Въ десятомъ часу мы уже были на пароходѣ и уложили дѣтей спать. Нашъ добрый геній, спутникъ-сибирякъ, совѣтовалъ мнѣ запастись кое-какою провизіей на дорогу и, главное, хлѣбомъ, такъ какъ на пароходѣ все дорого, а иногда и просто бываетъ нельзя достать. Я поспѣшилъ отправиться снова въ городъ. Городъ уже спалъ, только въ нѣкоторыхъ домахъ свѣтились огоньки. Стоялъ чудный, тихій вечеръ. Невольная тоска охватила меня, когда я проѣзжалъ по этимъ глухимъ, пустымъ, угрюмымъ улицамъ. Каково же живется человѣку, не привыкшему еще напиваться съ утра, въ какомъ-нибудь еще болѣе глухомъ захолустьѣ вродѣ Нарыма или Вилюйска?

Невольно припомнились стихи поэта:

„Да... страшный край... Оттуда прочь
Бѣжитъ и звѣрь лѣсной,
Когда стосуточная ночь
Повиснетъ надъ страной“.

— Вотъ тутъ у полекъ хорошія булки,—прервалъ мои размышленія извощикъ, останавливаясь у маленькой двери, надъ которой была какая-то вывѣска.

Я вошелъ въ крошечную комнатку, слабо освѣщенную тусклымъ свѣтомъ крошечной лампы. На прилавкѣ лежали булки и разныя печенья и въ комнаткѣ пахло свѣжимъ хлѣбомъ.

Изъ-за ситцевой занавѣски вышла сморщенная, худенькая, маленькая старушка и необыкновенно вѣжливо и деликатно спросила:

— Что пану угодно?

Она была одѣта въ какомъ-то затрапезномъ платьѣ, въ разорванной кацавейкѣ, но что-то и въ манерѣ, и въ выраженіи этого худенькаго лица, со слезящимися глазами, говорило, что эта старушка знала когда-то лучшія времена. Въ лицѣ ея точно замерла какая-то старая, покорная скорбь. Я не сомнѣвался, что передо мной была женщина, принадлежавшая когда-то къ такъ называемому обществу.

Мы разговорились. Скоро изъ-за занавѣски вышла другая старушка: высокая, сухая, крѣпкая, съ болѣе энергичнымъ выраженіемъ лица. Это была ея младшая сестра.

Ихъ исторія оказалась очень простою и печальною исторіей. Онѣ принадлежали къ одной изъ довольно зажиточныхъ польскихъ фамилій, были сосланы на каторгу за возстаніе въ 63-мъ году, имѣнія ихъ были конфискованы, а теперь онѣ, давно прощенныя, но всѣми забытыя, доживали свой печальный вѣкъ въ Тюмени, добывая себѣ кусокъ хлѣба пекарней.

— Отчего вы давно не вернулись домой?—спросилъ я.

Отвѣтъ обычный: вернуться дорого. Тѣмъ не менѣе, онѣ не теряютъ надежды умереть на родинѣ.

— Мы уже давно собираемся,—замѣтила младшая сестра,— и въ прошломъ году чуть было не уѣхали, да, вотъ, сестра заболѣла. Мы до сихъ поръ не привыкли къ здѣшнему климату, хотя должны были бы ко всему привыкнуть въ 20 лѣтъ,—прибавила она, улыбаясь скорбною улыбкой. — Богъ дастъ, еще вернемся и умремъ на родинѣ.

— Родные ваши живы?

— Почти никого нѣтъ.

— Да, всего пришлось испытать, — заговорила опять маленькая, сморщенная старушка и вздохнула.

— Этой жизни не забудешь!—прибавила младшая сестра.

Я пожелалъ имъ поскорѣй вернуться на родину, и мы распрощались.

Мой возница, тоже изъ ссыльныхъ, попавшій изъ Курской губерніи въ Сибирь, какъ онъ объяснилъ, „за то, что любилъ чужихъ лошадей“, и давно уже имѣвшій право возвратиться въ Россію, очень хвалилъ этихъ старушекъ-полекъ.

— Тихія, аккуратныя старушки,—говорилъ онъ.

Впослѣдствіи мнѣ часто приходилось встрѣчать поляковъ, сосланныхъ сюда за польское возстаніе и оставшихся въ Сибири. Большая часть изъ нихъ занимаются торговлей, ремеслами, содержатъ кабаки, нѣкоторые находятся на службѣ. Вообще они какъ-то лучше русскихъ умѣютъ устраиваться, именно потому, что не брезгаютъ никакими занятіями.

Большинство же остальныхъ ссыльныхъ обречено почти что на нищету. Достать имъ какія-либо занятія, безъ помощи администраціи, трудно; да и какія занятія могутъ быть въ какой-нибудь сибирской дырѣ или въ якутскихъ улусахъ? Въ большихъ городахъ, гдѣ могли бы найтись занятія, даютъ ихъ неохотно, боясь, какъ взглянетъ на это мѣстная администрація. Правительство выдаетъ въ пособіе политическимъ ссыльнымъ по шести рублей [1]) на человѣка и, такимъ образомъ, избавляетъ многихъ буквально отъ голодной смерти.

XI.

Пароходъ „Рейтернъ“ [2]), на которомъ намъ пришлось совершить девятидневное путешествіе, проплывъ болѣе 2,000 верстъ по Турѣ, Тоболу, Иртышу, Оби и Томи, пріятно поражалъ своимъ необыкновенно нарядным, праздничнымъ видомъ.

---

[1]) Въ Восточной Сибири, глядя по мѣстностямъ, выдаютъ до 15 р. на человѣка вслѣдствіе большой дороговизны муки и мяса.

[2]) Сибиряки любятъ называть свои пароходы фамиліями административныхъ лицъ. Всѣ пассажирскіе пароходы фирмы Курбатова и Игнатова носятъ подобныя названія. Кромѣ „Рейтерна“, есть „Коссаговскій“ (фамилія директора департамента), „Казнаковъ“ (фамилія бывшаго генералъ-губернатора Западной Сибири) и „Бѣленченко“. Впрочемъ, клички иногда мѣняются со смѣной начальства. Пріѣдетъ новый начальникъ—и пароходъ перекрещивается именемъ новаго.

Не особенно изящно скроенный, но крѣпко сшитый, онъ сіялъ чистотой. Все было подкрашено и подчищено. Довольно умѣстительныя семейныя каюты были прибраны съ особенною тщательностью и на диванахъ бѣлѣли новые коленкоровые чехлы. Лоцмана, матросы и оффиціанты щеголяли свѣжими костюмами. Пароходное начальство нѣсколько волновалось. Сумрачный на видъ капитанъ, пожилой, молчаливый пермякъ, большую часть времени стоялъ на площадкѣ съ торжественно-озабоченнымъ видомъ, а его помощникъ, сухопарый молодой человѣкъ, въ началѣ рейса просто-таки метался, изнывая въ заботахъ о чистотѣ и порядкѣ. Палубу подметали часто, слишкомъ даже часто, въ ущербъ спокойствію палубныхъ пассажировъ. Переселенцы были скучены относительно съ большимъ удобствомъ, чѣмъ на пермскомъ пароходѣ, и къ переселенцамъ относились съ нѣкоторою внимательностью, по крайней мѣрѣ, къ тѣмъ изъ нихъ, которые помѣстились ближе къ рубкѣ I класса, на которую часто устремлялись тревожные взоры молчаливаго капитана.

Не торопитесь, однако, обобщать факты и, собираясь въ Сибирь, не разсчитывайте на подобную счастливую случайность. Вы можете разсчитывать на большую безопасность плаванія по большимъ, пустыннымъ сибирскимъ рѣкамъ, чѣмъ по бойкой Волгѣ, такъ какъ судоходство здѣсь въ зачаточномъ состояніи и столкнуться не съ кѣмъ. Что же касается порядка, удобствъ и чистоты, то сибирскіе пароходы ими не отличаются и, вообще говоря, содержатся не лучше волжскихъ пароходовъ средней руки. Если же въ этотъ рейсъ пароходъ удивлялъ не совсѣмъ обыкновеннымъ порядкомъ, то и причина этому была не совсѣмъ обыкновенная: въ числѣ пассажировъ находился новый генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, графъ Игнатьевъ, ѣхавшій съ семействомъ и нѣсколькими лицами свиты къ мѣсту своего назначенія.

Путешествовать по почтовымъ сибирскимъ дорогамъ вслѣдъ за высокопоставленными лицами, какъ пришлось намъ, не рекомендую никому, даже человѣку, обладающему воловьимъ терпѣніемъ и ослиною выносливостью. Вамъ придется либо изнывать на станціяхъ, выслушивая философскія сентенціи смотрителей, либо, послѣ самыхъ энергическихъ настояній, получать, вмѣсто хваленыхъ „сибирскихъ лошадокъ“, нѣкоторое ихъ подобіе, въ видѣ невозможныхъ ободранныхъ клячъ, а вмѣсто ямщиковъ — несносныхъ старшковъ или крошекъ-младенцевъ, невольно внушающихъ сомнѣніе.

Но за то путешествовать по желѣзнымъ дорогамъ или на пароходахъ одновременно съ сановными пассажирами несравненно удобнѣе, чѣмъ безъ нихъ. Удобства и внимательность, предназначенныя спеціально такимъ путешественникамъ, косвенно отражаются и на остальныхъ, а главное, вы болѣе гарантированы въ благополучномъ исходѣ путешествія. Вотъ почему я, по крайней мѣрѣ, бываю доволенъ, когда судьба посылаетъ на поѣздъ какого-нибудь путешествующаго сановника. Тогда я спокойно сажусь въ вагонъ, увѣренный, что, благодаря такому сосѣдству, поѣзду труднѣе сойти съ рельсовъ, запоздать въ пути,—словомъ, подвергнуться приключенію, ибо хорошо знаю, что благополучіе сановитыхъ путешественниковъ,—разумѣется, находящихся у дѣлъ, — охраняется съ большею бдительностью и съ сугубымъ усердіемъ, чѣмъ благополучіе обыкновенныхъ смертныхъ, и, слѣдовательно, шансовъ на всякую „кукуевку“ значительно меньше.

Хотя графъ и держалъ себя съ скромною простотой, пріятно дивившей пассажировъ-сибиряковъ, привыкшихъ болѣе къ грозному величію старинныхъ сибирскихъ „вице-роевъ“, о недоступности которыхъ до сихъ поръ ходятъ легендарныя подробности, и отклонялъ всякія оффиціальныя встрѣчи, но это, разумѣется, не мѣшало даже и не подчиненнымъ сибирскимъ чиновникамъ волноваться и трепетать.

Такіе проѣзжающіе, вѣдь, не особенно часты въ здѣшнихъ палестинахъ.

Наибольшимъ подъемомъ духа и наибольшимъ страхомъ за цѣлость своей шкуры проникаются, въ такихъ случаяхъ, разумѣется, второстепенные служебные агенты и, главнымъ образомъ, господа исправники и засѣдатели, до сихъ поръ сохранившіе здѣсь складку, обличье и вкусы дореформенныхъ Держиморд и знающіе за собой не мало уголовныхъ грѣховъ, помимо повальнаго здѣсь грѣха—взяточничества. Грѣховодники покрупнѣй, разные матерые юсы, завѣдующіе частями, и совѣтники, игравшіе при „старой метлѣ“ роль негласныхъ „сѣрыхъ эминенцій“, несмотря на наружную бодрость, тоже не безъ тайнаго страха ждутъ „новой метлы“, особенно если слухи о ней благопріятные. Въ тиши своихъ пропитанныхъ беззаконіемъ и кляузами, канцелярій они готовятся къ пріѣзду, дѣятельно припрятываютъ не только концы, но, случается, и цѣлыя громадныя дѣла, благо прожорливость сибирскихъ крысъ или внезапный внутренній по-

жаръ сослуживали не разъ добрую службу [1]). Однимъ словомъ волненіе въ краѣ необычайное. Чиновники мятутся словно тараканы, внезапно застигнутые свѣтомъ. Исправники и засѣдатели, эти первые обращики „административнаго товара“, съ которымъ приходится знакомиться пріѣзжему, охваченные нерѣдко буквальнымъ трепетомъ, простираютъ усердіе при встрѣчахъ до геркулесовыхъ столбовъ раболѣпія и глупости. Часто, по собственному вдохновенію, не дожидаясь соотвѣтствующей бумажки, они сгоняютъ цѣлыя деревни на починку тракта, отрывая массы людей отъ спѣшныхъ работъ, и прибѣгаютъ къ самымъ отчаяннымъ мѣрамъ устрашенія въ случаѣ ропота и протеста. И они положительно замираютъ въ благоговѣйномъ недоумѣніи, когда, вмѣсто благодарности за такое вниманіе къ высокому путешественнику, вдругъ, совершенно неожиданно, получаютъ, въ болѣе или менѣе приличной петербургской формѣ, „дурака“, наводящаго, однако, большую панику, чѣмъ откровенный „мерзавецъ!“ разгнѣваннаго генерала старыхъ временъ.

За что? Почему?

Этотъ бѣдный дореформенный „дуракъ“—весьма неглупый, замѣтьте, во всемъ, что касается обдѣлыванія своихъ дѣлишекъ, привыкшій думать, что „управлять“ значитъ наводить трепетъ и вымогать,—еще не настолько выдрессированъ, чтобъ обладать хорошимъ верхнимъ чутьемъ столичнаго чиновника, умѣющаго приспособляться въ каждый данный моментъ, и потому всякаго высшаго начальника мѣряетъ на одинъ и тотъ же сибирскій шаблонъ, выработавшійся еще со временъ Пестеля и Трескина. Онъ боится начальства, какъ дикарь стихійной силы, и, въ то же время, смотритъ на него съ наивною оскорбительностью, предполагающею, что у каждаго сановника совсѣмъ особенные глаза, неспособные видѣть предметы въ ихъ подлинности, и совсѣмъ особенныя уши, до слуха которыхъ, сквозь гулъ колокольнаго звона, „уры“ и безшабашнаго общаго вранья о благополучіи, не донесутся обывательскія жалобы. Хотя онъ и смекаетъ, что въ послѣднее время и по ту сторону Урала приподнятъ духъ исправниковъ, но,

---

[1]) Похищеніе дѣлъ изъ присутственныхъ мѣстъ—обычный пріемъ въ Сибири. Не особенно давно еще изъ губернскаго совѣта одного большого сибирскаго города исчезло уголовное дѣло о двухъ богатыхъ и вліятельныхъ коммерсантахъ, благодаря чему названные купцы оставлены лишь въ подозрѣніи.

все-таки, разнообразныхъ оттѣнковъ новѣйшихъ вѣяній различить не можетъ; нерѣдко едва грамотный—газетъ онъ, разумѣется, не читаетъ—и, предполагая, что сибирскіе порядки вполнѣ соотвѣтствуютъ новѣйшему „поднятію духа“, не догадывается, что въ Петербургѣ мужичекъ до извѣстной степени въ модѣ и что пріѣзжіе могутъ, такъ или иначе, заинтересоваться тѣмъ самымъ мужичкомъ, котораго онъ, въ качествѣ первобытнаго Держиморды, привыкъ обрабатывать, по сибирской простотѣ, безъ всякаго любезнаго зангрыванія.

Въ Сибири, гдѣ административная власть функціонируетъ съ большимъ просторомъ, съ большею независимостью, чѣмъ въ губерніяхъ, имѣющихъ земство и гласный судъ, и гдѣ обыватель привыкъ считать законъ писаннымъ не для него, пріѣздъ новаго генералъ-губернатора будитъ во всѣхъ классахъ населенія новыя надежды. Каждый припоминаетъ обиды и несправедливости и каждый простодушно увѣренъ, что въ рукахъ такого властнаго и могущественнаго лица есть тотъ магическій талисманъ, который возстановитъ правду, утретъ слезы и превратитъ маленькаго сатрапчика въ скромнаго общественнаго слугу. И если стоустая молва донесетъ извѣстія, что „новый“ доступенъ и добръ, то такого „добраго“ ждутъ въ каждомъ уголкѣ Сибири, какъ Мессію, повторяя съ трогательнымъ оптимизмомъ слова некрасовской Ненилы: „Вотъ пріѣдетъ баринъ!“

Буквально цѣлыя толпы народа идутъ на встрѣчу такого добраго начальника. Въ каждомъ захолустьѣ готовятся жалобныя прошенія. Жалобы эти—все тѣ же, которыя приносились сибиряками съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ существуетъ Сибирь: это жалобы на самовластіе, произволъ и грабительство мѣстныхъ агентовъ. Разница между старыми временами и нынѣшними только та, что нынѣче можно жаловаться на исправниковъ безъ риска очутиться въ кандалахъ или быть сосланнымъ въ какую-нибудь архи-сибирскую трущобу, какъ прежде, и подвиги, вродѣ подвига извѣстнаго въ сибирскихъ лѣтописяхъ мѣщанина Саламатова [1]), уже не нужны.

[1]) Во время террора, паведеннаго на Сибирь управленіемъ Пестеля и Трескина, когда всякія жалобы перехватывались и жалобщикамъ грозили жестокія кары, иркутскій мѣщанинъ Саламатовъ рѣшился пробраться въ Петербургъ и лично вручить доносъ Императору Александру I. Въ 1818 г. онъ добирается черезъ Китай, черезъ степи и лѣса, въ Петербургъ, подаетъ доносъ Государю и „проситъ приказать его убить, чтобъ избавить отъ тиранства Пестеля“.

„Какою волшебною силой человѣкъ, брошенный сюда, могъ вступить въ борьбу со всѣми почти чиновниками, со всѣмъ почти составомъ управленія, могъ одинъ обуздать извѣстныя сибирскія дерзости, обнаружить злоупотребленія, потрясти фортуны и испровергнуть цѣлую систему связей твердыхъ, обдуманныхъ и привычкою скрѣпленныхъ? Мы не въ томъ вѣкѣ живемъ, и Сибирь — не тотъ край, гдѣ бы истина могла произвести сіи явленія! Какъ я могу управлять безъ моральной власти? Скажутъ: законами, какъ будто существуютъ законы въ Сибири, всегда управляемой самовластіемъ.

„Я называю бездѣйствіемъ поверхностное отправленіе текущихъ дѣлъ, и терпимость безпорядка, и злоупотребленія. Я могъ ихъ остановить, но не истребить; ихъ порядокъ, управленіе, краю сему не свойственный, остается тотъ же; исправлять я его не могу; люди остаются тѣ же, перемѣнить ихъ некѣмъ. Я не могу даже дать движенія суду надъ ними, ибо тѣ, кон должны судить, сами подлежатъ суду по другимъ дѣламъ подобнымъ. Людей, отрѣшенныхъ въ одномъ уѣздѣ или въ одной губерніи, принужденъ употреблять въ другой".

Такъ жаловался въ своихъ сибирскихъ письмахъ Сперанскій, и такія же сѣтованія повторялись и повторяются лучшими административными дѣятелями Сибири.

Такимъ образомъ, и теперь, какъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, вырисовывается съ достаточною выпуклостью неизмѣнное, при извѣстныхъ условіяхъ, явленіе: трагическое безсиліе самой, повидимому, широкой власти.

Представителямъ ея, въ лучшемъ случаѣ, остается заниматься только поверхностнымъ отправленіемъ дѣлъ, и Сибирь, съ ея „классическими дерзостями" и безобразіями архаическихъ временъ, служитъ внушительною иллюстраціей къ воплямъ журнальныхъ реакціонеровъ, рисующихъ дореформенные порядки въ идеальномъ свѣтѣ.

„На всякое зло у меня развязаны руки, а на добро я безсиленъ!"—писалъ въ 20 годахъ нѣмецъ Рупертъ, управлявшій Камчаткой.

То же сознаютъ и теперь умные сибирскіе администраторы и, поживъ въ Сибири годъ-другой, бѣгутъ изъ нея, убѣждаясь въ своемъ безсиліи что-нибудь сдѣлать при порядкѣ управленія, краю сему не свойственномъ, по выраженію Сперанскаго.

XII.

Постукивая съ однообразною равномѣрностью машиной, „Рейтернъ“ ходко шелъ впередъ, дѣлая верстъ по 15 въ часъ. Не надо было и выбирать фарватера,—иди, гдѣ хочешь, полнымъ ходомъ по широкимъ, многоводнымъ сибирскимъ рѣкамъ, особенно въ началѣ лѣта, когда большая вода затопляетъ лѣсистые берега, оставляя на поверхности свѣжую молодую зелень тальника и ивы.

Въ нѣкоторомъ разстояніи за пароходомъ, на крѣпкомъ, натянувшемся буксирѣ, буравя и вспѣнивая острымъ носомъ воду, двигалась длинная, черная, мрачная арестантская баржа. Она казалась безлюдною на видъ. На палубѣ, кромѣ рулевыхъ да часового съ ружьемъ, ни души. Многочисленные невольные пассажиры этого плавучаго „мертваго дома“, заключенные въ тѣсномъ, душномъ пространствѣ подъ палубой, могли смотрѣть на кудрявые берега лишь въ небольшія окошечки съ желѣзными рѣшетками, пропускавшія мало воздуха и свѣта...

А погода была хорошая... Солнце грѣло по-лѣтнему, манило къ простору и волѣ, и, вѣроятно, ни одинъ арестантъ мечталъ въ это время о побѣгѣ.

Первые дни, берега рѣкъ, по которымъ мы плыли, давали по временамъ красивые пейзажи; особенно хорошъ былъ Иртышъ со своимъ утесистымъ правымъ берегомъ, покрытымъ густымъ лѣсомъ. И пустынное безлюдье не охватывало тоской. Нѣтъ, нѣтъ, да вдругъ и покажется на берегу либо русская деревня съ церковью, либо татарская съ покривившимся минаретомъ, либо рѣдкія еще здѣсь убогія остяцкія юрты.

Эти татарскія деревеньки вмѣстѣ съ часто попадающимися береговыми курганами—остатки когда-то грознаго и могучаго мусульманскаго царства, бывшаго на берегахъ Туры и Тобола... Съ каждымъ годомъ татарское населеніе, говорятъ, уменьшается, постепенно вымирая. Теперь въ Тюменскомъ округѣ татаръ не болѣе трехъ тысячъ; живутъ они рыболовствомъ, извозомъ, ямскою гоньбой; хлѣбопашествомъ занимаются мало.

Черезъ сутки съ небольшимъ, ранимъ утромъ, пароходъ подходитъ къ Тобольску, единственному, сколько-нибудь на-

селенному городу на всемъ громадномъ разстояніи между Тюменью и Томскомъ. За Тобольскомъ вскорѣ начинается безлюдный, пустынный пріобскій край, теряющійся въ тундрахъ Ледовитаго океана; деревни и юрты будутъ попадаться все рѣже, а два попутные городка Сургутъ и Нарымъ, брошенные въ этой непривѣтной и мрачной пустынѣ,—захолустныя сибирскія дыры, называемыя городами единственно потому, что въ нихъ живутъ исправники.

Расположенный на правомъ нагорномъ берегу Иртыша, Тобольскъ издали казался красивымъ, чистенькимъ городкомъ, но эта иллюзія тотчасъ же разсѣялась, лишь только пароходъ подошелъ къ городу. Пароходъ долженъ былъ простоять въ Тобольскѣ около двухъ часовъ—принять запасъ дровъ и партію арестантовъ на баржу, и я воспользовался этимъ временемъ, чтобы сдѣлать кое-какія закупки по части провизіи (опытные люди предупреждали, что въ буфетѣ на сибирскомъ пароходѣ въ концѣ рейса иногда ничего нельзя получить), наскоро осмотрѣть старинный сибирскій городъ, считающій свое существованіе съ 1587 года, и взглянуть на памятникъ Ермаку, на кремль, построенный плѣнными шведами, и на пресловутый „ссыльный колоколъ,“—на эти три единственныя достопримѣчательности города, показать которыя наперерывъ предлагали извощики, пріѣхавшіе къ пристани въ ожиданіи любопытныхъ туристовъ.

Почти всѣ извощики были евреи. Меня поразило это обстоятельство. Оказалось, что въ Тобольскѣ особенно много ссыльныхъ евреевъ и они, въ числѣ прочихъ занятій, занимаются и извозомъ. Мой возница, молодой, рыжеволосый, съ типичною физіономіей еврей, объяснилъ мнѣ, что отецъ его былъ сосланъ и съ тѣхъ поръ вся ихъ семья живетъ здѣсь.

— Хорошо здѣсь жить?

— Какое житье! Городъ бѣдный... Только и есть, что чиновники да нѣсколько купцовъ побогаче, а то все голье...

— Чѣмъ же занимаются еще евреи?

— А всѣмъ, чѣмъ придется. У кого мастерство, кто въ извощикахъ, кто на базарѣ всякимъ „брахломъ“ маклачитъ, кто при случаѣ и жиганитъ... У которыхъ деньги есть, подъ закладъ даютъ, только денежныхъ людей мало... Вовсе плохое здѣсь житье! Въ Россіи, говорятъ, лучше...

Часа было совершенно достаточно, чтобъ осмотрѣть этотъ неказистый, мертвенный и унылый сибирскій городъ, когда-то

называвшійся столицей Сибири и долгое время бывшій резиденціей воеводъ, намѣстниковъ и генералъ-губернаторовъ. Любой изъ русскихъ губернскихъ городовъ—куда лучше. Особенно убога нижняя, подгорная часть города, расположенная въ болотистой мѣстности, среди тинистыхъ рѣченокъ, и заливаемая нерѣдко Иртышомъ. Тутъ, среди сырости и вони отъ сваленнаго навоза, рѣдко встрѣтишь сколько-нибудь изрядные дома. Въ неказистыхъ домишкахъ и покосившихся лачугахъ ютится бѣднѣйшая часть населенія: коренные обитатели—мѣщане, мелкіе чиновники, евреи. Въ этой же части города помѣщаются и учебныя заведенія.

Подпрыгивая, словно по клавишамъ, по трясущейся бревенчатой мостовой, проложенной на нѣкоторыхъ улицахъ, наша „гитара“ („гитара“—излюбленный экипажъ въ сибирскихъ городахъ, гдѣ есть извощики) стала подниматься въ гору по широкому ущелью. Слѣва, на холмѣ, сверкали куполы церквей, бѣлѣли стѣны и башни кремля, виднѣлась красивая арка, а справа—зеленѣлъ садъ.

Остановились у сада.

Вошли въ запущенный городской садъ и скоро по аллеѣ дошли до небольшого, не особенно изящнаго обелиска изъ сѣраго мрамора. Обошли кругомъ, прочли надпись: „Ермаку—покорителю Сибири“, вспомнили поэтическія проклятія Некрасова, обращенныя къ этому завоевателю дальняго Востока, пошли изъ сада и поѣхали на другую сторону, гдѣ на высокомъ холмѣ расположены присутственныя мѣста, кремль, архіерейскій домъ и нѣсколько частныхъ зданій.

Сооруженія кремля, арка, соединяющая ихъ съ бывшимъ губернаторскимъ „дворцомъ“, нынѣ занятымъ присутственными мѣстами, и архіерейскій домъ,—вотъ и всѣ, сколько-нибудь замѣтныя постройки, да и этими постройками Тобольскъ обязанъ иностранцамъ—плѣннымъ шведамъ, попавшимъ въ Сибирь. Украшать городъ заставилъ ихъ знаменитый даже и въ сибирскихъ лѣтописяхъ сатрапъ-хищникъ, князь Гагаринъ, окончившій свои дни, какъ извѣстно, на висѣлицѣ за беззаконія, притѣсненія, взятки и, какъ гласитъ преданіе, за сепаратистическія стремленія.

Этотъ „экземпель“, какъ выразился по поводу казни грозный царь Петръ, мало, однако, принесъ пользы. Не далѣе, какъ въ 1736 году, опять была казнь: казнили Жолобова, который „злохитростными вымыслами, изъ великихъ себѣ

взятокъ составилъ огромное состояніе". Затѣмъ шелъ непрерывный рядъ подобныхъ же самовластныхъ и грабившихъ сибирскихъ сатраповъ. Князь Гагаринъ, по крайней мѣрѣ, оставилъ по себѣ память, какъ сдѣлавшій кое-что для Сибири и особенно для Тобольска. При немъ, между прочимъ, отведено устье Тобола, заведена первая латинская школа, устроенъ театръ.

Вблизи отъ архіерейскаго дома находится и другая тобольская достопримѣчательность—„ссыльный" колоколъ, надпись на которомъ (очевидно, позднаго происхожденія) гласитъ, что „сей колоколъ, въ которой били въ набатъ при убіеніи царевича Дмитрія 1593 года присланъ изъ Углича въ Сибирь".

Послѣ „ссыльнаго" колокола осматривать было нечего, и мы поѣхали къ пристани.

У пристани—оживленіе. Тобольская публика, несмотря на ранній часъ, собралась поглазѣть къ пароходу. Нѣсколько полицейскихъ чиновъ озабоченно ходили взадъ и впередъ, ожидая возвращенія генералъ-губернатора изъ города. Городовые щеголяли въ новыхъ мундирахъ.

По обѣимъ сторонамъ ближайшей къ пристани улицы расположились торговки и торговцы съ хлѣбомъ, молокомъ, колбасой, рыбой, и пассажиры гуляли между рядами, запасаясь всякимъ добромъ. Находящіяся по близости лавки и лавчонки гостепріимно раскрывали свои двери.

Въ двухъ бакалейныхъ лавкахъ, въ которыхъ пришлось побывать, хозяева были поляки. И среди торговавшихъ на улицѣ нерѣдко можно было слышать русскій говоръ съ сильнымъ польскимъ акцентомъ. Это все бывшіе политическіе ссыльные. Сибирь была полна ими послѣ 1863 года: въ одномъ Тобольскѣ, напримѣръ, было, какъ мнѣ передавали, свыше трехъ тысячъ ссыльныхъ поляковъ. Амнистія дала возможность большинству возвратиться на родину, но многіе и остались: одни не имѣли средствъ вернуться, другіе боялись бросить насиженныя здѣсь мѣста. Многіе привыкли къ краю, обжились въ немъ, поженились на русскихъ, обзавелись семьями и теперь служатъ здѣсь, лѣчатъ, торгуютъ, занимаются ремеслами, содержатъ гостиницы, имѣютъ кабаки. Въ Тобольскѣ, говорятъ, поляковъ осталось особенно много.

Купивши консервовъ нельмы мѣстнаго производства, поль-

скихъ булокъ и польскихъ колбасъ, я возвратился на пароходъ.

Арестантская баржа, которую мы видѣли въ отдаленіи, стояла теперь бортъ-о-бортъ съ пароходомъ, въ ожиданіи привода новой партіи.

Въ пространствѣ между крышей баржи и палубой, огороженномъ кругомъ толстою желѣзною рѣшеткой, толпились старики, молодые, женщины, дѣти. Это пространство, представляя собой громадныхъ размѣровъ желѣзную клѣтку, раздѣлялось на нѣсколько отдѣленій; въ одномъ были люди въ арестантскомъ костюмѣ и въ кандалахъ, въ другомъ—безъ кандаловъ и въ своемъ платьѣ, въ третьемъ были семейные, которыхъ сопровождали жены и дѣти. Внизу, подъ палубой, жилое помѣщеніе и одиночныя камеры. Рубки, расположенныя по концамъ баржи, назначались, какъ мнѣ объяснили, для привилегированныхъ и для больныхъ. Для политическихъ есть особенное отдѣленіе; они были невидимы.

Арестанты стояли и сидѣли у рѣшетки, глазѣли на пароходъ и на „вольныхъ“ людей, покупали у торговокъ хлѣбъ, подъ наблюденіемъ этапныхъ солдатъ, шутили, смѣялись, громко острили, по временамъ позвякивая ножными кандалами.

И какое разнообразіе племенныхъ типовъ и лицъ собрано было въ этой клѣткѣ съ разныхъ концовъ Россіи!

Тутъ и чистокровный, красивый кавказскій типъ горца, сурово, съ надменнымъ спокойствіемъ озирающаго своими большими темными глазами публику, и выдавшіяся скулы, узкіе разрѣзы глазъ и характерный носъ представителя монгольской расы, и мясистыя, широкія, добродушныя лица великоруссовъ рядомъ съ застывшею улыбкой на тупой, неподвижной физіономіи финской расы и, наконецъ, серьезно-вдумчивое выраженіе хохла.

Среди всѣхъ этихъ разноплеменныхъ представителей „преступнаго элемента“ бросались, прежде всего, въ глаза типичныя, „звѣрскія“ лица, съ низкими, узкими лбами, головами микроцефаловъ, съ тупыми взглядами изъ подлобья,—лица, напоминавшія первобытнаго человѣка-звѣря, дававшія, казалось, богатый матеріалъ скорѣй для психіатровъ, чѣмъ для прокуратуры, пославшей ихъ сюда на новыя преступленія. Встрѣчались даже характерно-отчаянныя физіономіи, полныя башибашной, смѣющейся удали,—сверкающіе взгляды, рѣ-

шительно сжатыя губы и сумрачно сдвинутыя брови; были и плутовато-умные, юркіе глазки на продувныхъ, измятыхъ лицахъ, напоминающихъ обитателей трущобъ и притоновъ большихъ городовъ. Но большинство, или, по крайней мѣрѣ, половина всѣхъ этихъ людей, имѣли самыя обыкновенныя, нехитрыя, простыя, нерѣдко добродушныя русскія лица, съ покорнымъ, нѣсколько приниженнымъ, но не унылымъ, выраженіемъ,—такія, какія вы встрѣчали на каждомъ шагу въ народѣ, съ тою только разницей, что у всѣхъ почти пассажировъ баржи былъ блѣдно-сѣрый, съ землистымъ оттѣнкомъ, цвѣтъ лица, тотъ характерный арестантскій цвѣтъ, который неразлученъ съ долгимъ тюремнымъ заключеніемъ.

Присутствіе бабъ и дѣтей въ семейномъ отдѣленіи нѣсколько смягчало картину людского несчастія. И лица арестантовъ, бывшихъ въ этомъ отдѣленіи, казались спокойнѣе и добрѣе.

Вся обстановка имѣла смягчающій семейный характеръ, и еслибъ не видъ этой клѣтки, не эти сѣрыя пятна и блѣдныя лица, выдѣляющіяся среди пестрыхъ цвѣтныхъ сарафановъ и болѣе сравнительно здоровыхъ женскихъ и дѣтскихъ лицъ, то можно было бы подумать, что идутъ переселенцы. Мирныя сцены здѣсь напоминали обычныя жанровыя картинки домашней жизни. Тутъ смѣялись, давали дѣтямъ подзатыльники, вычесывали имъ головы, лакомились булками,—словомъ, жили точно такъ же, какъ и на волѣ. Но именно эта-то семейная обстановка рядомъ съ кандалами, эти безпечныя личики крошечныхъ дѣтей, выглядывавшихъ изъ-за рѣшетки, напоминая о контрастахъ, производили тяжелое впечатлѣніе.

Одна изъ такихъ обычныхъ семейныхъ сценъ неизгладимо врѣзалась въ моей памяти.

У самой рѣшетки сидѣлъ арестантъ, человѣкъ лѣтъ тридцати, совсѣмъ мужицкой складки, съ добрымъ, простымъ, ничѣмъ не замѣчательнымъ лицомъ. Онъ держалъ на одной рукѣ мальчугана, любопытно смотрящаго на пароходъ, и о чемъ-то ему разсказывалъ, показывая на трубу, изъ которой шелъ легкій дымокъ. Въ это время крошка-дѣвочка, сойдя съ рукъ молодой бабенки, подползла къ отцу и, весело смѣясь, стала теребить отцовскіе кандалы. Ее, очевидно, забавляли они, но крошечныя ручонки были безсильны. И отецъ, обративъ вниманіе на дѣвочку, сталъ ее забавлять, позвяки-

вая кандалами. Дѣвочка была въ восторгѣ. Арестантъ, любовно поглядывая на нее, улыбался и снова потряхивалъ кандалами.

Такія „идиллін“ заставляли отворачиваться...

Палубные пассажиры, преимущественно переселенцы, передавали арестантамъ черезъ этапныхъ солдатъ копѣечки, булки и куски сахара. Кое-кто и изъ классныхъ пассажировъ, предпочтительно женщины, передавали свою лепту. Принимая приношеніе, арестанты крестились.

Тѣмъ временемъ изъ города привели партію и стали размѣщать на баржѣ. Патріонный офицеръ, докторъ, этапные солдаты—всѣ были въ новенькихъ мундирчикахъ, не то что обыкновенно. Скоро партія была размѣщена, раздались свистки, и пароходъ отвалилъ отъ пристани, на которой стояла толпа глазѣвшей публики. Минутъ черезъ пятнадцать Тобольскъ скрылся за высокимъ берегомъ Иртыша.

По сравненію съ другими большими сибирскими рѣками, Иртышъ не особенно широкъ; за то онъ глубокъ и съ быстрымъ теченіемъ; ни мелей, ни перекатовъ на немъ нѣтъ. Правый его берегъ, крутой, обрывистый, поднимающійся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до значительной высоты, покрытый зеленью вѣковыхъ сосенъ, пихтъ и елей, густо нависшихъ надъ рѣкой, не лишенъ своеобразной, нѣсколько мрачной красоты дикаго величія. Лѣвый берегъ совсѣмъ низкій: затопленный тальникъ и пески, снова пески и тальникъ утомляютъ своимъ однообразіемъ. Изрѣдка, впрочемъ, рѣка вдругъ врывается въ сравнительно узкое пространство крутыхъ, высокихъ береговъ съ обѣихъ сторонъ, но такія мѣста рѣдки.

Песчаный правый берегъ Иртыша, подвергаясь подмыву, случается, обваливается, и эти обвалы или, какъ сибиряки говорятъ, „оползни“, падая съ грохотомъ и шумомъ съ высоты въ воду, бываютъ причиной аварій и несчастій. Такое несчастіе именно случилось недѣли за три до нашего прохода. Верстахъ въ двухстахъ отъ устья Иртыша мы видѣли шкуну, лежащую безпомощно на боку въ пескахъ. Она проходила въ верстѣ отъ праваго берега какъ разъ въ моментъ обвала. Отъ паденія такой массы земли съ вѣковыми деревьями вода отпрянула отъ берега, образовавъ на рѣкѣ волненіе, и на столько сильное, что опрокинуло плоскодонную шкуну, бывшую, вѣроятно, безъ надлежащаго балласта, от-

бросивъ ее къ лѣвому берегу. Баржа съ грузомъ, которую вела на буксирѣ шкуна, выдержала волну и осталась невредима. Изъ экипажа и пассажировъ шкуны нѣсколько человѣкъ погибли въ рѣкѣ, нѣсколько были изувѣчены. День спустя послѣ катастрофы, на „Рейтерѣ“, проходившемъ у этихъ мѣстъ, услыхали съ берега крики. Пароходъ остановился и забралъ людей, требовавшихъ помощи.

Чѣмъ выше поднимался къ сѣверу пароходъ, тѣмъ становилось безлюднѣе и пустыннѣе. Иртышъ становился шире, правый его берегъ понижался. Миновавъ Самарово, русское село близъ устья Иртыша, пароходъ вошелъ въ Обь, вступивъ въ угрюмую страну таежныхъ тундръ и лѣсовъ. Мы были въ громадной безлюдной пустынѣ пріобскаго края. Здѣсь мы поднялись до самаго сѣвернаго пункта нашего путешествія, переваливъ за 61° широты, и были, по сибирскому счету разстояній, не очень далеко отъ Ледовитаго океана, который и давалъ знать о своей близости холоднымъ, суровымъ дыханіемъ.

Войдя въ Обь, мы повернули и пошли вверхъ по рѣкѣ, постепенно уклоняясь къ юго-востоку.

XIII.

Трудно представить себѣ что-нибудь однообразнѣе и унылѣе этой широкой, разлившейся на необозримыя пространства, рѣки съ ея низкими, затопленными лѣсистыми берегами. Куда ни взглянешь,—все та же безпредѣльная тайга по обѣ стороны. Эти тундры тянутся вплоть до Ледовитаго океана. Безлюдье полное. Рѣдко-рѣдко встрѣтится маленькая разбросанная кучка убогихъ остяцкихъ или самоѣдскихъ юртъ, да гдѣ-нибудь подъ берегомъ промелькнетъ душегубка-челнокъ съ „печальнымъ пасынкомъ природы“ — самоѣдомъ или остякомъ-рыболовомъ. И опять въ теченіе дня ни одного строенія, ни единой души. Тайга да вода, вода да тайга, и масса комаровъ—„гнуса“, какъ называютъ ихъ мѣстные жители.

И погода была какъ разъ подъ стать этой постылой природѣ. Солнце выглядывало украдкой и грѣло скупо въ началѣ іюня. Мутныя свинцовыя облака низко повисли надъ свинцовою рѣкой. Рѣзкій холодный вѣтеръ съ близкаго сѣ-

вера волновалъ рѣку, играя на ней серебристыми барашками, и напѣвалъ унылую пѣсню, качая верхушки прибережныхъ деревьевъ.

Становилось просто жутко. Тоска невольно охватывала пріѣзжаго человѣка. Неужели здѣсь можно жить?

Живутъ люди и въ этихъ проклятыхъ мѣстахъ (есть, впрочемъ, мѣста еще хуже, поближе къ Ледовитому океану, наприм., Вилюйскъ, Верхоянскъ). Преимущественно по притокамъ Оби, близъ „урмановъ“ [1]), гдѣ больше водится звѣрь, разбросаны рѣдкія селенія аборигеновъ страны, несчастныхъ инородцевъ. Есть, кромѣ того, здѣсь и такъ называемые административные „центры“, въ видѣ отчаянныхъ городишекъ, брошенныхъ въ эти трущобы. Въ подобныхъ, неизвѣстно для чего существующихъ, „центрахъ“, вродѣ Сургута или Нарыма, кромѣ бурбонистаго исправника или засѣдателя да двухъ-трехъ чиновниковъ, вносящихъ свѣтъ цивилизаціи къ инородцу посредствомъ взятокъ, живетъ нѣсколько сотенъ обывателей (потомковъ прежде поселенныхъ казаковъ) и уголовныхъ ссыльныхъ, десятокъ рыбопромышленниковъ и скупщиковъ пушнины—отчаянныхъ грабителей-кулаковъ, содѣйствующихъ всѣми силами вымиранію инородцевъ и уничтоженію звѣря и рыбы, и обязательно нѣсколько человѣкъ неуголовныхъ ссыльныхъ. Безъ десятка-другого такихъ невольныхъ туристовъ немыслима никакая сибирская дыра, и чѣмъ она трущобнѣе и отдаленнѣе, тѣмъ больше шансовъ встрѣтить въ ней нѣсколькихъ подобныхъ молодыхъ людей „безъ опредѣленныхъ занятій“.

— Что же они тамъ дѣлаютъ?

Этотъ вопросъ невольно напрашивался послѣ того, какъ мы миновали Сургутъ, захолустный городишка, брошенный въ обскихъ тундрахъ (подъ 61° 14′ и 90° 50′ долготы) и отрѣзанный зимой отъ Божьяго міра. Объ этомъ „центрѣ“ мы слышали отъ бывавшихъ тамъ людей, самого же его не видали, такъ какъ къ самому Сургуту, построенному не на Оби, а на притокѣ ея, рѣчкѣ Бардаковкѣ, пароходы не подходятъ. Пароходная пристань находится верстахъ въ десяти отъ городка.

Въ числѣ пассажировъ нашелся одинъ, который могъ дать болѣе или менѣе обстоятельный отвѣтъ на заданный вопросъ.

---

[1]) Глухія лѣсныя трущобы здѣсь называются „урманами“.

Это былъ господинъ лѣтъ за сорокъ, съ умнымъ и симпатичнымъ лицомъ, возвращавшійся изъ Нижняго, куда онъ ѣздилъ по торговымъ дѣламъ. Спеціально „купеческаго“ не было ничего ни въ его манерѣ, ни въ его рѣчи, — и фигура, и разговоръ обличали интеллигентнаго человѣка. Оказалось, что онъ случайный сибирскій житель. Попалъ онъ въ Сибирь въ 1865 году, двадцати лѣтъ отъ роду, со второго курса университета, замѣшанный въ какое-то политическое дѣло, и, въ качествѣ молодого человѣка безъ опредѣленныхъ занятій, живалъ во многихъ сибирскихъ дырахъ, передвигаясь постепенно съ дальняго востока на западъ. Затѣмъ, когда по манифесту ему были возвращены всѣ права, онъ получилъ опредѣленныя занятія въ одномъ сибирскомъ торговомъ домѣ. Семья помѣшала ему возвратиться въ Россію.

Вотъ этотъ-то свѣдущій человѣкъ, сохранившій, несмотря на многія испытанія судьбы, не только бодрость духа и здоровье, но и веселость характера, жилъ, между прочимъ, года три и въ Нарымѣ, который, по его словамъ, еще хуже Сургута.

— Жутко приходилось,—разсказывалъ онъ. — Общества никакого, занятій въ Нарымѣ никакихъ пріискать нельзя,— какія тамъ могутъ быть занятія?

— И что же вы дѣлали?

— Да ничего не дѣлалъ. Ходилъ на рѣку, ѣздилъ на рыбную ловлю, изучалъ бытъ остяковъ, кое-что почитывалъ, коли попадались книжки... Бывалъ на именинахъ у мѣстныхъ тузовъ изъ купцовъ и обязательно съ ними пьянствовалъ. Засѣдатель еще, по счастію, человѣкоподобный попался, хотя и пилъ запоемъ, но безъ толку не отравлялъ жизни; а вообразите себя въ такомъ захолустьѣ да въ полной зависимости отъ какого-нибудь пьянаго, еле грамотнаго, глупаго звѣря, воображающаго, что его задача состоитъ въ томъ, чтобы доканать человѣка безсмысленными придирками. А, вѣдь, и такіе попадались... Мы были со своимъ начальствомъ, впрочемъ, въ отличныхъ отношеніяхъ... Вдобавокъ, онъ во мнѣ нуждался...

— Какъ такъ?—заинтересовался я.

— А я за него писалъ годовые отчеты по управленію Нарымскимъ краемъ. Какъ, бывало, наступитъ время посылать въ губернскій городъ матеріалъ для составленія общаго отчета по губерніи, мое начальство ко мнѣ... Плохъ онъ былъ въ грамотѣ...

— Какъ, вы, ссыльный, писали административные отчеты?—расхохотался я.

— Это здѣсь не рѣдкость! Иной исправникъ совсѣмъ не умѣетъ связать нѣсколькихъ предложеній, а отчета требуютъ... Кто-жъ напишетъ, коли въ какомъ-нибудь сибирскомъ городкѣ иногда нѣтъ ни одного, буквально ни одного грамотнаго человѣка? Ну, и просить помочь случайнаго грамотнаго жителя... Въ наше время и обыватели не сторонились и вообще какъ-то мирнѣе было.

— А послѣ развѣ хуже стало?

— Больше безполезныхъ придирокъ... Ну, куда, скажите, вы убѣжите изъ какого-нибудь Нарыма?.. А бываютъ такіе начальники, которые не пускаютъ васъ за городъ... И обыватель, подъ давленіемъ такого начальства, обѣгаетъ... никакого занятія не даетъ и въ большомъ городѣ, гдѣ есть возможность что-нибудь заработать. И живи, какъ знаешь, на шесть рублей мѣсячнаго казеннаго пособія... Шибко бѣдуютъ... Уроковъ давать нельзя, практиковать врачу нельзя... Одинъ вотъ пріѣхалъ съ женой въ Тюкалу, такъ сталъ вывѣски писать... Другой стекла вставлялъ... Такъ много ли вывѣсокъ-то всѣхъ въ Тюкалѣ?

— Это вы про политическихъ? — вступилъ въ разговоръ бывшій тутъ ех-исправникъ.—Ахъ, я вамъ доложу, господа, чистая бѣда съ ними... Съ одной стороны боишься, какъ бы изъ-за нихъ въ отвѣтѣ не быть, съ другой—опять видишь, что человѣку, что называется, ни тпру, ни ну... Вотъ тутъ и разводи бобами... Да вотъ въ Нижне-Илимскѣ былъ случай... Жилъ тамъ на покаяніи молодой докторъ одинъ, съ женой. Такъ, бывало, пойдутъ на рѣку да съ удочками и сидятъ. Тѣмъ только и поддерживали себя... А какъ нарочно въ ту пору народъ шибко мёръ, тифы да скарлатины, да дифтериты, а на цѣлый округъ одинъ врачъ, котораго и съ собаками не сыщешь. Зовутъ люди этого самаго рыболова-доктора, а онъ не смѣетъ подать помощь, потому что не дозволено... Пріѣхалъ я и вижу, что дѣлать нечего... Разрѣшить не разрѣшилъ, а такъ, знаете ли, на словахъ говорю: „Лѣчите, молъ, коли хотите, но въ случаѣ чего... я не разрѣшалъ...“ Смѣется и обрадовался... Сталъ лѣчить народъ и вздохнулъ, — видитъ, что помощь есть... Да только блажной какой-то былъ этотъ докторъ... Большой чудакъ...

— А что?

— Да какъ же?.. Могъ бы онъ въ тѣ поры деньги заработать, всякій охотно бы ему платилъ, а онъ лѣчилъ даромъ... Только съ подвальнаго да съ богатыхъ и бралъ плату... Много ли съ такихъ наберешь?.. Послѣ какъ отбылъ свой пятилѣтній терминъ и сталъ въ нѣкоторомъ родѣ свободнымъ гражданиномъ, выѣхать-то и не на что... Такъ и остался въ Сибири, мѣсто городового врача въ какомъ-то городишкѣ, слышалъ я, получилъ...

Много еще интереснаго разсказывали свѣдущіе люди о жизни случайныхъ гостей въ Сибири, но передавать эти разсказы не стану.

Черезъ недѣлю этого однообразнаго плаванія съ остановками у пустынныхъ береговъ для пополненія запаса дровъ, пароходъ подошелъ къ нарымской пристани. Самый Нарымъ былъ въ нѣсколькихъ верстахъ.

На песчаномъ берегу островка было нѣсколько построекъ: маленькій домикъ для пассажировъ, пекарня для заготовки хлѣба на арестантскую баржу и лавчонка. На берегу собрались мѣстные жители съ молокомъ, яйцами, хлѣбомъ и просто въ качествѣ любопытныхъ зрителей. Двѣ дамы въ шляпкахъ и съ зонтиками въ рукахъ, очевидно, принадлежали къ нарымской аристократіи.

Нѣсколько остяковъ и остячекъ сидѣли на бревнахъ и апатично глядѣли на пароходъ. Другіе подъѣхали на своихъ челнокахъ съ рыбой. Дешевизна рыбы (маленькія порціонныя стерлядки, напримѣръ, продавались по семи, восьми копѣекъ) поражала пассажировъ, особенно нетербуржцевъ.

Я подошелъ къ группѣ остяковъ и заговорилъ съ ними. Только одинъ изъ нихъ могъ отвѣтить по-русски, да и то съ грѣхомъ пополамъ, мѣшая русскія слова съ остяцкими.

Тяжелое впечатлѣніе производятъ остяки. Вообразите себѣ маленькую, неуклюжую фигуру, плоское, темно-желтое лицо, узкіе гноящіеся глазки и шапку нечесанныхъ, жесткихъ, черныхъ волосъ на головѣ. Выраженіе лица покорно-тупое. Я наблюдалъ одного остяка. Въ продолженіе четверти часа онъ сидѣлъ неподвижно, безсмысленно устремивъ глаза въ одну точку. Одѣты они были въ рубахахъ и портахъ изъ самаго грубаго холста... Ни сапогъ, ни шапокъ ни у кого не было.

И мѣстная статистика, и свидѣтельства наблюдателей еди-

погласно подтверждаютъ фактъ постепеннаго вымиранія этого полудикаго народца финскаго племени. Сифилисъ и разныя эпидеміи и грубая эксплуатація, доводящая до нищеты, губятъ ихъ. Помощи они ни откуда не имѣютъ. Въ Нарымскомъ краѣ, площадь котораго занимаетъ 300 верстъ по Оби и 2,000 верстъ съ запада на востокъ, всего одинъ врачъ. Сообщенія примитивныя: лѣтомъ — на лодкахъ, а зимой—на саняхъ на весьма ограниченномъ протяженіи, главнымъ же образомъ—на лыжахъ. Понятно, что медицинская помощь безсильна. Не рѣдки случаи и голодовокъ. „Вотъ уже нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ, какъ остяки Сургутскаго округа подвергаются самымъ ужаснымъ бѣдствіямъ. Рыбные и звѣриные промыслы у нихъ съ каждымъ годомъ дѣлаются все хуже и хуже, а хлѣбъ дорожаетъ. Остяки впали въ крайнюю нищету; между ними появился голодъ. Разсказываютъ, что года четыре или пять тому назадъ среди умиравшихъ отъ голода остяковъ дѣло доходило до *людоѣдства*. Кто былъ посильнѣй, тотъ хваталъ слабѣйшаго, убивалъ его и съѣдалъ. Въ нынѣшнемъ году въ сравнительно короткое время изъ ваховскихъ и другихъ остяковъ умерло отъ голода, по однимъ разсказамъ—40, по другимъ—до 70 душъ. Все это происходило въ виду казенныхъ хлѣбозапасныхъ магазиновъ, устроенныхъ въ центрѣ остяцкихъ поселеній“ [1]).

Въ поясненіе этого надо замѣтить, что остяки, звѣроловы и рыболовы по преимуществу, не занимаются хлѣбопашествомъ, да и въ томъ краѣ мало удобныхъ для того мѣстъ. Для продовольствія инородцевъ устроены хлѣбные магазины, изъ которыхъ должна отпускаться мука за деньги, а иногда и въ долгъ, по дешевой цѣнѣ. Мѣра эта, повидимому, и разумная, не достигаетъ цѣли. Завѣдующіе этими магазинами вахтера, большею частью изъ мѣстныхъ козаковъ, дѣлаютъ возмутительныя злоупотребленія, вступая въ стачку съ частными торговцами мукой. Они продаютъ имъ всю казенную муку, записывая ее проданной инородцамъ, и эти послѣдніе должны по-неволѣ покупать муку и соль у мѣстныхъ русскихъ кулаковъ по болѣе дорогой цѣнѣ.

Рыболовство, чѣмъ прежде свободно занимался исключительно для себя инородецъ, давно уже перешло въ руки русскихъ кулаковъ-промышленниковъ, завладѣвшихъ насиліемъ

[1]) Корреспонденція изъ Сургута *(Петерб. Газета* 1885 г.).

и обманомъ лучшими „песками“ на Оби, принадлежащими остякамъ. По свидѣтельству людей, близко знакомыхъ съ дѣломъ, эксплуатація инородцевъ является въ грубѣйшей, возмутительной формѣ. То же самое продѣлывается и звѣроловами. За тяжкій промыселъ въ глухихъ урманахъ, гдѣ инородецъ, въ поискахъ бѣлки, медвѣдя и лисицы, рискуетъ ежеминутно жизнью, вознаграждается, разумѣется, не промышленникъ, а скупщикъ-кулакъ, у котораго инородецъ всегда въ долгу. Спаиваніе водкой играетъ не малую роль при этомъ [1]).

Остяки оффиціально христіане, но въ дѣйствительности язычники, исповѣдующіе культъ грубаго фетишизма. Они поклоняются идоламъ, обоготворяютъ камни. Идолы ихъ—грубыя человѣко-подобныя фигуры, сдѣланныя изъ дерева. Въ старое время, говорятъ, находили идоловъ, сдѣланныхъ изъ мѣди и даже изъ золота. Остяки скрываютъ гдѣ-нибудь въ глухомъ мѣстѣ тайги своихъ идоловъ, боясь, чтобы не провѣдали русскіе и не обворовали ихъ, такъ какъ остяки приносятъ жертвы и деньгами.

По словамъ людей, наблюдавшихъ остяковъ, они честны, воровство у нихъ почти неизвѣстно. Ихъ покорно-забитый видъ, тупость выраженія не должны, однако, свидѣтельствовать объ отсутствіи умственныхъ способностей. Они, правда, умственно неподвижны, но инородецъ-звѣроловъ нерѣдко выказываетъ не мало смѣтливости и находчивости. Они скрытны и неохотно высказываются; русскихъ не долюбливаютъ. Живутъ они бѣдно и грязно. Въ ѣдѣ не разборчивы: остякъ ѣстъ и рыбу, и мясо въ сыромъ видѣ, не прочь и отъ крысъ.

„Когда рѣжутъ оленя—въ остяцкихъ селеніяхъ торжественное событіе. Группа остяковъ окружаетъ только что зарѣзанное животное, и лишь его освободятъ отъ верхнихъ покрововъ, какъ остяки, живо работая острыми ножами, глотаютъ, кусокъ за кускомъ, теплое сырое мясо, мокая его въ кровь или запивая ею“.

Такъ описываетъ остяцкую пирушку г. Павловъ, авторъ

---

[1]) О промыслахъ въ Нарымскомъ краѣ есть прекрасно составленный очеркъ г. Шестаковича въ *Запискахъ Западно-Сибирскаго Отдѣла Географ. Общества* за 1884 годъ, а о положеніи промысловыхъ рабочихъ можно найти интересныя свѣдѣнія въ *Сибирской Газетѣ* (1884 и 1885 гг.). и *Сибирскомъ Вѣстникѣ* (1885 г.).

небольшой, не лишенной интересныхъ свѣдѣній книги: *3,000 верстъ по рѣкамъ Западной Сибири*, изданной въ 1878 году въ Тюмени. По словамъ того же автора, лучшее лакомство остяковъ — кишки бѣлокъ, наполненныя орѣхами. Онѣ ѣдятся остяками съ величайшимъ наслажденіемъ.

Сколько мнѣ извѣстно, въ литературѣ имѣется весьма мало обстоятельныхъ работъ о бытѣ остяковъ, объ ихъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ. Очень жаль, что ученыя общества не посылаютъ сюда солидныхъ изслѣдователей. Пройдетъ время, и, пожалуй, остякъ исчезнетъ съ лица земли.

XIV.

На девятый день мы вошли въ Томь. До Томска уже было не далеко. Пассажиры обрадовались: такъ надоѣли имъ однообразное плаванье и обычная пароходная жизнь; всѣмъ, какъ колумбовымъ спутникамъ, хотѣлось „берега“.

Пристать мы должны были не къ самому Томску,—къ городу пароходъ подходитъ только весною,—а къ Черемошину, селенію, верстахъ въ шести отъ города. Тамъ пароходная пристань и тамъ же бараки для переселенцевъ.

Уже пристань была въ виду, какъ нашъ пароходъ сталъ на мель. Провозившись съ добрый часъ, сгрузили часть груза на подошедшія лодки, и только тогда снова двинулись и, наконецъ, подошли къ пристани.

Черезъ полчаса на двухъ извощикахъ, въ сопровожденіи двухъ телѣгъ съ багажомъ, мы отправились въ столицу Западной Сибири. Расположенный на холмистой поверхности, окаймленный зеленѣющими лѣсами, сверкавшій куполами своихъ церквей подъ лучами заходящаго солнца, Томскъ издалека казался привлекательнымъ городомъ, и мы всѣ нетерпѣливо ждали города, заранѣе предвкушая удовольствіе хорошо выспаться на твердой землѣ послѣ закуски и чая.

Но, увы! телѣги съ багажомъ, которыя мы конвоировали, не позволяли намъ двинуться съ приличною скоростью, вдобавокъ, и эти дрожки-гитары, попавшіяся намъ, заставляли удерживать усердіе возницъ изъ боязни потерять маленькихъ пассажировъ, еще не приспособившихся къ балансированію на этихъ неудобныхъ орудіяхъ передвиженія.

Наконецъ, показались строенія, довольно плохенькія. Вотъ

и улица, не мощеная, съ деревянными мостками по бокамъ, вмѣсто тротуаровъ, съ низенькими невзрачными деревянными домами. Мои маленькія спутницы почему-то вообразили, что мы не въ городѣ еще, а въ предмѣстьи, и нетерпѣливо спрашиваютъ извощика: „скоро ли городъ?“ Оказалось, что мы не только въ „самомъ Томскѣ“, но даже на главной улицѣ. Я утѣшалъ, что дальше городъ будетъ лучше, но мы ѣхали дальше, а городъ все красивѣй не дѣлался.

Наконецъ, нашъ поѣздъ остановился у единственной томской гостиницы. „Ни одного нумера! Все, что было, занято подъ генералъ-губернатора!“ — сообщилъ намъ выбѣжавшій лакей. Повернули и поѣхали въ номера Войцеховскаго. „Былъ одинъ нумеръ, преотличный, да только что заняли!“ — утѣшили насъ и тамъ.

Нашъ кортежъ (двѣ телѣги впереди и двѣ „гитары“ позади) направился, по совѣту извощиковъ, на постоялый дворъ. Подъѣхали къ воротамъ. Вхожу на грязный „постоялый дворъ“. Меня встрѣчаетъ сама хозяйка, нѣсколько смахивающая на вѣдьму, первымъ дѣломъ спрашиваетъ: „чьи вы будете?“ и уже потомъ говоритъ, что у нея есть лишь одна свободная комната. Осматриваю: комнатка крохотная, кровать безъ тюфяка, грязь образцовая. Предлагаетъ еще корридорчикъ на ночь („спокойный корридорчикъ“) и снова, пріятно оскаливая зубы, спрашиваетъ: „чьи вы будете и зачѣмъ пріѣхали?“

Отвѣтивъ ей, что я прибылъ въ Томскъ для того, чтобы открыть хорошій постоялый дворъ, и повергнувъ ее въ недоумѣніе, я вышелъ за ворота и устроилъ съ извощиками маленькое совѣщаніе, куда теперь направиться? Въ этомъ митингѣ приняли участіе и двое прохожихъ, вмѣшавшіеся въ наше дѣло, но ничего путнаго не присовѣтовавшіе.

Рѣшили ѣхать на другой постоялый дворъ. „Тамъ хоть и не очень чтобы чисто, а вѣрно нумера есть!“—совѣтовали оба извощика, выражаясь объ этомъ дворѣ съ видимою осторожностью.

Тронулись. Опять ѣдемъ по той же улицѣ (мы ее въ этотъ вечеръ основательно изучили), доставляя скучавшимъ томичамъ даровой спектакль. А маленькія наши спутницы уже начинаютъ зябнуть въ своихъ лѣтнихъ ватерпруфчикахъ, пробывъ часа два, если не всѣ три, на воздухѣ, который въ этотъ вечеръ не отличался теплотой. Уже начинаетъ темнѣть,

когда нашъ поѣздъ остановился у постоялаго двора въ одной изъ боковыхъ улицъ. И тамъ ничего нѣтъ. Все занято извощиками-обозниками.

Этотъ отвѣтъ нѣсколько смутилъ насъ. Не ночевать же на улицѣ! Совѣтуютъ ѣхать на третій постоялый дворъ въ одной изъ большихъ улицъ. Снова выѣхали на злополучную большую улицу. Всѣ молчаливы и смущены, какъ вдругъ изъ воротъ одного дома насъ поманили.

„Стой!“ Остановились.

Какой-то черкесъ подошелъ и сказалъ, что въ этомъ домѣ есть комнаты, можно пристать. Оказалось, что этотъ черкесъ (изъ ссыльныхъ, конечно) былъ кучеромъ и дворникомъ.

Я уже не осматривалъ комнатъ, а мы всѣ прямо пошли въ домъ. Любезная и милая хозяйка провела насъ въ двѣ маленькія комнатки и обѣщала устроить насъ. Не прошло и четверти часа, какъ ужь на столѣ шумѣлъ пузатый самоваръ, появились булки, масло и сливки и, затѣмъ, внесли блюдо жареной телятины. Мы имѣли не только пристанище, но и отличный ужинъ.

Спасибо милой сибирячкѣ! Она насъ дѣйствительно устроила и призрѣла въ этотъ злополучный вечеръ нашего пріѣзда въ Томскъ съ радушіемъ и вниманіемъ, оставившимъ самое пріятное воспоминаніе.